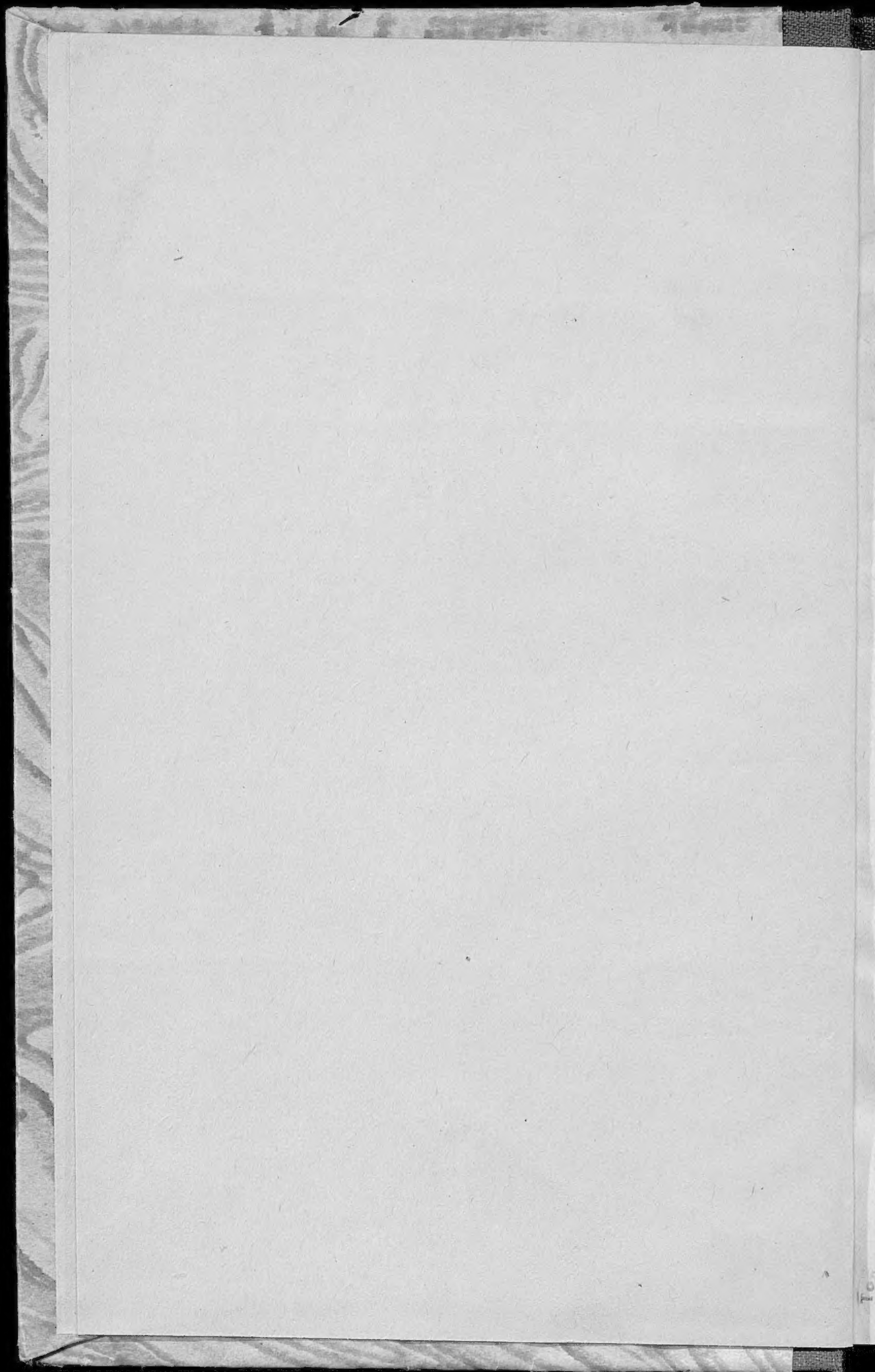
Пруцко-Прилуцкий Н.
Корифеи русского слова.



Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ
СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

ЖУКОВСКІЙ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ЦѢНА 95 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „ОРОСЪ"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВАРШАВА

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм п., 7 рота, 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Западныя вліянія въ творчествѣ Жуковскаго.

Рано замѣтны у насъ предвѣстія приближающагося романтизма.

Оссіану пришлось быть его пророкомъ и Ермилу Кострову, первому переводчику оссіановыхъ пѣсенъ [1]), его вѣстовымъ.

Сильное впечатлѣніе, произведенное въ англійской литературѣ искусной поддѣлкой Макферсона подъ народную старину, сліяніемъ ея подлинныхъ памятниковъ съ археологическими измышленіями новой поэзіи, не сгладившееся даже въ ранній періодъ дѣятельности Байрона, распространяясь по всей Европѣ, покоряя себѣ Гёте, Гердера, Шиллера, *не могло не захватить и русской поэзіи, давъ ей первыя романтическія очарованія*; еще не затихло у насъ раціоналистическое направленіе галломановъ, а уже показался таинственный поѣздъ всадниковъ, богатырей дальняго сѣвера, повѣяло суровымъ привольемъ моря и горъ,—и передъ прелестью Оссіана преклонились даже поэты въ родѣ Державина.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка у насъ узнали и о нѣмецкой романтической поэзіи, и объ англійскихъ предтечахъ романтизма, Греѣ, Перси.

Н. С. Тихонравовъ считалъ *первымъ проблескомъ знакомства съ романтизмомъ* переводныя баллады забытой теперь поэтессы и ученой женщины (серьезнаго математика

---

[1]) „Оссіянъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка, Гальскія, иначе Эрскія или Ирландскія стихотворенія". Съ *французскаго* Е. Костровъ. 1792.

и филолога) *Анны Турчаниновой*, поборницы женской самодѣятельности, обладавшей большимъ запасомъ знаній и меланхолическимъ взглядомъ на жизнь.

Извѣстная баллада казанскаго дилетанта *Каменева* «Громвалъ», съ которой (1804) обыкновенно ведется у насъ исторія романтизма, имѣла предшественницъ въ двухъ балладахъ Турчаниновой (одна переведена изъ «Reliques of ancient english poetry» епископа Перси), помѣщенныхъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени»[1]) 1795 г.

Жуковскій прочелъ ихъ еще въ пансіонѣ.

Обаяніе романтизма слишкомъ сильно затронуло сокровенные помыслы и мечтанія слабонервной, чрезмѣрно чувствительной, воспитанной на сентиментализмѣ Томсона и Юнга, натуры Жуковскаго, чтобъ не увлечь его въ подражательность.

Если въ отрочествѣ, несмотря на прививавшіеся ему средою ложноклассическіе вкусы, онъ уже увлекался «Сельскимъ кладбищемъ» Грея (дважды переведеннымъ въ концѣ вѣка), а въ ранней юности «Ленорой» Бюргера и «Покинутой деревней» Гольдсмита, характеристическими проявленіями романтической поэзіи до романтизма, то съ годами въ томныхъ или таинственныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ Фукэ, Новалиса, Тика онъ находилъ отголосокъ своей рано разбитой души и, не имѣя силъ стряхнуть съ себя расплывчивость чувства и найти сколько-нибудь мужественныя энергическія ноты, видѣлъ въ романтическомъ складѣ поэзіи *сладостную и цѣлебную опору страдающаго и мыслящаго человѣчества, — продолженіе и развитіе встрѣтившей его на порогѣ жизни старомодной „чувствительности“*, вліянія прекраснодушія такихъ старцевъ-идеалистовъ, какъ его воспитатель Ив. П. Тургеневъ или Лопухинъ, пансіонскаго «Дружескаго Литературнаго общества», кружка Кайсарова и юношей Тургеневыхъ.

По свойствамъ своей природы и далеко не глубокому образованію *онъ не входилъ въ изученіе сущности романтизма*; свидѣвшись въ сороковыхъ годахъ съ Тикомъ, въ то время уже отдалившимся отъ прежней своей школы, онъ не могъ

---

[1]) Въ томъ же журналѣ и въ „Ипокренѣ“ новѣйшія изслѣдованія указали усердное воздѣлываніе темъ Юнга и Оссіана.

столковаться съ нимъ; романтическое увлеченіе Шекспиромъ было для него непонятно, Гамлетъ остался въ его глазахъ навсегда «чудовищемъ»; теоретики романтизма *не существовали для Жуковскаго*, и онъ очень бы изумился, услышавъ, напримѣръ, изъ устъ Фридриха Шлегеля, что «назначеніе романтической поэзіи состоитъ не только въ соединеніи всѣхъ разрозненныхъ поэтическихъ видовъ и въ сближеніи поэзіи съ философіей, но что она стремится то смѣшивать между собой, то совершенно сливать поэзію и прозу, геніальный порывъ и критику, искусственность стиха съ народной, естественной поэзіей, сдѣлать поэзію жизненной и общественной, и, наоборотъ, придать жизни и обществу поэтическій характеръ, поэтизировать остроуміе и, наполняя художественныя формы разнороднѣйшимъ и развивающимъ содержаніемъ, оживлять ихъ всѣми прихотливыми изгибами юмора».

Подобные широкіе замыслы не приходили въ голову нашему поэту, — *такъ же мало понималъ онъ философскій подъемъ мысли и свободолюбіе усердно переводимаго имъ Шиллера* (въ иныхъ родахъ его творчества) *или міровоззрѣніе Гёте*, съ которымъ, однако, судьба поставила его даже въ близкія отношенія.

Еще разъ повторилось дѣйствіе уже указаннаго закона: *по мѣрѣ пересадки къ намъ извѣстнаго литературнаго движенія, его основа суживалась и мельчала.*

Отъ широкаго изученія романтиками нѣмецкой *старины*, которому наука обязана развитіемъ занятій народностью и языкомъ, *отъ странной, но, во всякомъ случаѣ, своеобразной философіи романтизма*, стремившейся охватить и осмыслить всѣ жизненныя явленія, *почти не осталось въ русскомъ переложеніи ни слѣда.*

Вадимы, Громобои, Свѣтланы, спящія дѣвы,—красивая *поддѣлка подъ русскую старину*, но сквозь народную одежду ея то и дѣло выступаютъ не однѣ только нѣмецкія, но вообще чужеземныя черты: въ «Свѣтланѣ» старая, всеобщая знакомая, бюргеровская *Ленора*; въ «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ» —фантастика *Шписа*: въ ранней повѣсти о Вадимѣ— герой поэмы *Флоріана* «Вильгельмъ Телль», переведенной Жуковскимъ еще въ 1802 г., наконецъ, въ «Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ» вполнѣ сходная тема патріотической

пѣсни *Грея* «The Bard», обозрѣвавшей устами такого же театрально-эффектнаго пѣвца главныя эпохи англійской національной славы [1]).

Это—*тѣ же пріемы*, которые встрѣчаются у него нерѣдко даже въ задушевныхъ, личныхъ изліяніяхъ.

Такъ, прелестное стихотвореніе «Тамъ небеса и своды ясны» съ его субъективными чертами написано по плану изъ «Послѣдняго Абенсерага» *Шатобріана*...

У романтической поэзіи Жуковскій взялъ *прежде всего внѣшность*,—таинственную обстановку, легіоны призраковъ и мертвецовъ, загробный міръ, феодальную декорацію, *затѣмъ смутное влеченіе къ народности и*, важнѣе всего, *искренность непринужденнаго выраженія чувства.*

Увлеченіе внѣшностью, къ счастью, прошло скоро, и хотя Жуковскому впослѣдствіи приходилось совѣститься, что онъ былъ «поэтическимъ дядькой всѣхъ чертей и вѣдьмъ», вкравшихся въ русскую поэзію,—по правдѣ сказать, это демоническое отродье вовсе не было многочисленно, совсѣмъ не страшно, и все разсѣялось передъ свѣтлой музой Пушкина [2]).

Такъ же быстро обветшали у насъ и прочіе внѣшніе аттрибуты нѣмецкаго романтизма, который, строго говоря, и совмѣщается почти исключительно въ одной только дѣятельности Жуковскаго,—*столь далекой отъ полнаго воспроизведенія сильно пережитаго германскаго умственнаго движенія*, что новѣйшему біографу Жуковскаго она представлялась *„поэзіею сентименталиста карамзинской эпохи, прожившаго на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществило бы идеалы его прошлаго“*... [3])

---

[1]) Это стихотвореніе многіе знали у насъ тогда; такъ Грибоѣдовъ въ глуши Персіи, остановившись въ раздумьи надъ потокомъ, на мшистомъ камнѣ, сравнилъ себя съ „Греевымъ Бардомъ,—недоставало только бороды“. Собр. соч., I, 34.

[2]) Обвиненіе, заключающееся въ извѣстномъ письмѣ Рылѣева къ Пушкину (Сочиненія Рылѣева, 1872, 234) и утверждающее, будто Жуковскій на ряду съ большой пользой „надѣлалъ *много* зла и *многихъ* растлилъ своей поэзіей“, прививъ къ ней мистицизмъ, кажется намъ полемическимъ преувеличеніемъ. Трудно было бы насчитать особенно многихъ подражателей Жуковскому, какъ мистику.

[3]) Александръ Веселовскій, „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“. СПб. 1904, XI.

Но *важное пріобрѣтеніе было все-таки сдѣлано.*

На смѣну торжественно бряцавшаго строя державинской лирики поставленъ былъ на первомъ планѣ *элементъ задушевности и простоты*, смѣняющейся *непритворными идеалистическими порывами.*

Предшественники въ родѣ Новалиса (Гарденберга) съ его мистическимъ славословіемъ рано угасшей и горячо любимой невѣсты научили Жуковскаго все выстраданное имъ личное горе вносить въ его поэзію, *эту искреннюю исповѣдь сентименталиста-неудачника, небогатую содержаніемъ, меланхолически однотонную, но правдивую.*

Изъ личнаго предпочтенія чувствительнаго поэта, въ сильной степени поддержаннаго вліяніемъ западныхъ образцовъ (въ Дерптѣ ему рано пришлось сблизиться съ нѣкоторыми изъ усердныхъ любителей романтизма и получать, благодаря имъ, изъ первыхъ рукъ новости этой школы; впослѣдствіи въ Германіи онъ вошелъ въ личныя сношенія съ Фукэ, Жанъ Полемъ и др.), вытекло *развитіе поэтической области, имѣющей неотъемлемое право на существованіе, наряду съ поэзіей реализма.*

Если же съ этимъ *качественнымъ обогащеніемъ* русской поэзіи сопоставить *расширеніе ея горизонта,* которымъ она обязана была *Жуковскому-переводчику,* слѣдовавшему и въ этомъ отношеніи маніи нѣмецкихъ романтиковъ переводить все лучшее въ міровой поэзіи и знакомившему насъ кромѣ германской поэзіи съ образцами *греческаго и восточнаго эпоса, старыми провансальцами, Сервантесомъ, Муромъ, Байрономъ, Вальтеръ-Скоттомъ, лакистами,*—то эта заслуга, за которую даже Бѣлинскій не задумался придать переводчику названіе второго Колумба, еще ярче отмѣтитъ обязательства русской поэзіи по отношенію къ нѣмецкому романтическому движенію.

Алексѣй Веселовскій.

Характеристика личности, жизни, идеаловъ и творчества Жуковскаго.

В. А. Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ *особое положеніе.*

Мы говоримъ о *карамзинскомъ*, *пушкинскомъ* ея періодѣ, но съ именемъ Жуковскаго понятія періода не соединяемъ. Кругомъ него есть подражатели, нѣтъ собственно школы; передъ нимъ его учителя, послѣ него ученики, подслушавшіе «плѣнительную сладость» его стиха, но нашедшіе и новое содержаніе для своей поэзіи.

Отзвуки державинской помпы, едва-ли ему свойственной, слышатся въ его раннихъ опытахъ и, позже, въ патріотическихъ одахъ; *затѣмъ имъ надолго, я сказалъ бы навсегда, овладѣлъ карамзинскій сентиментализмъ.*

Къ этому настроенію онъ былъ приготовленъ раннимъ опытомъ сердца, не находившаго встрѣчности въ родной семьѣ, воспитаніемъ и чтеніями въ московскомъ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, всего болѣе—недочетами чувства, на этотъ разъ встрѣчнаго, но заторможеннаго требованіями условной нравственности и каноническаго права,— и оно рвалось *въ выси платоническихъ мечтаній, среди надеждъ на возможность тихаго счастія и постоянныхъ разочарованій.*

Эта-то *любовь*, развитіе которой мы можемъ прослѣдить до мелочей, и сдѣлала Жуковскаго *поэтомъ: сентиментализмъ далъ ему готовыя поэтическія формулы, программу жизни*; въ карамзинской школѣ все это было или становилось *игрой—стихотворнымъ отводомъ напускной чувствительности*; Жуковскій *пережилъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво.*

Онъ *единственный, настоящій поэтъ этого направленія*; отголоски западнаго романтизма, залетавшіе къ намъ тогда къ великому недоумѣнію нашей критики, затронули его позднѣе не новыми задачами, а развѣ *мотивами*, которые растворялись въ готовомъ уже міросозерцаніи; таково и его отношеніе къ байронизму.

Онъ не *романтикъ*, какимъ называли его и еще называютъ, а *карамзинецъ, мимо котораго проходили событія и*

настроенія, зарождалась новая поэтическая школа, а онъ былъ тѣмъ же, какимъ сложился въ 1805—20-хъ годахъ, *гуманно и любовно относясь ко всему, что было ему встрѣчно*, что̀ укладывалось въ его пониманіе жизни.

Въ этомъ, а не въ иномъ смыслѣ, можно понять слова Пушкина въ салонѣ Смирновой, что Жуковскій принадлежитъ скорѣе къ его поколѣнію, чѣмъ къ старому. Связью между нимъ и молодежью, выступившею тогда въ поэзіи, была *искренность настроенія*; онъ первый *откровенно заговорилъ языкомъ сердца.*

Эта искренность насъ закупаетъ, несмотря на нѣкоторую ограниченность и неподвижность міросозерцанія.

Въ немъ *нѣтъ колебаній, нѣтъ страстныхъ порывовъ въ сторону*, въ погонѣ за новыми призраками счастья...

На разстояніи десятилѣтій, отъ первыхъ страницъ дневника 1804 и 1805 до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, *возрѣнія на главные вопросы жизни, нравственности, поэзіи, религіи не мѣняются,*—новые опыты только помогаютъ ихъ упрочить, или обостряютъ, когда практика жизни и общественности шла имъ наперекоръ; онъ же не шелъ новому на встрѣчу, а лишь серьезнѣе оборонялъ то, что было ему дорого и имъ пережито.

Каковы же были идеалы Жуковскаго?

Въ исторіи человѣческаго сознанія есть эпохи, когда, при упадкѣ общественности, *личная жизнь получаетъ особую цѣнность* и требованія разсудка уступаютъ вожделѣніямъ сердца.

Сентиментальныя эпохи—*эпохи общественнаго затишья*, ожиданія или реакціи; широкія цѣли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, *прогрессъ ограниченъ предѣлами личности.*

Идеаломъ каждаго становится развитіе въ себѣ „человѣка“, присущихъ ему нравственныхъ началъ; для этого не надо общества: *подальше отъ людей*—въ себя, изъ городовъ въ деревню, гдѣ царитъ мирный трудъ, въ природу.

Вмѣсто общества—*семья*, построенная на чистой привязанности, на культѣ чувства, которое питаетъ религію; то и другое настраиваетъ и поэзію; рядомъ съ семьей—*тѣсный кружокъ друзей*, совопросниковъ въ дѣлѣ самоусовершенствованія человѣчности, взаимно связанныхъ одной

задачей, поддерживающихъ другъ друга въ стремленіи къ общей цѣли.

Чувство, любовь, дружба, вѣра, поэзія—вотъ что воспитываетъ семьянина; семья готовитъ и «публичнаго человѣка», дѣятеля, но эта дѣятельность не такъ существенна.

Внѣшній міръ мѣряется спросами внутренняго, пейзажъ привлекаетъ не столько самъ по себѣ, сколько по размышленіямъ о Божіемъ величіи, о тлѣнности жизни, которыя онъ вызываетъ; *реальныя черты народности, народной особи расплываются въ отвлеченіяхъ гуманизма.* Интересуетъ вопросъ: что такое добродѣтельный человѣкъ? *Настроеніе сентименталиста піэтистическое.*

Такова программа «чувствительности», программа Карамзина. *Жуковскій вырабатываетъ ее серьезно...*

Въ этой-то атмосферѣ сложились любимые образцы, общія мѣста, эпитеты, все, что дѣлаетъ лирику Жуковскаго своеобразной; *сложился его стиль.*

Онъ надолго связалъ его. Случалось-ли ему забыть пережитое, забыться въ минутномъ увлеченіи чувства, или, скорѣе, «сердечнаго воображенія», онъ настраивался на старое, говорилъ о воспоминаніяхъ и чаяніяхъ, мечталъ и улеталъ—туда.

Въ такой лирикѣ нѣтъ жизнерадостнаго подъема, надъ нею лишь «рѣзвая задумается радость».

У Жуковскаго какъ-то разъ сорвалось признаніе: *настоящей молодости я не зналъ*, «свободной, живой, окруженной прекрасными для меня, новыми впечатлѣніями»; не зналъ и страсти, а лишь *страдательную, неосуществленную любовь*, позже—любовь, какъ пристань къ небу.

«Желать чего-нибудь страстно, значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія, рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее», вписалъ онъ въ 1815-мъ году въ альбомъ А. А. Воейковой.

А между тѣмъ, *по природѣ, онъ былъ человѣкъ веселый*, охочъ на шутки и проказы; такимъ знали его друзья; вспышки темперамента, подавленнаго недочетами сердца и манерой сентиментализма; противорѣчія сливались въ вѣрѣ, не въ юморѣ...

Съ начала 20-хъ годовъ Пушкинъ замѣчаетъ, что слогъ Жуковскаго сильно возмужалъ, но утратилъ первоначаль-

ную прелесть: «ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій первой части Спящихъ дѣвъ».

«Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью — товарищъ несравненный», говорилъ Жуковскій въ 1816 году; въ 1822 она уже перестала быть «отголоскомъ сердца»:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ,
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять,
Или на вѣкъ его утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но онъ надѣялся, что очарованье не умерло, что «былое сбудется опять»; надѣялся и Пушкинъ, но вышло иное: *изъ „мечтательнаго романтика“*, какъ самъ онъ себя называлъ, Жуковскій становился *эпикомъ*, *„болтливымъ сказочникомъ“*, перестаетъ служить риѳмѣ, увлеченъ Одиссеей, переводъ которой онъ считалъ лучшей изъ своихъ «поэтическихъ дочекъ».

Для послѣднихъ его лѣтъ это такой же автобіографическій фактъ, какъ его лирика для молодой поры. Онъ успокоился въ «своей» семьѣ, которой такъ долго искалъ; не было молодости, зато есть идиллическая старость, окруженная любовью, и ему теперь по сердцу и античная простота гомеровскаго быта, отданная настоящему, и протяжно звучащій стихъ Одиссеи...

Онъ счастливъ, но въ письмахъ звучитъ *новая нота страданія*: не по томъ, что̀ не сбылось, а по томъ, что̀ привязало его къ настоящему и можетъ быть отнято...

Передъ нами весь кругозоръ интимной лирики Жуковскаго: *онъ ограниченъ личной жизнью*, и въ ней уголкомъ чувства, тихо волнующагося, призывного, грѣющаго, томящагося по чемъ-то реальномъ или не здѣшнемъ. *Нѣтъ отзвуковъ волненій жизни*, патріотическіе мотивы «Пѣвца» и посланія къ «Императору Александру» стоятъ особо; гражданскія темы, къ которымъ призывалъ его кн. Вяземскій, отсутствуютъ,—поэтъ не отзывался на нихъ.

На все кругомъ себя онъ смотрѣлъ «сквозь сонъ поэтическій», все идеализовалъ, и друзья боялись рокового дара Мидаса—обращать въ золото все, до чего бы онъ ни дотронулся.

У Жуковскаго «все поэзія—царскія двери, дьячки, пономари», трунилъ въ 1819 г. кн. Вяземскій...

Такой взглядъ *застилъ пониманіе реальности*, и когда судьба привела Жуковскаго быть наставникомъ наслѣдника престола, ему пришлось пожалѣть, что практика общественной жизни ему почти незнакома.

Общее дѣло никогда не было мнѣ чуждо, писалъ онъ въ 1827-мъ году Ал. Ив. Тургеневу, «я не занимался современнымъ, какъ бы было должно, это правда, и теперь вижу, что мнѣ многаго не достаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи»...

Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія; носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространить то и другое на болѣе широкіе горизонты.

Культъ воспоминанія связывалъ его личное чувство, какъ *культъ преданія его оцѣнку историческихъ явленій*.

Но онъ умѣлъ любить и дружить; онъ дѣятельно искалъ дружбы, «чистая душа», какъ звалъ его въ письмахъ къ нему А. М. Тургеневъ; «единственный изъ насъ, который умѣетъ любить», выразился о немъ Пушкинъ въ салонѣ Смирновой.

И въ этомъ бѣдномъ по содержанію районѣ онъ совершилъ *чудеса*: въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, *неуловимыя движенія чувства, неслышныя колебанія настроенія*.

Все это для него дорого, и онъ хочетъ схватить это невѣдомое, бѣгущее, ускользающее отъ глаза и слуха; хочетъ выразить «невыразимое» и въ извѣстной мѣрѣ это ему удается. Въ этомъ очарованіе его стиха. Какъ онъ достигъ его,—въ эту тайну мы можемъ заглянуть лишь стороною...

Что̀ въ живописи освѣщеніе, то въ поэзіи *настроеніе*, Stimmung, *слѣдъ души*; въ поэзіи Жуковскаго *настроеніе цвѣтовое, и, вмѣстѣ, мелодическое*; особая *прелесть стиха, подборъ поэтическаго языка*, въ которомъ словарь чувствительности сосѣдитъ съ элементами церковно-славянскими и народными, мѣрное теченіе рѣчи обрывается порой лирически вопросомъ, плодятся анаколюты и встрѣчаются сочетанія, выходившія изъ нормъ господствовавшей тогда литературной рѣчи.

Кто не ощущалъ внутренней поэзіи стиля, тотъ упрекалъ Жуковскаго въ неправильностяхъ языка, въ германизмахъ.

На нихъ онъ учился, не предвзято, теоретически, а ощупью, ища выраженій для своего «невыразимаго»...

Не безъ борьбы дался Жуковскому его стиль; его школа—переводы.

Они составляли ему репутацію; «въ бореніи съ трудностью силачъ необычайный», сказалъ о немъ Пушкинъ, сѣтуя, что переводческая дѣятельность отвлекла его отъ творчества.

Но его переводы были тѣмъ же творчествомъ, и мы не ошибемся, сказавъ, что въ томъ отдѣлѣ его поэзіи, починъ котораго принадлежитъ ему, пересказъ, подражаніе и усвоеніе играли видную роль.

Начать съ переводовъ: онъ не столько переводилъ, сколько *воспроизводилъ*, спускаясь къ оригиналу, чаще поднимая его до своего пониманія.

Его понятіе о любви было нѣсколько отвлеченное, я сказалъ бы — безплотное, безъ налета даже той chasteté lascive, которая встрѣчается у сентименталистовъ и у Шатобріана, — и онъ удаляетъ изъ «Орлеанской Дѣвы» то, что̀ ему кажется слишкомъ откровеннымъ, земнымъ; недаромъ кн. Вяземскій боялся, что, переводя Байрона, Жуковскій будетъ «дѣйствовать»; наоборотъ, кое-гдѣ, какъ, напр., въ переводѣ Гальмовой драмы, онъ усиливаетъ краски, иное развиваетъ, чтобы оттѣнить элементъ автобіографическаго сочувствія.

Все это крайне характерно для Жуковскаго-поэта; у него *чисто женская воспріимчивость*, способность возгорѣться у всякаго огня, усваивать и развивать родственныя теченія, образы; онъ самъ знаетъ себѣ цѣну...

У меня почти все чужое, писалъ онъ о себѣ, и все однако-жъ мое; въ этомъ смыслѣ на склонѣ дней, онъ просилъ у Гоголя палестинскихъ впечатлѣній, чтобы они зажгли въ немъ искру творчества.

Но онъ давалъ не только свое, но и самаго себя, потому что процессы его чувства были для него дѣломъ важнымъ, ложились въ основу его міросозерцанія, которымъ онъ дорожилъ.

Стремленіе схватить ихъ невыразимость было поэтическимъ актомъ той же искренности; таково впечатлѣніе стиля Жуковскаго тамъ, гдѣ онъ не шалилъ стихомъ, а былъ поэтомъ.

Какъ-то разъ, защищая его отъ критиковъ, кн. Вяземскій выразился, что стихъ его можетъ устарѣть, останется— поэзія; я прибавилъ бы: *устарѣетъ ея содержаніе,* въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, *останется правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго имъ стиха.*

Можетъ быть, его поэзія и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довлѣющаго самому себѣ чувства будетъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастьѣ.

Когда-то вся природа была мнѣ пѣсней, моя душа поэзіей цвѣла, говорилъ онъ въ посвященіи «Ундины»:

Оно прошло, то время золотое,
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но магическій вѣнецъ не будетъ снятъ съ природы, свѣтъ не узнанъ и нѣтъ конца мечтамъ-призракамъ и днямъ «восторженныхъ видѣній»—поэзіи.

Александръ Веселовскій.

Поэзія Жуковскаго—лѣтопись его личной судьбы.

(Взглядъ Жуковскаго на поэзію.—Первые литературные опыты.— Вопросъ о счастіи.—Вліяніе жизни на направленіе поэзіи.—Романтизмъ.—Связь съ нимъ стремленій Жуковскаго.—Біографическіе факты.—Вліяніе на русскую литературу.—Стихъ Жуковскаго).

„Поэзія есть добродѣтель; жизнь и поэзія одно и то-же; поэзія есть земная сестра небесной религіи; поэзія должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. Стихотворецъ никогда не долженъ пере-

стать быть человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества сыномъ отечества, не долженъ пренебрегать должностей, соединенныхъ съ этими отношеніями. Всякій изъ читателей, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка—и горе поэту, если одобреніе судіи не будетъ для него столь же важно, какъ и одобреніе критики".

Вотъ взглядъ Жуковскаго на поэзію, выраженный имъ въ разное время.

Приписывая поэзіи особенную силу, онъ былъ *новымъ взглядомъ для его русскихъ современниковъ.*

Идеалъ, который долженъ направлять жизнь человѣка, названъ поэтому геніемъ чистой красоты.

Онъ въ главныхъ чертахъ сходенъ съ отвлеченнымъ идеаломъ Карамзина, но въ примѣненіи къ жизни нѣсколько отличается отъ него, что зависѣло уже отъ вліянія обстоятельствъ жизни и романтической поэзіи, давшихъ мысли и чувствамъ Жуковскаго особое направленіе.

Вопросъ о человѣкѣ съ его духовной стороны, безъ отношенія къ времени и мѣсту, опредѣленіе истинныхъ человѣческихъ достоинствъ былъ вопросомъ философіи, перешедшимъ наконецъ и въ поэзію.

Она стремилась изобразить душевную чистоту человѣка и направить его къ добру.

Отсюда она и сливается съ добродѣтелью, и съ жизнью, и съ вѣрою, и съ воспитаніемъ.

Жуковскій, впечатлительный, мечтательный, чувствительный, проникся такимъ идеаломъ и такими стремленіями еще юношею въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, гдѣ онъ воспитывался и гдѣ воспитаніе основывалось на искусствахъ и на изученіи языковъ, слѣд. и на знакомствѣ съ литературами.

Понятно, что при такомъ взглядѣ Жуковскій поставилъ цѣлью своей жизни поэзію, лишь только почувствовалъ къ ней призваніе.

Первые свои опыты онъ печаталъ, еще находясь въ пансіонѣ, занимаясь въ то же время и переводами по заказу книгопродавцевъ, такъ какъ иностранныя книги въ то время были рѣдкостью въ публикѣ, вслѣдствіе цензурной строгости.

Уже и тогда въ его стихахъ высказывалось *идиллическое настроеніе съ оттѣнкомъ грусти*, что вытекало изъ впечатлѣній дѣтства и первой юности.

Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ въ родной семьѣ исключительно въ обществѣ женщинъ, что должно было пристрастить его къ сельской природѣ и развить въ немъ чувствительность.

То же самое настроеніе слышется въ первомъ его произведеніи, которое обратило на него вниманіе публики— въ переводѣ элегіи англійскаго поэта Грея «Сельское кладбище».

Ее онъ напечаталъ двадцатилѣтнимъ юношею въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1802 г.

Въ концѣ элегіи, рисуя идеалъ поэта, онъ отступаетъ отъ англійскаго оригинала, изображая собственное настроеніе своей души или, лучше сказать, свой собственный портретъ.

Какъ нельзя больше кстати пришлось это произведеніе и для общества, настроеннаго передъ этимъ на чувствительный ладъ Карамзинымъ.

Несмотря на то, что литературный трудъ Жуковскаго былъ только переводъ, а не оригинальное произведеніе, всѣ признали за нимъ поэтическій талантъ, понявъ, что только поэтъ можетъ такъ глубоко проникнуться поэтическою мыслью, хотя бы и чужою, и выразить ее съ такой задушевностью.

Ласковая семья его такъ развила въ немъ любовь къ семейной жизни, такъ привязала къ себѣ всѣ мысли и чувства поэта, что онъ и *идеалъ человѣка поставилъ въ обстановку семейной жизни.*

Припомнимъ, что и Карамзинъ, еще въ «Письмахъ русскаго путешественника», говоря о жизни англичанъ, восхищается ихъ расположеніемъ къ жизни семейной и прибавляетъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ *домашней* жизни; припомнимъ, что впослѣдствіи онъ упрекалъ русское образованное общество за то, что въ немъ мало развита любовь къ жизни домашней, семейной, отчего страдаютъ многіе интересы жизни.

Жуковскій остановился на этой идеѣ и какъ бы въ противодѣйствіе обществу сталъ представлять счастье *только въ связи съ семейною жизнью.*

Семья приготовляетъ будущихъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей, слѣд. по его взгляду только хорошій семьянинъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, истиннымъ гражданиномъ и даже полезнымъ писателемъ.

И собственнаго счастья искалъ Жуковскій въ семейной жизни,—но дѣвушка, въ которой онъ видѣлъ идеалъ душевной чистоты, не могла соединиться съ нимъ, по близкому родству.

Отсюда и поэзія его получаетъ особенное направленіе, въ связи съ тѣмъ романтизмомъ, который пришелся ему по душѣ и въ которомъ онъ нашелъ примиреніе съ жизнью, не давшей ему желаннаго счастья.

Поэзію Жуковскаго справедливо называютъ *поэтической лѣтописью его личной судьбы*, но *въ связи съ стремленіемъ къ высшему идеалу жизни.*

Словомъ романскій (римскій) сначала были названы новоевропейскіе языки, происшедшіе отъ латинскаго (французскій, итальянскій, испанскій), потомъ оно перешло и на средневѣковую литературу, развившуюся на народныхъ языкахъ.

Такъ какъ эта литература рѣзко отличалась отъ древней, классической, то и романскій или романтическій сталъ выражать противоположное классическому.

Взглядъ средневѣковаго человѣка на жизнь основывался на смѣшеніи понятій христіанскихъ съ преданіями дохристіанскими, перешедшими изъ міра римскаго, германскаго, гальскаго, нормандскаго.

Стремленіе къ аскетизму поставило человѣка во враждебное отношеніе къ природѣ.

Какъ древніе населяли природу разными божествами, такъ средневѣковой человѣкъ сталъ воображать среди нея темныя силы, которыя на каждомъ шагу искали случая совратить и погубить человѣка.

Отсюда и идеальной красоты стали искать не въ природѣ, *а въ духѣ.*

Вѣрованіе въ разныя таинственныя силы развило вѣру въ чародѣйство, колдовство, въ связь живого чело-

вѣка съ умершими, въ возможность умершему являться изъ загробнаго міра по вызову живыхъ, въ возможность продавать свою душу темнымъ силамъ за мірскія блага и прочее

Все это сдѣлалось содержаніемъ средневѣковой поэзіи, которая стала развивать идеалы въ сферѣ рыцарской, ставя имъ въ главное достоинство душевныя качества и подвиги религіозные.

Здѣсь наряду съ идеальнымъ рыцаремъ и идеальнымъ монахомъ ставится идеальная дама; чувство любви дѣлается однимъ изъ главныхъ интересовъ жизни; но съ нимъ тѣсно связывается идеальная чистота и непорочность.

Борьба ведется съ силами темными, враждебными человѣку, гдѣ онъ или губитъ свою душу по недостатку лучшихъ душевныхъ качествъ, или спасаетъ ее по превосходству ихъ, хотя бы и съ потерею своего земного счастья.

Въ этой-то поэзіи стали искать для себя образцовъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія нѣкоторые германскіе поэты и критики, имѣя въ виду противодѣйствовать ложно-классической французской поэзіи.

Отсюда и является *новый романтизмъ*, тоже какъ противоположность новому классицизму.

Романтики утверждали, что въ средневѣковомъ романтизмѣ *христіанство связывало въ одно и государство, и церковь, и народъ, и науку съ искусствомъ, и жизнь.* Доказывали, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ проникала разнообразную жизнь: что поэтому въ средніе вѣка, несмотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни нашли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то *съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука.*

Эта школа хотѣла утвердить *единство поэзіи и жизни*; хотѣла міръ дѣйствительности пропитать духомъ поэзіи, возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусства встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи.

Такимъ образомъ, не удовлетворяясь настоящимъ, новые романтики стали обращаться къ прошедшему и къ будущему, выражая воспоминаніе объ одномъ и предчувствіе другого, стали развивать мечтательность, любовь къ таинственности, и отсюда *туманность, неопредѣленность, представленіе идеала на недосягаемой высотѣ, какъ небожителя.*

Разсказы, повторявшіе средневѣковыя вѣрованія, со всѣми чудесами, стали называться балладами, которыя на нѣкоторое время сдѣлались любимою формою у поэтовъ. Отъ вліянія новаго романтизма не уберегся и Шиллеръ, хотя главное значеніе его было въ стремленіи возвысить человѣка, какъ существо нравственно свободное, разъяснить его настоящія человѣческія достоинства, которыя онъ долженъ развивать въ самомъ себѣ, въ своемъ духѣ, такъ какъ въ нихъ заключаются права его на свободную жизнь.

Жуковскій, склонный къ чувствительности и мечтательности, поддавшись сначала вліянію сентиментальныхъ повѣстей Карамзина, потомъ нашелъ въ нѣмецкомъ романтизмѣ родство съ настроеніемъ своей души.

Неудачная любовь его утѣшалась мыслью о родствѣ душъ, которыя, не соединившись здѣсь, въ этомъ мірѣ, найдутъ соединеніе тамъ. Отсюда у него является и романтическое отношеніе къ прошедшему, настоящему, и будущему; отсюда такое же отношеніе и къ самому идеалу, который въ прошедшемъ свѣтился звѣздою счастья, погибъ для настоящаго и манитъ въ будущемъ за предѣлы жизни, къ небу, гдѣ и есть его настоящее жилище, какъ генія чистой красоты; оттуда онъ только на мигъ является къ человѣку, чтобы прельстить его и вызвать въ немъ стремленіе ко всему лучшему, прекрасному, чистому, свѣтлому.

Дальнѣйшія обстоятельства жизни Жуковскаго еще болѣе утвердили въ немъ этотъ романтическій взглядъ.

Въ 1817 году вышла замужъ любимая имъ дѣвушка, а черезъ шесть лѣтъ умерла, что погрузило Жуковскаго въ самую глубокую печаль.

Съ нею вмѣстѣ развивались въ его душѣ мысли, подобныя слѣдующимъ, которыя онъ выражалъ въ дружескихъ письмахъ.

„Маша болѣе нежели когда нибудь нашъ ангелъ, нашъ спутникъ, нашъ хранитель... теперь знаю, что такое смерть, но безсмертіе стало понятнѣе. Жизнь—не для счастія: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь—для души, слѣдственно Маша не потеряна. Кто возьметъ ее у души? Ее здѣшнею можно было видѣть глазами, можно было слышать; въ ея присутствіи было счастіе. Но ее тамошнею можно только видѣть душой, ея достойною, въ этомъ неразлучимою. Это чувство согрѣваетъ мою душу. Знаю, что не стою ея, но остатокъ жизни—этому чувству... Машина потеря есть для меня религія, и вотъ почему я называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться. Все высокое сдѣлается для меня теперь вѣрою, все стало понятнѣе..."

Изъ всего этого видно, какъ развился въ Жуковскомъ взглядъ на поэзію, приведенный здѣсь въ началѣ. Она дѣйствительно сдѣлалась для него святымъ дѣломъ, какъ и жизнь; отсюда: «жизнь и поэзія одно».

Я музу юную бывало
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незванное ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или на вѣкъ моя утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ —
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой алтарь священный,
О геній чистой красоты.

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда,
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда!

Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать,
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять.

Свой взглядъ на поэзію и жизнь Жуковскій выражалъ не только въ поэтическихъ произведеніяхъ, составляющихъ какъ бы исповѣдь души, но даже въ описаніяхъ разныхъ внѣшнихъ явленій, даже въ частныхъ письмахъ, вездѣ слышится одинаковое настроеніе, вездѣ хочется ему видѣть что-то таинственное, знаменательное, такъ что иногда самая дѣйствительность обращается въ какое-то видѣніе. Это уже крайность, до которой довелъ его романтизмъ.

До 1812 года Жуковскій, еще съ надеждой найти счастье въ дѣйствительной жизни, провелъ большую часть времени съ родными то въ деревнѣ, то въ Дерптѣ, не желая себя связывать никакой оффиціальной службой и занимаясь самообразованіемъ, чтобы достойно приготовиться на служеніе поэзіи, а черезъ нея и народу. Въ то же время онъ много переводилъ для книгопродавцевъ, а въ 1809 и 1810 годахъ былъ редакторомъ «Вѣстника Европы», когда особенно полно и выразилось его стремленіе къ семейному счастью. Въ 1812 году онъ участвовалъ въ московскомъ ополченіи при нашествіи французовъ и отозвался на возбужденный патріотизмъ русскаго народа извѣстною одою «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», которая быстро обошла всю Русскую землю: патріотическія его чувства, которыя высказались и въ нѣсколькихъ послѣдующихъ стихотвореніяхъ, равно какъ и несомнѣнный талантъ обратили на него вниманіе двора.

Въ 1815 году императрица Марія Θеодоровна, желая его приблизить къ себѣ, сдѣлала его своимъ чтецомъ.

Разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ легко отказывается отъ прежней жизни и переселяется въ Петербургъ.

Въ 1817 году онъ былъ назначенъ въ учителя русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ), а съ воцареніемъ Николая Павловича въ наставники къ наслѣднику престола Александру Николаевичу.

Понимая всю важность возложенной на него обязанности, онъ отказался на нѣкоторое время отъ литературы и отдался одному педагогическому дѣлу.

Это время раздѣляетъ два періода его литературной дѣятельности. Характеръ перваго мы уже опредѣлили. Второй относится къ тридцатымъ и преимущественно къ сороковымъ годамъ, когда романтизмъ перешелъ въ немъ въ религіозную мечтательность и мистицизмъ.

Въ 1841 году онъ наконецъ достигъ того, къ чему стремился съ самой юности, онъ сталъ наслаждаться семейной жизнью, а съ нею и полнымъ душевнымъ покоемъ:

Милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ,
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
„Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня...“

Большую часть этого періода Жуковскій провелъ заграницею, обогащая русскую литературу замѣчательными переводами лучшихъ произведеній поэзіи всѣхъ временъ и народовъ, которые никогда не утратятъ своей цѣны.

Сюда относятся стихотворенія Шиллера: «Кубокъ», «Торжество побѣдителей», «Жалобы Цереры», «Перчатка», «Сраженіе съ змѣемъ», извлеченіе изъ древнихъ народныхъ испанскихъ романсовъ подъ общимъ заглавіемъ «Сидъ», передѣлка поэмы Ламотъ-Фукэ «Ундина», передѣлка драматической поэмы Гальма «Камоэнсъ», переводъ индійской поэмы «Наль и Дамаянти», переводъ (съ нѣмецкаго) «Одиссеи» и начало «Иліады» Гомера, переводъ персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ» и др.

Но несмотря на все достоинство трудовъ Жуковскаго, не этотъ періодъ его дѣятельности имѣетъ значеніе въ нашей литературѣ.

Въ эти годы она уже вырабатывала другое направленіе подъ вліяніемъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др.

Сильное вліяніе Жуковскаго на литературу было *въ первой четверти прошлаго столѣтія*, когда онъ, поддавшись нѣмецкому романтизму, нанесъ окончательный ударъ ложному классицизму, осужденному и поколебленному въ нашей литературѣ уже Карамзинымъ.

Правда, и Жуковскій впалъ въ крайность, слишкомъ отрывая поэзію отъ окружающей русской дѣйствительности и всей ея обстановки, но тѣмъ не менѣе *онъ представлялъ внутренній духовный міръ человѣка, не вымышляя его, а самъ переживая умомъ и сердцемъ все то, что входило въ его идеалъ*; онъ стремился разъяснить истинныя вѣчныя достоинства человѣческой жизни, указывая на ея высшіе интересы, стремился и *поэзіи дать высшее значеніе, сближая ее, если не съ окружающею насъ жизнью, то съ жизнью сердца, чтобы тѣмъ очистить и возвысить душу.*

Благодаря ему и послѣдующіе поэты стали серьезнымъ взглядомъ смотрѣть на поэзію, какъ на искусство, «которое не терпитъ суеты».

Они позаботились о дальнѣйшемъ ея сближеніи уже съ русской жизнью.

Такимъ образомъ направленіе Жуковскаго, несмотря на свою крайность, имѣетъ *историческое значеніе по связи съ нашимъ прошедшимъ и послѣдующимъ временемъ, равно какъ и съ ходомъ европейской цивилизаціи.*

Къ этому періоду относятся: «Людмила» (передѣлка «Леноры» Бюргера), «Кассандра» (Шиллера), «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», «Свѣтлана», «Теонъ и Эсхинъ», «Эолова арфа», «Орлеанская дѣва» (Шиллера), «Шильонскій узникъ» (Байрона), «Пери и ангелъ» (Мура) и мн. др.

Между ними главное мѣсто занимаютъ баллады и элегіи, изъ которыхъ оригинальныя, по духу, ничѣмъ не отличаются отъ переводныхъ.

Проникнутый извѣстнымъ настроеніемъ, онъ переводилъ только тѣ, которыя выражали это настроеніе, другія же согласно съ нимъ передѣлывалъ, наконецъ третьи—создавалъ самъ.

Хотя нѣкоторымъ изъ нихъ онъ думалъ сообщить народный колоритъ, изображая дѣйствіе въ русской средѣ

или по крайней мѣрѣ въ средѣ русскаго сказочнаго міра («Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», «Свѣтлана»), но этотъ колоритъ терялся въ личномъ настроеніи поэта, проникнутаго своимъ особеннымъ міросозерцаніемъ.

Смотря на поэзію, какъ на искусство, Жуковскій обращалъ особенное вниманіе на обработку формы и въ этомъ случаѣ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Преимущественно же онъ усовершенствовалъ русскій стихъ, представивъ изящные образцы разнообразныхъ размѣровъ, надъ которыми прежде не пробовалъ силъ ни одинъ русскій стихотворецъ.

Отличаясь въ первомъ періодѣ богатствомъ рифмъ и ихъ разнообразнымъ сочетаніемъ, во второй онъ перешелъ къ стиху безрифменному, который выигравъ въ простотѣ и безъискусственности, въ то же время сохранилъ всю прелесть звучнаго поэтическаго стиха.

В. Стоюнинъ.

Основные мотивы поэзіи Жуковскаго.

Ясный, залитый свѣтомъ день русской литературы начался съ восходомъ его солнца, Александра Сергѣевича Пушкина. Но и раньше на небѣ россійской словесности горѣли яркія звѣзды, изъ которыхъ одна была зарею грядущаго дня. Это былъ Василій Андреевичъ Жуковскій, учитель Пушкина, впослѣдствіи, сознательно и добровольно, со святымъ благоговѣніемъ склонившій голову передъ ученикомъ—побѣдителемъ.

Василій Андреевичъ *не былъ геніемъ*, творящимъ новые міры прекраснаго. Но онъ обладалъ *крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ* и былъ *развитъ и образованъ*. Что не менѣе важно, Жуковскій представлялъ въ высшей степени *симпатичную личность, тихую, добрую*. Его душевный обликъ обусловливалъ содержаніе и тонъ его поэзіи. Все вмѣстѣ доставило Жуковскому особое, весьма почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Съ именемъ Василія Андреевича связано представленіе о введеніи въ русскую письменность новаго литературнаго направленія, такъ называемаго романтизма. Какъ реформаторъ русской литературы Жуковскій былъ какъ бы продолжателемъ дѣла, начатаго Карамзинымъ, который введеніемъ такъ называемаго сентиментализма нанесъ смертный ударъ господству мертвеннаго ложно-классическаго направленія въ русской литературѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что, уже въ началѣ своей писательской карьеры, Жуковскій находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, который передаетъ молодому поэту отвѣтственное дѣло редактированія журнала «Вѣстникъ Европы».

Сентиментализмъ, которому и Василій Андреевичъ отдалъ дань въ своей повѣсти «Марьина роща», былъ не глубокъ. Онъ основывался только на чувствѣ; идеализировалъ дѣйствительность, которую понималъ весьма поверхностно. Будучи по своимъ основнымъ настроеніямъ весьма гуманенъ, сентиментализмъ страдалъ отсутствіемъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, отсутствіемъ высшаго понятія объ источникѣ добра и его идеаловъ.

Цѣльное и стройное міровоззрѣніе мы находимъ только въ романтизмѣ. Оно, хотя и не во всей своей полнотѣ, отражается въ произведеніяхъ Жуковскаго, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая самыми зрѣлыми.

Уже *природные задатки* его нравственнаго характера и событія личной жизни подготовили Василія Андреевича къ воспринятію настроеній и идеаловъ романтизма. Жуковскій обладалъ *необыкновенно-мягкимъ, любящимъ сердцемъ и какой-то врожденной грустью.* Выросъ онъ тоже въ семьѣ, представлявшей образецъ честности, благородства, доброты и тихаго, нѣжнаго уюта. Преобладающимъ элементомъ въ семьѣ былъ женскій, и Василій Андреевичъ, всегда окруженный женщинами и дѣвушками—своими сестрами и племянницами, самъ пріобрѣлъ извѣстную *женственность*, какъ въ движеніяхъ своего сердца, такъ и во всѣхъ манерахъ. Во время пребыванія въ тульской главной народной школѣ Жуковскій нашелъ цѣннаго друга въ лицѣ учителя Покровскаго, человѣка всесторонне образованнаго и глубоко-гуманнаго, который внушилъ будущему поэту убѣжденія въ родѣ: «На свѣтѣ семъ доля жертвы — блаженнѣй, чѣмъ доля губителя» и

т. п. Къ этимъ вліяніямъ прибавилась личная катастрофа въ жизни поэта—безнадежная любовь къ своей племянницѣ. Эта сердечная неудача окончательно опредѣлила направленіе поэзіи Жуковскаго.

Основной тонъ романтическаго міровоззрѣнія Жуковскаго—свѣтлый пессимизмъ, скорбь, смягченная вѣрой въ грядущее счастье за гробомъ.

Эти настроенія въ своихъ грубыхъ формахъ выступаютъ уже въ раннихъ произведеніяхъ прекраснодушнаго поэта.

Въ 1797 году Жуковскій говоритъ:

Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ...

Такое же недовольство земной жизнью чувствуется въ пьесѣ, написанной черезъ три года:

Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ.

Но въ приведенныхъ трехъ строкахъ звучатъ также другіе мотивы. Жизнь, дѣйствительно, «бездна слезъ и страданій», но *она все же разумна.* Ее нужно любить. Нельзя доходить до ожесточенія. *Въ жизни есть добро, есть мудрость*—какой богатый источникъ наслажденій для глубокаго человѣческаго духа. Наконецъ, можно найти примиреніе съ жизнью въ мысли о загробномъ счастьи:

Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ! —

восклицаетъ поэтъ.

Бунтъ противъ жизни—грѣховенъ. Это возстаніе противъ Творца, который руководитъ всѣмъ міромъ и каждому изъ своихъ твореній опредѣляетъ свою судьбу.

О, Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зло Создатель не творитъ, —

говоритъ поэтъ устами старухи въ балладѣ «Людмила»:

Кратко жизни сей страданье;
Рай—смиреннымъ воздаянье,—
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.

Нельзя роптать на Творца. Все, что онъ дѣлаетъ, разумно. Надо со смиреніемъ нести свой крестъ, черпая утѣшеніе въ мысли о томъ, что жизнь человѣческая коротка, и за нѣсколько лѣтъ страданій вѣрующаго и просвѣтленнаго ждетъ вѣчность блаженства за границами земного существованія.

Людмила возроптала и понесла наказаніе. Когда она падаетъ мертвая на трупъ своего жениха,—

Стонъ и вопли въ облакахъ,
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ,
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,—
Царь Всевышній правосуденъ“...

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ ярко повторяется идея баллады.

Въ балладѣ «Свѣтлана» Жуковскій проводитъ ту же мысль.

Лучшій другъ намъ въ мірѣ семъ
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

Но ярче всего идеи романтизма выражены Жуковскимъ въ прекрасной элегія «Теонъ и Эсхинъ».

Въ ней противопоставляются носители двухъ міровоззрѣній.

Эсхинъ —

...Долго за счастьемъ по свѣту бродилъ
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

Онъ видѣлъ счастье въ преходящихъ явленіяхъ человѣческой жизни, но

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили.
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.

Другу, съ которымъ встрѣчается послѣ долголѣтней разлуки, онъ говоритъ:

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель!

Теонъ его опровергаетъ. Съ глубокимъ спокойствіемъ мудреца онъ излагаетъ свое міровоззрѣніе:

Боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.

Несмотря на это внутреннее противорѣчіе, нельзя отрицать жизни:

И жизнь и вселенна прекрасны!

Но надо знать, гдѣ искать счастье:

Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
Что можетъ разрушить въ минуту судьба,—
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше.

«*Нетлѣнныя блага сердца*» только—

... любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.—

Любовь и возвышенныя чувства—вотъ истинное, непризрачное счастье. Человѣкъ долженъ стремиться *къ личному самоусовершенствованію*, которое ведетъ къ достиженію величайшаго идеала жизни: небо заложило въ человѣческой природѣ всѣ благородныя стремленія, развитіе которыхъ и служитъ залогомъ человѣческаго счастья.

При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

Полнота счастья, правда, на землѣ невозможна, но отъ человѣка зависитъ и въ горѣ найти источникъ счастья. Несчастье—горнило, въ которомъ человѣкъ закаляется. Даже утрата любимаго человѣка не можетъ оборвать счастья любви:

Увы! Я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та-же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна,—

говоритъ Теонъ и спрашиваетъ:

И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

Итакъ: воспоминанія, скорбь и — вѣра въ загробную жизнь.

Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ!
По той-же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той-же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила,—

говоритъ Теонъ, и продолжаетъ:

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ
Какъ небо сіяньемъ авроры.

И въ заключеніе: —

А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.
Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь
Отворится... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

И послѣдній торжественный аккордъ:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство;
И горе и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Захваченный романтизмомъ, Жуковскій познакомилъ русскую читающую публику съ своеобразными сторонами новаго литературнаго направленія, съ ея экзотическими элементами, путемъ переводовъ лучшихъ образцовъ западно-европейской литературы. Укажемъ на мастерски переведенныя *баллады Шиллера.*

Мистицизму содержанія въ произведеніяхъ Жуковскаго соотвѣтствуетъ мистицизмъ обстановки. Въ балладахъ Жуковскаго много фантастическаго элемента, впрочемъ не русскаго, а заимствованнаго изъ европейскихъ образцовъ.

Это одна сторона литературной дѣятельности Василія Андреевича. Но введеніемъ романтизма не исчерпываются заслуги Жуковскаго передъ родной литературой. Василій Андреевичъ первый и до послѣдняго времени никѣмъ не превзойденный поэтъ-переводчикъ. Жуковскому же принадлежитъ афоризмъ, что «переводчикъ въ стихахъ соперникъ автора». Жуковскій былъ врожденный эстетъ, тонкій знатокъ и цѣнитель искусства. Онъ перевелъ много мелкихъ и крупныхъ поэмъ европейскихъ писателей, но особенно прославился переводомъ «Одиссеи» Гомера и индійской повѣсти «Наль и Дамаянти».

Переводы его отличаются тѣмъ, что *очень близки къ подлиннику и вѣрно передаютъ его духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій привноситъ въ свои переводы что-то свое, глубокое, интимное и красивое, что одухотворяетъ ихъ, подымая до высоты самостоятельнаго творчества.*

Съ этимъ соединяется классическое совершенство формы.

Стиль Жуковскаго гибокъ, граціозенъ и легокъ. Языкъ богатъ, строенъ и плавенъ. Недостаетъ ему только народности, той истинной народности, которая запечатлѣла языкъ Пушкина, сообщивъ ему неуловимую прелесть національной жизненности.

Н. Г. Григорьевъ.

Литературное и историческое значеніе поэзіи Жуковскаго.

(Что такое романтизмъ?—Жуковскій, какъ романтикъ.—Оплодотвореніе русской поэзіи).

Романтизмъ—принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзіи: *его источникъ* въ томъ, въ чемъ источникъ и искусства, и поэзіи—*въ жизни.*

Жизнь тамъ, гдѣ—человѣкъ, а *гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ.*

Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца.

Въ груди и сердцѣ человѣка заключается *таинственный источникъ романтизма:* чувство, *любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма*, и потому почти всякій человѣкъ—романтикъ.

Исключеніе остается только или за эгоистами, которые кромѣ себя никого любить не могутъ, или за людьми, въ которыхъ священное зерно симпатіи и антипатіи задавлено и заглушено или нравственной неразвитостью, или матеріальными нуждами бѣдной и грубой жизни.

Романтическая лира Эллады умѣла воспѣвать не одно только счастье любви, какъ страстное и изящное наслажденіе, и не одну муку нераздѣльной страсти: она умѣла плакать еще и надъ урной милаго праха, и *элегія,*—этотъ *ультра-романтическій родъ поэзіи,*—была создана ею-же, свѣтлой музой Эллады. Когда отъ страстно любящаго сердца смерть отнимала предметъ любви прежде, чѣмъ жизнь отнимала любовь,—грекъ умѣлъ любить скорбной памятью сердца.

Впрочемъ, романтизмъ не былъ преобладающимъ элементомъ въ жизни грековъ: онъ даже подчинялся у нихъ другому, болѣе преобладающему элементу—общественной и гражданской жизни. Поэтому *романтизмъ греческій всегда ограничивался и уравновѣшивался другими сторонами эллинскаго духа и не могъ доходить до крайностей нелѣпаго.*

Не такимъ является *романтизмъ въ средніе вѣка.*

Въ Греціи романтизмъ былъ силой мрачной, всегда движущейся, вѣчно борющейся съ богами Олимпа и вѣчно державшей ихъ въ страхѣ; но эта сила всегда была побѣждаема высшей силой олимпійскихъ божествъ: *въ средніе вѣка*, напротивъ, *романтизмъ* составлялъ *безпримѣрную, самобытную силу*, которая, не будучи ничѣмъ ограничиваема, дошла до послѣднихъ крайностей противорѣчія и безсмыслицы.

Этимъ страннымъ міромъ среднихъ вѣковъ управлялъ не разумъ, а *сердце и фантазія.*

Казалось, что міръ снова сдѣлался добычей разнузданныхъ элементарныхъ силъ природы: сорвавшіеся съ цѣпей титаны снова ринулись изъ Тартара и овладѣли землей и небомъ,—и надъ всѣмъ этимъ снова распростерлось мрачное царство хаоса...

Въ этомъ странномъ мірѣ безуміе было высшей мудростью, а мудрость — буйствомъ; смерть была жизнью, а жизнь—смертью, и міръ распался на *два міра*—на презираемое *здѣсь* и неопредѣленное таинственное *тамъ.*

Все жило и дышало *чувствомъ безъ дѣйствительности, порываніемъ безъ достиженія, стремленіемъ безъ удовлетворенія, надеждой безъ совершенія, желаніемъ безъ выполненія, страстной, безпокойной дѣятельностью безъ цѣли и результата.*

Хотѣли чувствовать для того только, чтобъ стремиться, желать—чтобъ желать, а дѣйствовать—чтобъ не быть въ покоѣ.

На *тѣло* смотрѣли не какъ на проявленіе и орудіе духа, а *какъ на вериги и темницу духа*, не раздѣляли мнѣнія древнихъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа, но, напротивъ, были убѣждены, что только изможденное и устарѣвшее до времени тѣло могло быть одарено ясновидѣніемъ истины...

Чудовищныя противорѣчія во всемъ! Дикій фанатизмъ шелъ объ руку со святотатствомъ; злодѣйство и преступленіе смѣнялись покаяніемъ, крайность котораго, казалось, превосходила силы духа человѣческаго; набожность и кощунство дружно жили въ одной и той же душѣ.

Надо отдать въ одномъ справедливость среднимъ вѣкамъ: *они обожали красоту*, какъ и греки; но *въ свое понятіе о красотѣ внесли духовный элементъ.*

Греки понимали красоту только какъ красоту строго правильную, съ изящными формами, оживленными граціей; красота среднихъ вѣковъ была красотой не одной формы, но и какъ чувственное выраженіе нравственныхъ качествъ, *болѣе духовная*, чѣмъ тѣлесная,—красота, для художественнаго возсозданія которой скульптура была уже слишкомъ бѣднымъ искусствомъ, и которую могла воспроизводить только *живопись*.

Для грековъ красота существовала въ цѣломъ, и потому ихъ статуи были нагія или полунагія; красота среднихъ вѣковъ вся была сосредоточена *въ выраженіи лица и глазъ*.

Нельзя не согласиться, что понятіе среднихъ вѣковъ о красотѣ *болѣе романтическое и болѣе глубокое*, чѣмъ понятіе древнихъ.

Но средніе вѣка и тутъ не умѣли не исказить дѣла крайностью и преувеличеніемъ: они слишкомъ любили *туманную неопредѣленность выраженія въ лицѣ женщины*, и въ ихъ картинахъ она является какъ будто совсѣмъ безъ формъ, совсѣмъ безъ тѣла, какъ будто тѣнью, призракомъ какимъ-то.

Много нужно было времени, битвъ, бореній, переворотовъ и страданій, чтобъ явилась человѣчеству *заря новаго романтизма* и настала для него эпоха освобожденія отъ романтизма среднихъ вѣковъ.

Давно уже условія жизни и основы общества были другія, непохожія на тѣ, которыми крѣпки были средніе вѣка, но романтизмъ среднихъ вѣковъ все еще держалъ Европу въ своихъ душныхъ оковахъ, и — Боже мой! — какъ еще для многихъ гибельны клещи этого искаженнаго и выродившагося призрака!..

XVIII вѣкъ нанесъ ему ударъ страшный и рѣшительный; но дѣло тѣмъ не кончилось: какъ лампа вспыхиваетъ ярче передъ тѣмъ, когда ей надо угаснуть, такъ сильнѣе въ началѣ нынѣшняго вѣка возсталъ было изъ своего гроба этотъ покойникъ.

Всякое сильное историческое движеніе необходимо порождаетъ реакцію своей крайности; вотъ причина внезапнаго проявленія романтизма среднихъ вѣковъ въ литературѣ XIX вѣка.

Онъ воскресъ въ странѣ, умственную жизнь которой составляетъ теорія, созерцаніе, мистицизмъ и фантазерство,—*въ Германіи.*

Въ концѣ XVIII вѣка тамъ явился великій поэтъ, одной стороной своего необъятнаго генія принадлежавшій человѣчеству, а другой—нѣмецкой національности.

Мы говоримъ о *Шиллерѣ*, поэзія котораго поражаетъ своей двойственностью при первомъ взглядѣ.

Паѳосъ ея составляетъ чувство любви къ человѣчеству, основанное на разумѣ и сознаніи; въ этомъ отношеніи Шиллера можно назвать *поэтомъ гуманности.*

Въ поэзіи Шиллера сердце его вѣчно исходитъ самой живой, пламенной и благородной кровью любви къ человѣку и человѣчеству, ненависти къ фанатизму религіозному и національному, къ предразсудкамъ, къ кострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они—братья другъ другу.

Провозвѣстникъ высокихъ идей, жрецъ свободы духа, на разумной любви основанной, поборникъ чистаго разума, пламенный и восторженный поклонникъ просвѣщенной, изящной и гуманной древности,—Шиллеръ въ то же время—*романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ*!..

Шиллеръ высокъ въ своемъ созерцаніи любви; но эта любовь мечтательная, фантастическая: она боится земли, чтобъ не замараться въ ея грязи, и держится подъ небомъ, именно въ той полосѣ атмосферы, гдѣ воздухъ рѣдокъ и неспособенъ для дыханія, а лучи солнца свѣтятъ не грѣя...

Женщина Шиллера—это не живое существо съ горячей кровью и прекраснымъ тѣломъ, а *блѣдный призракъ*; это не страсть, а *аффектація.* Женщина Шиллера любитъ больше *головой*, чѣмъ сердцемъ, и она у него на пьедесталѣ и подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобъ не пахнулъ на нее вѣтеръ и не коснулся ея прахъ земли.

Въ балладахъ своихъ Шиллеръ воскресилъ весь *піетизмъ среднихъ вѣковъ* со всей безотчетностью его содержанія, со всѣмъ простодушіемъ его невѣжества...

Это движеніе, возникшее въ Германіи, сообщилось всей Европѣ.

Въ Англіи явился поэтъ всего менѣе романтическій и всего болѣе распространившій страсть къ феодальнымъ вре-

менамъ. Вальтеръ-Скоттъ — самый положительный умъ; герои его романовъ всѣ влюблены, но какъ—этого онъ не раскрываетъ; его дѣло любить и женить, а до мистики и страсти, до его развитія и характера онъ никогда не касается.

А между тѣмъ, онъ почти безвыходный жилецъ среднихъ вѣковъ: онъ съ такой страстью и такой словоохотливостью описываетъ и кольчугу, и гербъ, и рыцарскую залу, и замокъ, и монастырь той эпохи...

Былъ въ Англіи другой, еще болѣе великій поэтъ и романтикъ по преимуществу; но тотъ надѣлалъ много вреда и нисколько не принесъ пользы среднимъ вѣкамъ.

Образъ Прометея во всемъ колоссальномъ величіи, въ какомъ передала его намъ фантазія грековъ, явился вновь въ типическомъ образѣ Байрона; но онъ былъ *провозвѣстникомъ новаго романтизма*, а *старому нанесъ страшный ударъ*.

Во Франціи тоже явилась романтическая школа въ духѣ среднихъ вѣковъ; она состояла не изъ однихъ поэтовъ, но и мыслителей, и силилась воскресить *не только романтизмъ, но и католицизмъ*,—что было съ ея стороны очень послѣдовательно.

Представителями романтической поэзіи во Франціи были въ особенности два поэта—*Гюго* и *Ламартинъ*. Оба они истощили воскресшій романтизмъ среднихъ вѣковъ, и оба пали, засыпанные мусоромъ безобразнаго зданія, которое тщетно усиливались выстроить наперекоръ современной дѣятельности. Имъ недоставало цемента, такъ крѣпко связавшаго колоссальные готическіе соборы среднихъ вѣковъ.

Но у насъ этотъ романтизмъ, искусственно воскрешенный на минуту въ Европѣ, имѣлъ совсѣмъ другое значеніе...

У Россіи не было своихъ среднихъ вѣковъ, и въ литературѣ ея не могло быть самобытнаго романтизма,—а безъ романтизма поэзія то-же, что тѣло безъ души...

Одухотворить нашу литературу могъ только романтизмъ среднихъ вѣковъ, болѣе близкій и болѣе доступный обществу, нежели греческій романтизмъ, требующій для своего уразумѣнія особеннаго посвященія путемъ науки.

Въ Жуковскомъ русская литература нашла своего посвятителя въ таинства романтизма среднихъ вѣковъ.

Назначеніе сентиментальности, введенной Карамзинымъ въ русскую литературу, было—расшевелить общество и приготовить его къ жизни сердца и чувства.

Поэтому *явленіе Жуковскаго вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполнѣ согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее—общества.*

Равнымъ образомъ понятенъ путь, которымъ Жуковскій привелъ къ намъ романтизмъ.

Это былъ *путь подражанія и заимствованія*—единственный возможный путь для литературы, не имѣвшей и не могшей имѣть корня въ общественной почвѣ и исторіи своей страны.

Надобно было случиться такъ, чтобъ поэтическая натура Жуковскаго носила въ себѣ сильную родственную симпатію къ музѣ Шиллера и въ особенности къ ея романтической сторонѣ.

Жуковскій познакомился со своимъ любимымъ поэтомъ при его жизни, когда слава его была на своей высшей точкѣ,—и вышелъ на поприще русской литературы почти непосредственно за смертью Шиллера.

Хотя Жуковскій всегда дѣйствовалъ какъ необыкновенно даровитый переводчикъ, но на него не должно смотрѣть только какъ на превосходнаго переводчика.

Онъ переводилъ особенно хорошо то, что гармонировало съ внутренней настроенностью его духа, и въ этомъ отношеніи бралъ свое вездѣ, гдѣ только находилъ его — у Шиллера по преимуществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у Гёте, у Матиссона, Уланда, Гебеля, Вальтеръ-Скотта, Томаса Мура, Грея и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ.

Многое онъ даже не столько переводилъ, сколько передѣлывалъ; иное заимствовалъ мѣстами и вставлялъ въ свои оригинальныя пьесы.

Однимъ словомъ, Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ не Шиллера или другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Германіи и Англіи: нѣтъ, *Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно-же Шиллеромъ.*

Вотъ значеніе Жуковскаго и его заслуга въ русской литературѣ.

Жуковскій началъ свое поэтическое поприще *балладами*. Этотъ родъ поэзіи имъ начатъ, созданъ и утвержденъ на Руси: современники юности Жуковскаго смотрѣли на него преимущественно какъ на автора балладъ, и въ одномъ своемъ посланіи Батюшковъ назвалъ его «балладникомъ».

Подъ балладой тогда разумѣли краткій разсказъ о любви, большей частью несчастной; могилу, крестъ, привидѣніе, ночь, луну, а иногда домовыхъ и вѣдьмъ считали принадлежностью этого рода поэзіи,—больше же ничего не подозрѣвали.

Но *въ балладѣ Жуковскаго заключался болѣе глубокій смыслъ,* нежели могли тогда думать.

Баллада и романсъ—*народная пѣсня среднихъ вѣковъ,* прямое и наивное выраженіе романтизма феодальныхъ временъ, произведенія по-преимуществу романтическія.

Въ собственно-лирическихъ произведеніяхъ, переведенныхъ и передѣланныхъ Жуковскимъ съ нѣмецкаго языка, открывается еще болѣе, чѣмъ въ балладахъ, сущность и характеръ его романтизма.

Что такое этотъ *романтизмъ?*

Это—*желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несовершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьи, которое, Богъ знаетъ, въ чемъ состояло;* это—*міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тѣмъ не менѣе не уловимыми, это—уныло, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ передъ собой будущаго;* наконецъ это—*любовь, которая питается грустью и которая безъ грусти не имѣла-бы чѣмъ поддержать свое существованіе.*

Есть въ человѣкѣ чувство безконечнаго; оно составляетъ основу его духа, и стремленіе къ нему есть пружина всякой духовной дѣятельности.

Безъ стремленія къ безконечному нѣтъ жизни, нѣтъ развитія, нѣтъ прогресса.

Сущность развитія состоитъ *въ стремленіи и достиженіи.*

Но когда человѣкъ чего-нибудь достигаетъ, онъ не останавливается на этомъ, не удовлетворяется этимъ вполнѣ, напротивъ, торжество достиженія бываетъ въ его душѣ непродолжительно и скоро побѣждается новымъ стремленіемъ.

Отсюда *чувство внутренняго недовольства, неудовлетворенія ничѣмъ въ жизни; отсюда тайная тоска.*

Можно сказать, что человѣкъ бываетъ счастливѣе, пока онъ борется съ препятствіями къ достиженію, нежели когда онъ наслаждается побѣдой борьбы, праздникомъ достиженія.

Иначе и быть не можетъ.

Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе, и тѣмъ менѣе способенъ онъ къ удовлетворенію,

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ —
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытый,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ!

говоритъ Шиллеръ.

Таково свойство безконечнаго.

Духъ человѣка въ состояніи охватить его только въ моментальномъ, конечномъ его проявленіи, въ условіяхъ временной послѣдовательности, и потому, достигая *чего-нибудь*, онъ тотчасъ-же видитъ, что не достигнулъ *всего.*

Тогда онъ отрицаетъ достигнутое имъ *нѣчто*, какъ не выражающее безконечнаго; и думаетъ достигнуть его въ другомъ.

Въ этомъ состоитъ сущность жизни, какъ безпрерывнаго развитія, безпрерывнаго движенія впередъ.

Содержаніе поэзіи Жуковскаго, ея паѳосъ составляетъ стремленіе къ безконечному, принимаемое за само безконечное, движущую силу—за цѣль достиженія.

Совершенно *чуждая исторической почвы, лишенная всякаго практическаго элемента*, эта поэзія вѣчно стремится, никогда не достигая, вѣчно спрашиваетъ самое себя, никогда не давая отвѣта:

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?
Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?..
Кто-жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется, кто мнѣ скажетъ
Очарованное тамъ!

Озарися, долъ туманный:
Разступися, мракъ густой,
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ, зачѣмъ я не съ крылами!
Полетѣлъ-бы я къ холмамъ.

Есть въ жизни человѣка время, когда онъ бываетъ полонъ *безотчетнаго стремленія, безотчетной тревоги.*

И если такой человѣкъ можетъ потомъ сдѣлаться способнымъ къ стремленію дѣйствительному, имѣющему цѣль и результатъ, онъ этимъ будетъ обязанъ тому, что у него было время безотчетнаго стремленія.

Такая пора безотчетнаго стремленія и безсознательныхъ порывовъ была и у человѣчества: въ этомъ-то и состоитъ сущность романтизма среднихъ вѣковъ.

Если въ романтизмѣ современной Европы нѣтъ мрака и много свѣта, такъ это потому, что Европа пережила романтизмъ среднихъ вѣковъ.

И если мы въ поэзіи Пушкина найдемъ больше глубокаго, разумнаго и опредѣленнаго содержанія, больше зрѣлости и мужества мысли, чѣмъ въ поэзіи Жуковскаго,—это потому, что Пушкинъ имѣлъ своимъ предшественникомъ Жуковскаго.

Жуковскій въ своей поэзіи пополнилъ въ русской жизни недостатокъ историческихъ среднихъ вѣковъ, и, благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихъ вѣковъ, и романтическая поэзія начала XIX вѣка.

А это съ его стороны *великій подвигъ*, которому награда—не простое упоминаніе въ исторіи отечественной литературы, но вѣчное славное имя изъ рода въ родъ...

Всѣ сочиненія Жуковскаго можно раздѣлить на три разряда: къ первому относятся *мелкія романтическія пьесы и оригинальныя*, которыхъ немного, и не столько переведенныя, сколько усвоенныя его музой; потомъ *собственно переводы* и, наконецъ, *оригинальныя произведенія, которыя не могутъ быть названы романтическими.*

Къ послѣднимъ принадлежатъ посланія и разныя патріотическія пьесы, писанныя на извѣстные случаи. *Это самая слабая сторона поэзіи Жуковскаго;* въ ней онъ невѣренъ своему призванію, и потому холоденъ и исполненъ риторики.

Несмотря на звучный и крѣпкій стихъ, вы почувствуете себя утомленными и скучающими, читая эти пьесы; вы удивитесь, какъ мало въ нихъ жизни, чувства, движенія, свободы.

Причина этому, разумѣется, не отсутствіе въ сердцѣ поэта святой любви къ родинѣ.

Но кто-же могъ-бы отрицать это чувство напримѣръ въ Крыловѣ? А между тѣмъ Крыловъ не написалъ ни одной оды, ни одного патріотическаго стихотворенія въ лирическомъ родѣ.

Онъ получилъ отъ природы талантъ для басни: въ такомъ случаѣ онъ хорошо сдѣлалъ, что не написалъ одъ и трагедій.

Жуковскій по натурѣ своей—романтикъ и *ничто такъ не внѣ его таланта и призванія, какъ стихотворенія общественныя, на исторической почвѣ основанныя.*

Посланія—странный родъ, бывшій въ большомъ употребленіи у русской поэзіи до Пушкина. Они всегда были длинны и скучны, и почти всегда писались шестистопными ямбами: вотъ главная характеристическая черта ихъ.

Посланія Жуковскаго отличаются отъ другихъ хорошими стихами и не чужды прекрасныхъ мѣстъ въ романтическомъ духѣ.

Не будемъ распространяться о достоинствѣ перевода «Орлеанской Дѣвы» Шиллера: это достоинство давно и всѣми единодушно признано. Жуковскій своимъ *превосход-*

нымъ переводомъ усвоилъ русской литературѣ это прекрасное произведеніе. И никто кромѣ Жуковскаго не могъ-бы такъ передать этого по преимуществу романтическаго созданія Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера Жуковскій не былъ-бы въ состояніи такъ превосходно передать на русскій языкъ, какъ превосходно передалъ онъ «Орлеанскую Дѣву».

Но если что составляетъ истинный ореолъ Жуковскаго, какъ переводчика, — это его переводъ слѣдующихъ трехъ пьесъ Шиллера: «Торжество Побѣдителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинскій Праздникъ».

Если-бъ кромѣ этихъ пьесъ Жуковскій ничего не перевелъ, ничего не написалъ,—и тогда имя его не было-бы забыто въ исторіи русской литературы.

«Торжество Побѣдителей» есть *одно изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій Шиллера.*

Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны.

Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему великому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвѣ.

Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древней Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна.

Онъ такъ краснорѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ такой страстью говорилъ объ ея искусствѣ, ея гражданской доблести, ея мудрости. И нигдѣ съ такой полнотой и такой силой не выразилъ онъ, не воспроизвелъ поэтическаго образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ Побѣдителей».

Переводъ Жуковскаго «Торжества Побѣдителей» есть *образецъ превосходныхъ переводовъ,*—такъ что если при тщательномъ сравненіи иныя мѣста окажутся не вполнѣ вѣрно или не вполнѣ сильно переданными,—зато еще болѣе найдется мѣстъ, которыя въ переводѣ сильнѣе и лучше выражены.

Мы-бы опустили одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ поэзіи Жуковскаго, если-бъ не упомянули о дивномъ искусствѣ этого поэта *живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь.*

Утро-ли, полдень-ли, вечеръ-ли, ночь-ли, вёдро-ли, буря-ли, или пейзажъ,—все это дышетъ въ яркихъ картинахъ Жуковскаго какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью...

Стихъ Жуковскаго неизмѣримо *выше* стиха всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: онъ *исполненъ мелодіи* и вмѣстѣ съ тѣмъ *какой-то сжатой крѣпости и энергіи.*

Такого стиха требовали содержаніе и духъ поэзіи Жуковскаго.

И, несмотря на то, еще многаго не доставало этому стиху: онъ еще далеко не совсѣмъ свободенъ, не совсѣмъ глубокъ.

Содержаніе поэзіи Жуковскаго было такъ одностороние, что стихъ его не могъ отразить въ себѣ всѣ свойства и все богатство русскаго языка.

Батюшковъ тоже не мало сдѣлалъ для русскаго стиха; но, несмотря на соединенныя заслуги этихъ двухъ поэтовъ, созданіе вполнѣ поэтическаго и вполнѣ художественнаго стиха принадлежало Пушкину.

Кромѣ односторонности содержанія поэзіи Жуковскаго, не должно забывать, что поэтическая дѣятельность его двойственна: въ одной онъ является, какъ романтикъ, самобытенъ и оригиналенъ; въ другой—подъ вліяніемъ предшествовавшихъ ему поэтовъ и особенно подъ вліяніемъ идей Карамзина.

Правда, онъ и въ патріотическія стихотворенія, и въ посланія внесъ что-то свое, ему собственно. какъ романтику, принадлежащее; но стихъ въ этихъ пьесахъ все-таки отзывается болѣе или менѣе фактурой старыхъ мастеровъ нашей поэзіи. Попадаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго стихи тяжелые и темные, какъ напримѣръ эти:

Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе—ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.

Иногда разстановка словъ напоминаетъ Ломоносова, какъ напримѣръ:

А ты, дарующій и тронъ, и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сидящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью.

Есть наконецъ стихи (правда, ихъ поискать да поискать), въ которыхъ вѣетъ духъ Хераскова, какъ напримѣръ:

Бѣгутъ во прахъ и громъ, и шлемъ, и щитъ,
Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ (?) страхъ бѣжитъ.

Жуковскій не могъ не имѣть сильнаго вліянія на Пушкина; но, въ свою очередь, и Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на Жуковскаго: всѣ стихотворенія, написанныя имъ уже по истеченіи второго десятилѣтія текущаго вѣка, отличаются несравненно лучшимъ языкомъ и стихомъ.

Къ общимъ *недостаткамъ* поэзіи Жуковскаго принадлежитъ часто *невыдержанность* въ цѣломъ: рѣдкая пьеса его не теряетъ многаго изъ своего достоинства отсутствіемъ сжатости и всего лишняго.

Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ!

Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинской богиней Церерой: она дала русской поэзіи *душу и сердце*, познакомивъ ее *съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія «въ оный таинственный свѣтъ»*, которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону...

Жуковскій—это *поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу.*

Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть.

Но Жуковскій кромѣ того имѣетъ великое *историческое значеніе* для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступной для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли-бы Пушкина.

Сверхъ того есть еще другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нѣмецкая поэзія—намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждой національностью.

Еще въ дѣтствѣ мы черезъ Жуковскаго пріучаемся понимать и любить Шиллера, какъ-бы своего національнаго поэта, говорящаго намъ русскими звуками, русской рѣчью.

В. Г. Бѣлинскій.

Мѣсто, занимаемое Жуковскимъ въ исторіи русской литературы.

(Первый представитель новаго періода русской литературы.—Первый истинный поэтъ въ Россіи.—Глубокая вѣра въ нравственное назначеніе поэзіи.—Жизнь въ своей поэзіи.—Открытіе переводами и переложеніями новаго міра поэтическаго содержанія передъ русской литературой.—Цѣнность личности Жуковскаго.—Первый типъ писателя, для котораго поэзія не была прихотью таланта, а истиннымъ призваніемъ, настоящей религіей.—Задушевность истинной поэзіи.—Критика о Жуковскомъ.—Семейная обстановка и воспитаніе Жуковскаго.—Развитіе женственной мягкости.—Неудачная любовь, какъ источникъ глубокой меланхоліи.—Въ Благородномъ пансіонѣ.—Мистическій идеализмъ воспитательныхъ началъ.—Разнообразное чтеніе.—Жуковскій, какъ переводчикъ, искалъ всюду отголоска собственной души.—Русская народность ему не давалась.—Поэзія своеобразная и глубоко-искренняя, ея господствующій тонъ—меланхолическій, но смягченный полурелигіозною, полупоэтическою вѣрою въ будущее и нѣжнымъ покорнымъ чувствомъ.—„Жизнь и поэзія—одно".—Освобожденіе своихъ крестьянъ.—Мысли, выраженныя въ элегіи „Теонъ и Эсхинъ".—Жуковскій и представленія нѣмецкихъ романтиковъ объ искусствѣ.—Жуковскій о собственной литературной дѣятельности.—Онъ только мечтатель.—Великая заслуга его: созданіе въ русской литературѣ возвышеннаго представленія объ источникѣ и назначеніи поэзіи).

Если Карамзинъ въ первой четверти XIX столѣтія еще хранилъ традицію предъидущаго вѣка, то подобный отголосокъ того вѣка приносилъ съ собой другой писатель, который, однако, едва-ли не *первый былъ представителемъ новаго періода русской литературы*, гдѣ вслѣдъ за нимъ явился Пушкинъ.

Это былъ *Жуковскій*.

Историки литературы издавна указываютъ на его *подражательность*, перечисляютъ европейскихъ поэтовъ, которыхъ онъ переводилъ, которые бывали образцами для

его собственныхъ произведеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ едва ли не *первый истинный поэтъ новѣйшаго теченія русской литературы*,—поэтъ, у котораго *къ большому дарованію* присоединилась *глубокая вѣра въ нравственное назначеніе поэзіи* и который дѣйствительно жилъ въ своей поэзіи.

Историки, отмѣчая его несамостоятельность, согласно указываютъ *великую заслугу* его въ томъ, что *своими переводами и переложеніями* онъ *внесъ въ нашу литературу* цѣлый *новый міръ поэтическаго содержанія*, передавая въ изящныхъ и мелодическихъ стихахъ произведенія романтической поэзіи, и этимъ открывалъ путь *новому періоду* литературы, гдѣ на подготовленной имъ почвѣ могла наконецъ расцвѣсти *самобытная русская поэзія.*

Но въ Жуковскомъ можно цѣнить, какъ важный фактъ литературнаго развитія, не только эту заслугу поэтическаго труда, но и самую *личность*, которая была въ нашемъ литературномъ мірѣ *первымъ типомъ писателя*, для котораго поэзія не была *прихотью таланта*, *развлеченіемъ* досуга,—не говоримъ уже: піитическимъ ремесломъ,—но *истиннымъ призваніемъ*, наконецъ—*настоящей религіей.*

Онъ могъ быть несамостоятеленъ въ своихъ сюжетахъ, его собственныя произведенія могли потомъ казаться устарѣлыми по ихъ манерѣ, но тѣмъ не менѣе поэзія Жуковскаго остается глубоко привлекательна, потому что въ нее вложена *задушевность истинной поэзіи*; для историка она представляетъ *индивидуальный характеръ*, и съ нимъ историческую заслугу.

Если потомъ, и уже вскорѣ, мы встрѣтимъ въ нашей литературѣ высокое представленіе о достоинствѣ поэзіи, объ ея царственномъ правѣ, то первый, кто указывалъ подобное значеніе поэзіи, былъ именно Жуковскій.

Литература той поры, когда шло поэтическое воспитаніе Жуковскаго и потомъ начиналась его собственная дѣятельность, была еще далека отъ самобытности.

Ближайшій предшественникъ его, *Карамзинъ*, вызывавшій благоговѣйное поклоненіе въ образованномъ кругѣ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, къ которому принадлежалъ Жуковскій и который совмѣщался въ знаменитомъ (не совсѣмъ по заслугамъ) «Арзамасѣ»,—*Карамзинъ въ своихъ*

литературныхъ идеяхъ былъ также *далекъ отъ самобытности:* слишкомъ явны отголоски западныхъ образцовъ, на которыхъ воспиталось и его міровоззрѣніе, и его «вкусъ».

Искусственная чувствительность увлекала современниковъ, потому что была имъ нова и потому что грубымъ общественнымъ нравамъ нуженъ былъ, наконецъ, противовѣсъ, хотя бы въ мечтательной человѣчности и любви къ «натурѣ»; Карамзинъ увлекалъ и своимъ языкомъ, который впервые смягчилъ черствыя формы литературной рѣчи XVIII вѣка, казался музыкальнымъ и нѣжнымъ (на дѣлѣ онъ бывалъ слащавымъ),—но въ этой литературной школѣ въ концѣ-концовъ не могло не чувствоваться что-то *чужое*, далекое отъ истинной поэзіи, какъ и отъ настоящей жизни.

Не говоримъ о предшественникахъ самого Карамзина: ихъ зависимость отъ образца, хорошаго или худого, бросается въ глаза; самъ Державинъ, у котораго бывали истинно поэтическіе моменты, представляетъ странную смѣсь дѣйствительнаго вдохновенія и внѣшняго разсчитаннаго стихотворства: поэзія не слилась съ его нравственной природой, она была какъ бы внѣшней прибавкой къ его служебнымъ дѣламъ, въ которыхъ иногда и принимала участіе; ему приходилось убѣждаться, что самые предметы, которымъ онъ отдавалъ свои поэтическіе восторги, ихъ не заслуживали; художественное чувство было такъ мало воспитано, что почти рядомъ съ произведеніями дѣйствительно поэтическими онъ могъ писать вещи, поражающія своимъ безвкусіемъ.

Если идти еще дальше, произведенія самого Ломоносова, далеко не лишенныя отдѣльныхъ порывовъ поэтическаго одушевленія, въ сущности были восторженными панегириками тѣмъ, кого онъ считалъ покровителями просвѣщенія, ораторскими рѣчами въ стихотворной формѣ въ защиту этого просвѣщенія...

У Карамзина не найдемъ той поэтической струи, которая приближала бы искусство или къ дѣйствительно поэтическимъ сторонамъ русской жизни, или къ истиннымъ движеніямъ чувства; ему казалось даже, что «русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи»...

По этому ходу русской литературы можно было бы

думать, что для ея дальнѣйшаго успѣха былъ именно необходимъ писатель, который довершилъ бы эти почти вѣковые поиски литературы, внося элементъ, котораго ей все еще недоставало—*элементъ непосредственной поэзіи, наполняющей всю душевную природу поэта и богатой всѣми ранѣе пріобрѣтенными успѣхами*: исторія какъ будто угадываетъ эти потребности развитія и выдвигаетъ новыя силы.

Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе XVIII вѣка въ разныхъ областяхъ научнаго знанія и литературы совершено было много усерднаго труда, пробуждались здоровыя общественныя потребности, начиналось, наконецъ, хотя все еще подъ чужими вліяніями, исканіе нравственнаго идеала: нужно было, чтобы весь этотъ трудъ былъ одушевленъ тою нравственною и художественною силой, которую приноситъ съ собой истинная поэзія.

По всѣмъ *историческимъ условіямъ*, которыя не допускали еще свободнаго и зрѣлаго проявленія національно-поэтическаго содержанія, этотъ новый элементъ могъ не быть еще вполнѣ самобытнымъ по содержанію и формамъ творчества,—но довольно было для данной эпохи, чтобы эта была та истинная поэзія, которой недоставало предъидущему времени.

Такую поэзію приносилъ Жуковскій.

«Плѣнительная сладость» его стиховъ была почувствована тотчасъ: извѣстно, какъ впослѣдствіи высоко цѣнилъ его Пушкинъ, какъ, наконецъ, преувеличивалъ его Гоголь.

Критика младшихъ современниковъ мало измѣнила это отношеніе къ поэту: самый требовательный изъ его судей, *Бѣлинскій*, находилъ *недостатки* въ этой поэзіи; отрицалъ, напримѣръ, то, что̀ приводило въ восторгъ современниковъ и даже позднѣйшихъ критиковъ (напримѣръ, отзывы о «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ», о романтическихъ преувеличеніяхъ Жуковскаго, объ его опытахъ рисовать русскую народность), но и онъ *очень высоко ставилъ его историческую заслугу для русской поэзіи* и относился къ нему съ великимъ сочувствіемъ, можно сказать, съ любовью.

Другіе [1]) возводили поэзію Жуковскаго въ настоящій апоѳеозъ: пониманіе нравственнаго значенія поэзіи у Жуков-

[1]) Назовемъ Плетнева, Никитенка.

скаго они представляли какъ ея высшее опредѣленіе, какъ истинное откровеніе, художественное и нравственное.

Но какъ могло исторически образоваться столь высокое явленіе тотчасъ послѣ той поэтически бѣдной, сухой, искусственно-реторической эпохи, какая ему предшествовала? Крупный историческій дѣятель, конечно, вноситъ свою личную силу, которая есть его особенность и становится возбуждающимъ элементомъ для послѣдующаго развитія, но онъ не является внезапно, безъ корней въ прошломъ,—и дѣйствительно бываетъ всегда какъ бы послѣднимъ выводомъ, сосредоточеніемъ его стремленій, послѣ котораго только и можетъ быть исторически понятъ смыслъ работы этого прошедшаго, а само оно, какъ совсѣмъ пережитое, отходитъ въ исторію.

Въ вопросѣ о значеніи Жуковскаго въ историческихъ судьбахъ нашей литературы прежде всего любопытно это *отношеніе его къ предшествующей эпохѣ*, и, наблюдая его первые шаги на литературномъ поприщѣ, нельзя не видѣть, *что онъ дѣйствительно былъ дѣтищемъ этой эпохи.*

Первые литературные вкусы, которые внушало рано проявившееся дарованіе, поддержаны были въ Жуковскомъ уже его *семейной обстановкой.*

Во второй половинѣ XVIII вѣка потребность образованія начинала сильно сказываться, несмотря на плохое состояніе школы; въ достаточныхъ дворянскихъ семьяхъ, нерѣдко въ ихъ деревенскихъ усадьбахъ, собирались значительныя по тому времени библіотеки, преимущественно изъ французскихъ книгъ; сыновей послѣ домашняго обученія или французскаго пансіона посылали въ нѣмецкіе университеты,—такъ сыновья И. П. Тургенева учились въ Гёттингенѣ.

Въ концѣ вѣка общество уже имѣло въ своей средѣ людей съ широкимъ образованіемъ, достигавшимъ почти до учености: назовемъ извѣстнаго М. Н. Муравьева, подъ руководствомъ котораго воспитывался Батюшковъ, его родственника и друга И. М. Муравьева-Апостола, людей съ большими знаніями, между прочимъ въ классической литературѣ; по разсказамъ И. И. Дмитріева, его настоящимъ литературнымъ воспитателемъ былъ нѣкій Козлятевъ, въ библіотекѣ котораго онъ познакомился съ знаменитѣйшими произведеніями французской литературы.

Семья Буниныхъ, въ которой родился Жуковскій, отличалась литературными вкусами и любознательностью.

Позднѣе, изъ дочерей сестры Жуковскаго и его крестной матери (въ замужествѣ Юшковой) одна была извѣст-

ная потомъ госпожа Зонтагъ, писательница для дѣтей, другая въ замужествѣ была сначала Кирѣевская, потомъ Елагина, мать извѣстныхъ писателей.

Жуковскій говорилъ впослѣдствіи: «въ семьѣ нашей заключается цѣлая династія хорошихъ писателей»,—онъ былъ первымъ въ этой династіи.

Ученье Жуковскаго шло въ пансіонѣ, въ тульскомъ народномъ училищѣ и дома, гдѣ онъ учился по-нѣмецки и по-французски.

Юшкова, въ домѣ которой онъ тогда жилъ, была любительница музыки и театра; у нея бывали музыкальные и литературные вечера, и двѣнадцатилѣтній Жуковскій писалъ уже трагедію изъ римской жизни и другую пьесу изъ «Павла и Виргиніи» Бернардена де-Сенъ-Пьера.

Свое дѣтство и отрочество Жуковскій провелъ въ этой женской средѣ подъ руководствомъ старшей сестры и въ нѣжной дружбѣ съ младшими племянницами Юшковыми, а потомъ съ Протасовыми, и это общество оставило навсегда въ его характерѣ черту *особенной женственной мягкости*, а впослѣдствіи *любовь его* къ одной изъ этихъ племянницъ (Протасовой), съ которой, однако, онъ не могъ соединить своей судьбы, *стала источникомъ глубокой меланхоліи*, которая наложила отпечатокъ на его поэзію.

Новый періодъ литературныхъ и нравственныхъ вліяній наступилъ для Жуковскаго съ тѣхъ поръ, какъ въ 1797 году онъ вступилъ въ университетскій Благородный пансіонъ въ Москвѣ.

Это замѣчательное учебное заведеніе, которое теперь воспитало Жуковскаго, черезъ которое прошелъ потомъ Грибоѣдовъ, а въ концѣ его существованія Лермонтовъ,—и гдѣ товарищами Жуковскаго были Блудовъ, Д. В. Дашковъ, С. С. Уваровъ, Александръ и Андрей Тургеневы,—было тѣмъ звеномъ, которое соединило Жуковскаго съ лучшими литературными преданіями конца прошлаго вѣка.

Съ этого же года директоромъ московскаго Университета сталъ другъ и сотрудникъ Новикова, И. П. Тургеневъ; инспекторомъ Благороднаго пансіона былъ извѣстный въ свое время педагогъ Прокоповичъ-Антонскій; какъ директоръ Университета и инспекторъ пансіона, такъ и большинство преподавателей и воспитателей были масоны

школы Дружескаго Общества. Это Общество, смѣнившая его Типографическая Компанія и вся дѣятельность Новиковскаго круга были передъ тѣмъ разрушены; но сберегся духъ, въ которомъ дѣйствовали люди этого круга, и университетскій пансіонъ по существу своего образовательнаго характера былъ продолженіемъ воспитательнаго дѣла, начатаго Шварцемъ и Новиковымъ.

Раньше много обязанъ былъ старому кругу Карамзинъ; теперь, видимъ подобное среди новаго поколѣнія. Изъ этого факта можно судить о нравственной силѣ, какая крылась въ томъ движеніи; его форма была странная, но розенкрейцерская фантастика, притомъ не доведенная до конца, была давно оставлена и сохранилось идеалистическое стремленіе—работать для просвѣщенія, скудость котораго въ обществѣ была для этихъ людей слишкомъ очевидна.

Они принимали *просвѣщеніе въ окраскѣ піэтизма*; но даже въ новиковскія времена этотъ піэтизмъ не былъ какимъ-нибудь фанатическимъ изувѣрствомъ; здѣсь не было догматики или обрядоваго ханжества, но была *религіозность нравственнаго чувства*, склонная къ мистицизму.

Нѣкоторыя лица изъ болѣе просвѣщеннаго духовенства сочувствовали идеямъ Новикова, но вообще этотъ кругъ не пользовался расположеніемъ духовнаго сословія: послѣднее не понимало масонскихъ стремленій къ «внутренней церкви», не понимало «духовныхъ рыцарей, ищущихъ премудрости», потому что подозрѣвало здѣсь нерасположеніе къ церкви внѣшней и подрывъ своего пастырскаго авторитета.

То же, вѣроятно нѣсколько смягченное, пониманіе религіи было теперь у руководителей новой школы.

Религія должна стоять во главѣ воспитанія, какъ она стоитъ и во главѣ благополучія народовъ; но, какъ говорилъ Прокоповичъ-Антонскій въ одной изъ своихъ рѣчей того времени (1798), религія не есть ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни «мрачная лжесвятость»...

Кругъ преподаванія въ Благородномъ пансіонѣ былъ очень широкій: въ программу его входило до 36 различныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ обычныхъ наукъ, были архитектура, даже артиллерія, фортификація, кромѣ обычной миѳологіи—также древности, кромѣ нѣмец-

каго и французскаго языка—англійскій и итальянскій и «иностранная словесность»; одно время преподавался греческій языкъ; наконецъ: музыка, рисованіе, живопись и дворянскія науки—танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, военныя движенія.

Въ дѣйствительности нѣкоторые изъ этихъ предметовъ или бывали необязательны, или къ нимъ прилагались очень малыя требованія; питомцы не были отягощены занятіями, но въ то же время въ средѣ ихъ поддерживалось *умственное возбужденіе*, которое руководители направляли на нравственные вопросы, а въ особенности на литературу. На актахъ читались рѣчи и стихотворенія воспитанниковъ, и Жуковскій въ первый же годъ пребыванія въ пансіонѣ читалъ «Оду на благоденствіе»; затѣмъ онъ упоминается въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, управлявшихъ концертами и другими забавами, и наконецъ, по обычаю тѣхъ временъ, учреждено было «Собраніе воспитанниковъ университетскаго Благороднаго пансіона» (1799); первымъ предсѣдателемъ Собранія назначенъ былъ Жуковскій, который и открылъ его своею рѣчью.

Понятно, что интересы Собранія были сполна посвящены литературѣ.

Жуковскій, который еще гораздо раньше заявлялъ свои литературные вкусы, былъ здѣсь вполнѣ въ своей сферѣ.

На актахъ пансіона и на собраніяхъ воспитанниковъ бывали въ числѣ посѣтителей И. И. Дмитріевъ и Карамзинъ, которые съ тѣхъ поръ узнали и оцѣнили юнаго поэта.

Руководители пансіона не случайно дали мѣсто этимъ литературнымъ занятіямъ; они справедливо видѣли въ нихъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ и поощряли *изученіе литературы и особливо отечественнаго языка* [1]). Въ

---

[1]) Прокоповичъ-Антонскій въ упомянутой рѣчи говорилъ: „Преимущественно должно заниматься *отечественнымъ языкомъ* и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія... Ошибаются тѣ, кои думаютъ, что изученіе природнаго своего языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всѣми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность, умѣть говорить и писать

стихотвореніяхъ Жуковскаго осталась память уваженія къ Хераскову и нѣжной привязанности къ И. П. Тургеневу, какъ мудрому наставнику.

Тургеневы-сыновья остались ближайшими друзьями Жуковскаго.

Таковы были первыя воздѣйствія сначала домашней обстановки, потомъ школы.

Въ семейной средѣ, въ которой Жуковскій долго жилъ и послѣ своего отрочества, развилось мягкое любящее чувство и получены были первыя литературныя вліянія; школа поддерживала это настроеніе мистическимъ идеализмомъ своихъ воспитательныхъ началъ и должна была значительно расширить литературный опытъ.

Первыя произведенія Жуковскаго и, между прочимъ, переводы, какіе дѣлалъ онъ для денегъ книгопродавцамъ, работы для «Вѣстника Европы», свидѣтельствуютъ *о разнообразномъ чтеніи*—именно въ области поэзіи.

Особенности его собственной природы сказались уже очень рано въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя потомъ такъ обильно развиты были въ его зрѣлой поэзіи.

Въ стихотвореніи «Майское утро» 14-лѣтній Жуковскій говоритъ уже о жизни *какъ безднѣ слезъ и страданій, и о счастьѣ того, кто достигъ берега и спитъ мирнымъ сномъ*; во время пребыванія въ Благородномъ пансіонѣ онъ пишетъ въ прозѣ «Мысли при гробницѣ»; черезъ три года онъ пишетъ «Мысли на кладбищѣ» и, наконецъ, опять тотъ же меланхолическій сюжетъ повторяется въ извѣстной элегіи Грея, переданной Жуковскимъ: «Сельское кладбище» (1802);— любопытно, что передъ тѣмъ эта пьеса была дважды переведена прозой въ журналѣ «Иппокрена» (1799), гдѣ помѣщались труды воспитанниковъ пансіона.

Это совпаденіе не было случайностью.

Въ томъ кругѣ, къ которому принадлежали воспитатели пансіона, вопросы о человѣческой жизни, о смерти, о

на немъ красно, сильно и выразительно по приличію матеріи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ едва преодолимый. На пріобрѣтеніе такого знанія должно употреблять всѣ силы, должно пожертвовать не малою частію жизни. Сіе одно достаточно уже къ опроверженію мнѣнія тѣхъ людей, кои полезнѣйшимъ упражненіемъ почитаютъ изученіе многихъ иностранныхъ языковъ“.

существованіи загробномъ были издавна предметомъ мистическихъ размышленій, облекались въ таинственные символы, давали пищу религіозности и, наконецъ, могли давать матеріалъ для поэзіи, какъ было уже въ сентиментальномъ піэтизмѣ западной литературы.

Такимъ образомъ *прирожденная черта въ поэтическомъ настроеніи Жуковскаго*,—которую, между прочимъ, объясняли и восточнымъ элементомъ его происхожденія,—не была лишена литературной опоры или, напротивъ, могла найти обильныя возбужденія у сентиментальныхъ меланхоликовъ вѣка.

Съ юныхъ лѣтъ Жуковскій знакомился съ нѣмецкой, французской, англійской литературой, и здѣсь *съ той поэзіей романтизма*, которая впослѣдствіи доставила обширный матеріалъ для его собственнаго творчества, переводнаго и самостоятельнаго.

Онъ давно зналъ Бюргера, изъ котораго передѣлалъ свою «Людмилу», Гёте, Шиллера, Виланда, Шписа, у котораго заимствовалъ своего «Громобоя», Руссо, Шатобріана, позднѣе Байрона, Мура, Саути, Ламота-Фукэ, Уланда, Матисона, Гебеля и др.; въ послѣдніе годы онъ полагалъ свой поэтическій трудъ на усвоеніе русской литературѣ великихъ произведеній древности, какъ «Одиссея», «Наль и Дамаянти», «Рустемъ и Зорабъ»...

Давно было замѣчено, что въ выборѣ поэтическихъ темъ Жуковскій руководился всегда только своимъ личнымъ настроеніемъ: передавая Шиллера и Гёте, онъ понималъ этихъ писателей не въ полномъ объемѣ ихъ содержанія, а только съ тѣхъ отдѣльныхъ сторонъ, которыя были для него сочувственны.

Поэтому въ выборѣ его поэтическаго матеріала могли стоять рядомъ писатели, очень несходные, а съ другой стороны, самые поэты, которыхъ онъ передавалъ, далеко не характеризованы его выборомъ.

Говорятъ обыкновенно, что великая и спеціальная заслуга Жуковскаго въ нашей литературѣ состояла въ томъ, что онъ перенесъ къ намъ западный, особливо *нѣмецкій романтизмъ*, и этимъ далъ ей пережить литературный періодъ, навсегда устранившій старую школу, и Бѣлинскій находилъ даже возможнымъ назвать его въ этомъ отно-

шеніи вторымъ Колумбомъ; но эта заслуга была именно только *относительная.*

Жуковскій извлекалъ изъ нѣмецкихъ, англійскихъ писателей *только одну, иногда далеко не существенную долю ихъ содержанія:* принималось, напримѣръ, таинственное, мечтательное, фантастическое, но не встрѣчало сочувствія то, въ чемъ былъ общественный протестъ или запросы свободной мысли.

Современные критики находятъ у Жуковскаго *недостатокъ пониманія западно-европейскаго движенія,* отражавшагося въ литературѣ; другіе убѣждены, напротивъ, что его отношеніе къ поэтамъ, которые были его источниками, было вполнѣ самостоятельное, что *Жуковскій только «искалъ всюду отголоска собственной души,* будь то Шиллеръ или Байронъ, Овидій или Клопштокъ, Грэй или Парни»; что *всѣ литературныя наслоенія «самобытной душевной работой переплавлялись въ немъ, образуя металлъ новый»;* что «въ этомъ отношеніи природа Жуковскаго оказалась способною къ сильной переработкѣ воспринимаемаго матеріала—быть можетъ, болѣе сильной, нежели у кого-либо изъ его современниковъ; «точило его духа» было крѣпко, и гроздъ претворялся въ немъ въ доброе вино и вытекалъ струею чистою и безпримѣсною» [1])...

Справедливо будетъ и то, и другое; первое можетъ быть подтверждено позднѣйшими писаніями самого Жуковскаго; когда онъ говорилъ объ европейской политической и литературной жизни, реальный смыслъ которой остался ему чуждъ; что касается второго, элементы европейской поэзіи дѣйствительно сливались у Жуковскаго въ своеобразное цѣлое, однородность котораго создавалась настроеніемъ, составлявшимъ господствующую черту всего его характера.

Новѣйшій біографъ называетъ его вдохновеніе «неподражаемымъ», котораго нельзя пріурочить къ направленію какого-либо изъ европейскихъ писателей; онъ дѣйствительно остался *своеобразнымъ въ своемъ идеальномъ мірѣ меланхолической мечтательности, не прикасавшейся къ грубымъ заботамъ и требованіямъ дѣйствительной жизни, къ тревогамъ обще-*

---

[1]) Алексѣй Веселовскій, „Западное вліяніе"; Загаринъ, „В. А. Жуковскій и его произведенія" (изд. 2-е). М. 1883; введеніе и по всей книгѣ.

ственности,—какъ это было возможно только въ условіяхъ едва пробуждавшейся русской общественной жизни, гдѣ, съ другой стороны, этотъ мечтательный идеализмъ и могъ имѣть свое образующее значеніе.

Въ первомъ развитіи своего дарованія, Жуковскій не остался чуждъ литературному преданію XVIII вѣка. Выше указано, какъ тѣсно Жуковскій связанъ съ этимъ вѣкомъ по складу своего міровоззрѣнія; онъ испыталъ вліяніе и его литературныхъ формъ.

Естественно, что юноша, дѣлающій первые опыты въ поэзіи, воспользуется прежде всего тѣми пріемами, какіе находилъ вокругъ себя; таковы были первыя сочиненія Жуковскаго по ихъ формѣ, и по стиху: онъ начиналъ одой; въ балладѣ его предшественниками были Карамзинъ, Каменевъ; *его первый стихъ отзывается тяжестью и неловкостью прошлаго вѣка.*

Позднѣе онъ *подражалъ «Бѣдной Лизѣ» Карамзина* въ «Марьиной рощѣ»; остался неоконченнымъ его «Вадимъ новогородскій», навѣянный попытками XVIII-го вѣка поэтически изображать русскую древность.

Одно время онъ долго носился съ планомъ поэмы «Владиміръ», готовился къ ея исполненію изученіемъ исторіи, но планъ не осуществился.

Балладу онъ стремился перенесть на русскую почву, но попытка ограничилась извѣстной картинкой святочнаго гаданья.

Старыя псевдо-классическія воспоминанія, быть можетъ, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о романтическихъ рыцаряхъ, отразились въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ», гдѣ русскіе генералы изображаются въ классическихъ доспѣхахъ, а ихъ подвиги являются въ державинскихъ гиперболахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій уже рано далеко уходилъ отъ XVIII-го вѣка въ своей романтикѣ, а *его стихъ вскорѣ пріобрѣлъ ту привлекательную мягкость и изящество, о которыхъ XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія...*

Но тщетно онъ изучалъ русскую исторію для своей поэмы «Владиміръ», тщетно онъ хотѣлъ усвоить себѣ русскую народную поэзію, просилъ записывать для себя пѣсни,—*русская народность ему не давалась;* и дѣйствительно, ее трудно было вмѣстить въ рамки его романтизма.

Такъ изъ прирожденныхъ свойствъ характера и дарованія, изъ условій семейной среды, изъ воздѣйствій школы, преподавшей ему религіозно-мистическій идеализмъ, изъ вліяній европейской романтики—на почвѣ личныхъ душевныхъ испытаній — выросла *поэзія своеобразная и глубоко-искренняя.*

Ея господствующій тонъ—*меланхолическій, но смягченный полурелигіозною, полупоэтическою вѣрою въ будущее и нѣжнымъ покорнымъ чувствомъ.*

Онъ дѣйствительно передавалъ въ своей поэзіи то, *что переживалъ въ душѣ,* и изъ самой поэзіи *извлекалъ успокоеніе и руководство своему чувству:* поэтому онъ имѣлъ право сказать: «*жизнь и поэзія одно*».

Его біографія передаетъ трогательный эпизодъ. Въ первую поѣздку заграницу (1820) онъ посѣтилъ Шильонскій замокъ и видѣлъ исполненіе трагедій Шиллера, онъ почувствовалъ *святость свободы,* и поэтическое впечатлѣніе побудило его, *тотчасъ, по возвращеніи въ Петербургъ, выкупить на волю своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые были въ другихъ рукахъ;* онъ пишетъ друзьямъ: «я желаю купить ихъ и дать имъ волю. Другимъ нечѣмъ мнѣ поправить сдѣланной глупости... Прошу васъ поспѣшить... Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его не кончилъ»...

Его элегическая поэзія была *выраженіемъ личной судьбы,* и если *его мечты уже рано витаютъ среди призраковъ, видѣній, стремятся проникнуть въ загробную жизнь,* то впослѣдствіи *онѣ продолжаютъ витать въ этой области вслѣдствіе утратъ дѣйствительныхъ.*

Потеря дорогихъ людей есть *потеря счастья,* но въ ней есть *и утѣшеніе:* мы живемъ съ близкими *въ воспоминаніи,* которое сопровождаетъ и ободряетъ насъ и въ радости, и въ горѣ.

Идеалъ недостижимъ на землѣ, онъ промелькнетъ здѣсь, какъ тѣнь, *и осуществится только въ будущемъ;* въ самой жизни настоящее какъ будто не существуетъ; *истинная жизнь—въ прошедшемъ и будущемъ,—*

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Или:

Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

Время исцѣляетъ печали; горе, которое сливаетъ насъ воедино съ милымъ потеряннымъ благомъ, ослабѣваетъ съ ходомъ времени, между нами и нашей утратой протѣсняется новое и чужое, и поэтому *жаль этого разъединенія—въ самой печали мы видимъ измѣняемость всего здѣшняго.*

... и такъ скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное—не надолго.

Жуковскій говорилъ впослѣдствіи, что онъ былъ родоначальникомъ чертей и вѣдьмъ въ русской литературѣ, но онъ извлекъ изъ нѣмецкаго романтизма не одну внѣшнюю фантастику привидѣній и чудесъ: романтизмъ обогащалъ его поэзію *новыми образами для его давней мечтательной меланхоліи, для его вѣры въ общеніе двухъ міровъ и въ непогибающую связь близкихъ душъ.*

Глубочайшую основу для поэтической меланхоліи онъ находилъ *въ самомъ христіанствѣ.*

Онъ называлъ меланхолію «одною изъ самыхъ звучныхъ струнъ лиры, настроенной послѣ распространенія христіанства»; по словамъ его, «христіанство, открывъ намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ внѣшнимъ міръ таинственный, что̀ отразилось и въ жизни дѣйствительной, и въ поэзіи».

Поэзія, стремясь представить и внушить людямъ связь этихъ двухъ міровъ, извлекая изъ нея *высокое нравственное назиданіе,* сама становится *дѣломъ религіознымъ.*

Поэтому Жуковскій могъ сказать, что «*поэзія есть земная сестра небесной религіи*», что «*поэзія есть добродѣтель*».

Въ этомъ возвышенномъ смыслѣ представлялось ему значеніе поэта въ жизни общества и въ жизни цѣлаго народа.

Поэтъ не долженъ перестать быть человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества; поэзія должна имѣть вліяніе на духовную жизнь самого народа, на его воспитаніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли.

Поэтическое вдохновеніе есть даръ неба въ прямомъ смыслѣ слова:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незванное ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія - одно.

Въ драматической поэмѣ «Камоэнсъ», частью переведенной, частью очень передѣланной изъ Гальма, Жуковскій влагаетъ въ уста умирающаго Камоэнса слова, составляющія его собственную задушевную мысль:

Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!

И въ той же поэмѣ молодой поэтъ говоритъ слова Жуковскаго:

Нѣтъ, нѣтъ, не счастія не славы здѣсь
Ищу я, быть хочу крыломъ могучимъ
. . . .
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной —
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Поэты, засвѣтивъ свой огонь на маякѣ, который возженъ самимъ Создателемъ, будутъ —

... во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что́-бъ труженикъ земной
Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Новѣйшій біографъ приводитъ для сопоставленія со взглядами Жуковскаго на искусство современныя философскія теоріи нѣмецкихъ романтиковъ—*теоріи Фихте*, *ученія Шеллинга*, *Зольгера*, *Тика.*

У Жуковскаго мы не будемъ, конечно, ожидать непосредственнаго повторенія и приложенія этихъ философ-

скихъ ученій, но косвеннымъ образомъ, черезъ популярныя изложенія, черезъ примѣненія и толкованія этихъ теорій въ беллетристикѣ и критикѣ, какъ, напримѣръ, у Шлегеля, Тика и т. д., *къ Жуковскому, вѣроятно, доходили тѣ представленія романтиковъ, которыя давали искусству не только чрезвычайно широкое, но всеобъемлющее значеніе въ духовной жизни человѣка и общества, наконецъ, народа.*

При всей противоположности въ личныхъ характерахъ и настроеніяхъ, при всемъ противорѣчіи мягкаго, благодушнаго, религіознаго Жуковскаго съ необузданными порывами нѣмецкаго романтизма, напоминавшими эпоху «бурныхъ стремленій», при всемъ громадномъ различіи въ положеніи двухъ литературъ, у Жуковскаго могли именно отразиться теоріи романтиковъ, когда онъ такъ усердно изучалъ этихъ романтиковъ на дѣлѣ, въ ихъ произведеніяхъ; но понятно, что эти теоріи могли быть имъ усвоены только въ освѣщеніи религіозно-мистическаго идеализма, составлявшаго его давнее міровоззрѣніе.

Жуковскій справедливо говорилъ въ одномъ письмѣ къ Гоголю (1847) о своихъ произведеніяхъ: *«у меня почти все чужое или по поводу чужого—и все, однако, мое»...*

Какъ поэзія имѣетъ божественное происхожденіе, такъ и *поэтическая красота есть откровеніе*, для самого поэта невольное и безсознательное. Геній красоты —

... въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ
И приноситъ откровенья
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ —
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Въ замѣткѣ къ этимъ стихамъ Жуковскій объясняетъ, что прекрасное является къ намъ только минутами, чтобы оживить насъ, возвысить нашу душу: величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище человѣ-

ческой души, поэзія, счастье и еще болѣе несчастье даютъ намъ эти ощущенія прекраснаго.

«Въ эти минуты живого чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ, и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души; иначе, отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимолетающій благовѣститель лучшаго, но есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ».

Та прощальная звѣзда, о которой онъ говоритъ въ стихотвореніи, есть «знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣстѣ того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ. Звѣзда на темномъ небѣ—она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ издали... *Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ*».

Жуковскій *очень скромно цѣнилъ свою дѣятельность.* Около того же времени, когда онъ писалъ приведенные стихи и свой комментарій къ нимъ, онъ говоритъ о себѣ въ одномъ посланіи (1820):

... А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный.
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно,
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но не способенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.

Дѣйствительно, *въ своей поэзіи онъ былъ только мечтателемъ: онъ не далъ въ ней русскаго содержанія*; вести ее впередъ предоставлено было его великому младшему современнику; самъ онъ впослѣдствіи шелъ съ нимъ только рядомъ, какъ прежде шелъ рядомъ съ той новой поэзіей, которая рождалась въ Европѣ подъ вліяніями пережитыхъ общественныхъ и нравственныхъ потрясеній.

Во вторую половину своей дѣятельности Жуковскій и *совсѣмъ устранился отъ того движенія*, которое шло въ предѣлахъ самóй русской литературы: онъ обогащалъ ее переводами великихъ произведеній всемірной литературы, которымъ нужно было существовать на русскомъ языкѣ, но которыя не имѣли никакого отношенія къ тревожнымъ вопросамъ развитія русскаго искусства.

Въ эти послѣдніе годы, пребывая въ идеальномъ мірѣ своихъ мечтаній, онъ бывалъ не только далекъ отъ этихъ тревожныхъ вопросовъ, но и переставалъ ихъ понимать.

За нимъ остается въ судьбахъ русской литературы *великая заслуга*—не столько въ томъ, что своими поэтическими переводами онъ познакомилъ ее съ міромъ европейской романтики, или въ томъ, что далъ образцы задушевной поэзіи, говорившей изящнымъ языкомъ, сколько въ томъ, что *изъ всей сложности элементовъ, образовавшихъ его творчество, онъ впервые создалъ въ нашей литературѣ возвышенное представленіе объ источникѣ и назначеніи поэзіи.*

Дѣйствительно, великой новой идеей было это представленіе, когда взамѣнъ прежнихъ неясныхъ, школьно-грубыхъ, даже низменныхъ понятій о стихотворствѣ онъ поставилъ свое понятіе о поэзіи, *источникъ которой есть божественный*, и *назначеніе которой—нравственное воспитаніе человѣка и народа.*

Съ этимъ представленіемъ только и могла явиться истинная поэзія, достойная своего имени; и если уже вскорѣ мы встрѣтимъ этотъ возвышенный тонъ поэзіи у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ихъ предшественникомъ здѣсь былъ Жуковскій.

А. Н. Пыпинъ.

Три источника романтизма.

Родословная умственныхъ движеній почти такъ же темна и сбивчива, какъ происхожденіе полумиѳическихъ героевъ древняго языческаго міра.

Почти никогда нельзя сказать съ точностью, гдѣ и когда они зародились.

Ихъ начало большей частью скромно, они являются на свѣтъ, какъ дѣти неизвѣстныхъ родителей, и первоначальный ихъ ростъ незамѣтенъ.

И романтизмъ, который мы видимъ такимъ блестящимъ и полнымъ силы въ первую четверть нашего вѣка, не ушелъ отъ этой общей участи.

Его малоизвѣстные корни лежатъ далеко за предѣлами эпохи его расцвѣта.

Его первоначальный источникъ въ томъ полубезсознательномъ чувствѣ отвращенія къ самому себѣ, какое охватило подъ конецъ XVIII в. тогдашнее утонченное и дряхлѣющее общество.

Какъ въ жизни иныхъ черезчуръ избалованныхъ людей, которымъ все пріѣлось, потому что они всѣмъ злоупотребляли, у XVIII в. сказалась вдругъ *жажда уйти отъ самого себя*, отъ своей искусственной жизни и *обновиться сближеніемъ съ природой*, бѣгствомъ отъ образованности столицъ.

Это было нѣкоторымъ образомъ *хожденіе въ народъ*, стремленіе опроститься, свидѣтелями котораго мы были недавно у себя.

Но только XVIII в. шелъ не въ настоящій народъ, котораго онъ не зналъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ знать, а въ иной, воображаемый, не въ свою близкую, а въ чужую, незнакомую природу, которыхъ онъ искалъ то среди дикихъ жителей дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, то въ полномъ разрывѣ съ обществомъ и закономъ, въ свободномъ разгулѣ разбойничьихъ шаекъ.

Таково было значеніе горячей филиппики *Руссо* противъ образованности вообще, и такова была причина странной популярности, какую вдругъ пріобрѣли во французской литературѣ первобытные нравы дикарей.

Конечно, и то и другое было не болѣе, какъ забава, какъ умственное упражненіе для избалованнаго вкуса, но была въ этомъ и искренняя черта, было сознаніе лживости черезчуръ изысканной жизни и строгихъ условныхъ формъ, въ которыя облекалась какъ сама эта жизнь, такъ и созданная ею литература.

То же сознаніе, но еще болѣе сильное и болѣе искреннее, сказалось въ другомъ параллельномъ явленіи, въ бурномъ порывѣ, охватившемъ нѣмецкую литературу и получившемъ мѣткое названіе: *Sturm und Drang*.

Шиллеровскія драмы первой эпохи его творчества не что иное, какъ *протестъ противъ узкихъ, тяжелыхъ рамокъ тогдашней нѣмецкой жизни*.

Несмотря на то, что вся поэзія Шиллера пропитана культомъ древности, спокойной красотой греческаго классицизма, онъ былъ въ то же время первымъ крупнымъ поэтомъ, создавшимъ въ лицѣ Карла Моора типъ *истаго романтическаго героя*, которому тѣсно среди будничной жизни современнаго общества.

Во всѣхъ его драмахъ звучитъ *протестъ противъ всего условнаго, будничнаго, мелкаго*.

Это постоянная картина *борьбы личности противъ общества*, сильнаго индивидуальнаго темперамента противъ гнета заурядной жизни.

Въ этой борьбѣ, въ этомъ противопоставленіи обществу субъективной личности и заключается вся суть романтизма, духъ, которому онъ остался вѣренъ до конца, во всѣ фазисы своего развитія.

Расширяя область творчества и стараясь правдивѣе изображать человѣка, романтизмъ всетаки не могъ создавать реальные образы, потому, что онъ имѣлъ въ виду *человѣческую природу, взятую независимо отъ условій мѣста и времени, такъ сказать, освобожденную отъ бытовыхъ рамокъ*.

Въ своей ненависти къ будничному и заурядному онъ забывалъ, что вся человѣческая жизнь соткана изъ этого будничнаго, что, какъ всякая среда, это будничное по необходимости воздѣйствуетъ на психическія движенія людей и что *игнорировать эту сторону жизни—значитъ отрѣшаться отъ условій быта*, стало быть, изображать не людей данной эпохи, а какихъ-то *отвлеченныхъ, несуществующихъ людей*.

Обыденная природа, если можно такъ выразиться, не имѣла для романтизма красотъ, какъ и обыденная жизнь.

Свою богатую палитру онъ прберегалъ для описанія лишь тѣхъ ея явленій, которыя поражаютъ своей грандіозностью.

Значеніе для романтическаго творчества природа имѣла лишь тогда, когда была охвачена бурнымъ порывомъ.

Бѣшеныя волны океана, стремнины горъ, ревъ дикой бури—вотъ что романтизмъ считалъ достойнымъ описанія; какъ въ обстановкѣ человѣческаго быта, въ архитектурѣ, въ орнаментаціи, въ костюмѣ его интересовало лишь то, что чуждо европейцу XIX вѣка,—*бытъ экзотическихъ странъ или давно минувшаго времени.*

Стремленіе къ декоративности въ описаніи отвѣчало стремленію *къ героизму въ созданіи характеровъ.*

Бѣгство отъ цивилизованной жизни къ идиллической свободѣ первобытныхъ лѣсовъ во французской литературѣ XVIII в.; *борьба сильной натуры противъ мѣщанской заурядности общества, высшей субъективной правды съ правдой условной* въ поэзіи Шиллера; наконецъ, *отрицаніе всякаго закона во имя полной свободы личности* у Байрона—вотъ три источника, изъ которыхъ романтизмъ черпалъ свое вдохновеніе.

К. Головинъ.

Новоромантическое направленіе.

—

Романтическая поэзія явилась *поэзіей неба*, поэзіей *будущаго загробнаго существованія человѣка;* она выразилась въ стремленіи къ *усовершенствованію*, ко всему сверхъестественному, чудесному, божественному.

Не безмятежное наслажденіе счастьемъ и радостями земной жизни, а возможное для человѣка усовершенствованіе, *спокойствіе совѣсти, подвиги добра и любви къ ближнимъ, терпѣливое перенесеніе бѣдствій и страданій, надежда на будущую жизнь и приготовленіе къ ней* выдвинулись въ ней, какъ новые высшіе идеалы человѣчества.

Романтическая поэзія возникла и достигла высшаго развитія у *испанцевъ и французовъ*, въ средѣ которыхъ особенно процвѣтало рыцарство.

Романтическое направленіе вызвано было крайностями ложноклассическаго направленія, возникшаго въ концѣ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в. сдѣлавшагося господствующимъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ.

Сухость ложноклассической поэзіи, полнѣйшій ея разрывъ съ народомъ и его интересами, аристократическая чопорность и изысканность, пригодная только для вельможнаго, ученаго и, вообще, болѣе образованнаго кружка и въ то же время совершенно чуждая и мало понятная для людей съ обыкновеннымъ развитіемъ, ея натянутый и напыщенный тонъ, громозвучныя, тропами и фигурами блистающія оды и поэмы, по большей части неестественныя и ходульныя изображенія тоже неестественныхъ и небывалыхъ героевъ и царей—все это дѣлало ложноклассическую поэзію однообразной, скучной и томительной.

Она потеряла уже прелесть новости, отжила свой вѣкъ, выполнила свое назначеніе, познакомила общество съ разнообразными поэтическими формами и своимъ существованіемъ доказала безжизненность и пустоту поэзіи, питающейся чуждыми народной жизни соками, отрѣшенной отъ живой плодотворной струи національности, простого неподдѣльнаго человѣческаго чувства.

Публика безсознательно искала *расширенія узкихъ предѣловъ поэзіи, свободы для поэтическаго творчества* и требовала *простоты, естественности и жизненной правды, непосредственнаго выраженія въ поэзіи чувства, воображенія, фантазіи.*

Публика жаждала увидѣть не героя, а *настоящаго человѣка* въ неподдѣльной простотѣ.

Отвѣтомъ на эти требованія и удовлетвореніемъ имъ было *новоромантическое* направленіе, явившееся и достигшее высшаго своего развитія въ Германіи, распространившееся потомъ по всей Европѣ и окончательно вытѣснившее направленіе ложноклассическое.

Въ противоположность ложноклассической поэзіи, поэзіи ума, холоднаго разсудка, «здраваго смысла», поэзія романтическая — *поэзія чувства*; первая — поэзія аристократическая, придворная, ученая, поэзія мишуры и внѣшняго

блеска, вторая — поэзія *народная, изображающая простую обыкновенную жизнь, съ ея радостями, стремленіями и чувствами*, могущая быть достояніемъ всѣхъ и каждаго; первая—космополитическая, вторая—*національная.*

Въ противоположность ложноклассикамъ, романтики сдѣлались врагами «здраваго смысла», сухой разсудочности и искусственно раздражали фантазію до болѣзненнаго напряженія.

Основаній, идеаловъ они стали искать *въ смутныхъ воспоминаніяхъ прошедшаго* или *еще болѣе смутномъ и неопредѣленномъ предчувствіи будущаго.*

Ища идеаловъ въ прошедшемъ, они обратились къ *тщательной обработкѣ и воспроизведенію прошедшей жизни*; начали собирать легенды, сказанія, миѳы, пѣсни.

На первомъ планѣ стояли средніе вѣка съ ихъ рыцарствомъ, полнымъ проявленій высокой религіозности, стремленіи къ свободѣ, личной безкорыстный храбрости и отваги; средніе вѣка сдѣлались высшимъ идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и возвращеніе къ нимъ для многихъ явилось любимой мечтой; но въ то же время романтики ниспускались къ первымъ временамъ христіанства, къ преданіямъ свободной Греціи и Рима, отдаленной древности Востока и вездѣ искали проявленія возвышенныхъ чувствъ, стремленій и подвиговъ.

Въ этой широкой области прошедшаго они брали *самыя лучшія, возвышенныя и болѣе привлекательныя черты* и стороны, тщательно обрисовывая ихъ и вовсе не обращая вниманія на стороны темныя и грубыя.

Отсюда естественно выходила часто *крайняя односторонность* въ изображеніи прошедшей жизни, *преобладаніе мечты*, фантазіи, идеальныхъ стремленій надъ реальной дѣйствительностью.

Но, уносясь въ это очаровательное для нихъ прошедшее и ища въ немъ идеаловъ для настоящаго и неопредѣленнаго будущаго, романтики послѣдовательно пришли *къ туманному мистицизму*, къ стремленіямъ и порывамъ въ какой-то неземной, высшій міръ, созданный воображеніемъ и фантазіей, грустили, разочаровывались настоящимъ, плакали о потерянномъ счастіи и уносились въ широкую туманную область мечтаній и иллюзіи.

Отсюда возникла *любовь къ таинственности*, ко всему чарующему и сверхъестественному; отсюда излишнее пристрастіе романтиковъ къ необузданно-фантастическимъ народнымъ преданіямъ и вымысламъ, къ изображенію фантастическихъ происшествій и лицъ; чудовищъ, встающихъ изъ гробовъ мертвецовъ, привидѣній, колдуновъ, вѣдьмъ и всякаго рода демоническихъ существъ; отсюда любовь къ мрачнымъ лѣсамъ, подземельямъ, къ кладбищамъ при слабомъ освѣщеніи луны, завыванію вѣтра, бури, снѣжныхъ вьюгъ, гдѣ все полно привидѣній и чаръ.

Словомъ, въ своемъ стремленіи романтизировать міръ романтики все обыкновенное превращали въ необыкновенное, извѣстное въ неизвѣстное, конечное въ вѣчное, реальное въ сверхъестественное.

А. Орловъ.

Особенности романтизма.

Романтизмъ былъ *реакціей одновременно и ложноклассицизму, и раціонализму.*

Отличительная основная черта романтическаго міросозерцанія—*крайній субъективизмъ.*

Личность, ея внутренній міръ, ея фантазія и даже капризы,—все это романтиками возводится *въ культъ.*

Романтикъ ставитъ свой *внутренній міръ выше внѣшняго*; этотъ послѣдній, какъ нѣчто самостоятельное, не интересуетъ романтика; *свое представленіе о дѣйствительности* романтикъ цѣнитъ *больше, чѣмъ самую дѣйствительность.*

Взглянуть трезво на тотъ или другой реальный фактъ, оцѣнить его *съ общественной точки* зрѣнія *романтикъ не можетъ:* онъ изучаетъ только *впечатлѣніе*, которое этотъ фактъ произвелъ *на него.*

Разочарованный въ соціальныхъ стремленіяхъ предшествующаго вѣка и какъ бы извѣрившись въ возможности утвердить общую свободу и общую справедливость, человѣкъ сталъ думать о себѣ, словно рѣшилъ, что каждый долженъ думать за свой страхъ, можетъ смотрѣть на міръ своими собственными глазами, не заботясь о согласованіи своихъ воззрѣній съ воззрѣніями окружающихъ.

Такова *первая черта* романтизма: это *поэтическое представленіе о дѣйствительности, замѣна дѣйствительности фантазіей, субъективное отношеніе къ внѣшнему міру, признаніе только своего „я“*.

Изъ этого основного воззрѣнія вытекали и всѣ остальныя черты романтическаго міросозерцанія.

Прежде всего, кореннымъ образомъ *измѣнился взглядъ на поэта*.

Поэтъ перестаетъ быть ученымъ, какимъ онъ былъ въ эпоху господства ложноклассицизма.

Онъ *свободный творецъ*.

Не знаніе правилъ, а *наличность таланта* — главное условіе поэтическаго творчества.

Онъ гордый законодатель, а не исполнитель законовъ. Онъ ставитъ себя высоко надъ толпой, вкусъ которой еще недавно служилъ для него единственнымъ критеріемъ. Поэтъ требуетъ себѣ *неслыханной свободы*.

Романтическая свобода обусловила собой и третье важное измѣненіе, именно *измѣненіе художественныхъ формъ*.

Вмѣсто строгой регламентаціи видовъ поэзіи воцаряется полный безпорядокъ.

Лирика и драма, эпическое повѣствованіе и аллегорія, запутанная символика и мистическіе образы—все это сливается въ одномъ и томъ же произведеніи, все это даетъ поэту просторъ раскрыть всѣ свои настроенія, обнаружить весь свой внутренній міръ.

Романтики какъ бы мстили ложноклассицизму за тяжкія цѣпи, которыя такъ долго носила поэзія, и *чѣмъ причудливѣе была форма*, чѣмъ рѣзче выходила она изъ рамокъ, установленныхъ традиціей, *тѣмъ съ большимъ восторгомъ привѣтствовали ее представители новой школы*.

Свобода, даже полный произволъ въ поэтической формѣ— такова третья особенность романтическаго направленія.

Субъективное міровоззрѣніе романтиковъ должно было повліять и на ихъ *взглядъ на взаимное отношеніе между разумомъ и воображеніемъ*.

Цѣня выше всего *образы, живущіе внутри насъ*, а не во внѣшнемъ мірѣ, романтики особенно *цѣнили фантазію* и воображеніе и отводили разуму въ творчествѣ незначительное мѣсто.

Съ этимъ тѣсно связана любовь романтиковъ *къ неяснымъ сюжетамъ*.

Все реальное и близкое ограничивало фантазію.

Вотъ почему романтики такъ любили *прошлыя времена и отдаленныя страны*.

Средніе вѣка и Востокъ, особенно Индія, съ необыкновенной силой привлекали къ себѣ романтиковъ.

Тамъ ихъ фантазіи открывался просторъ; все малоизвѣстное скорѣе можетъ стать матеріаломъ для игры творческаго воображенія, чѣмъ близкое и ясное.

Романтики оказывали предпочтеніе среднимъ вѣкамъ въ прошломъ, а въ отдаленномъ—Индіи, потому, что эта эпоха и эта страна, помимо привлекательности отдаленія, много говорили душѣ романтика своими родственными ихъ направленію чертами—мистическими порывами ввысь, отвращеніемъ къ дѣйствительности.

П. Коганъ.

О разновидностяхъ романтизма и о Жуковскомъ, какъ представителѣ логическаго псевдоромантизма.

(*Что такое романтизмъ?*—Обычныя опредѣленія. Мнѣніе Бѣлинскаго.—Романтизмъ, какъ система міровоззрѣнія и какъ психологическая категорія. Стремленіе и проникновеніе „за предѣлы предѣльнаго"; мистицизмъ, какъ религіозный романтизмъ. Три рода романтизма—романтизмъ логическій, этическій и эстетическій, романтизмъ мысли, воли и чувства. Характерные ихъ признаки. Совпаденіе этихъ трехъ родовъ романтизма съ романтизмомъ нѣмецкимъ, англійскимъ и французскимъ; Гофманъ, Байронъ, Гюго. Основная черта всякаго романтизма—разрывъ съ обыденностью; рѣзкое антимѣщанство романтизма; революціонность его въ конечномъ счетѣ.—Русскій романтизмъ начала XIX-го вѣка—псевдо-романтизмъ. *Жуковскій*, какъ главный представитель логическаго псевдоромантизма. Связь съ Карамзинымъ; поэзія Жуковскаго—сентиментальный псевдоромантизмъ. Реальная фантастика вмѣсто проникновенія „за предѣлы предѣльнаго"; раціоналистическій піэтизмъ вмѣсто романтическаго мистицизма. „Христіанская философія" Жуковскаго и его проектъ „О смертной казни".—Значеніе поэзіи Жуковскаго; его сентиментальный псевдоромантизмъ, какъ первая ступень къ эстетическому индивидуализму.—Борьба съ мѣщанствомъ ложноклассицизма и сентиментализма; „Арзамасъ").

«Всѣ имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ»—писалъ Пушкинъ еще въ 1825 г.; съ тѣхъ поръ много говорили, писали, спорили о романтизмѣ, да только возъ и нынѣ тамъ. Правда, установилось общепринятое, шаблонное мнѣніе о сущности романтизма, какъ о *реакціи псевдоклассическому направленію*, отрицаніи всякихъ эстетическихъ теорій, стремленіи къ среднимъ вѣкамъ.

Съ такимъ примитивнымъ пониманіемъ романтизма боролся еще Бѣлинскій, и Бѣлинскій же впервые въ русской литературѣ далъ глубокое опредѣленіе этого понятія, указавъ, что *сущность романтизма заключается не въ особенностяхъ его формы, а въ его идеѣ*, что *источникъ романтизма не въ поэзіи, а въ жизни.*

«Жизнь тамъ, гдѣ человѣкъ, а гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ. Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи *романтизмъ* есть не что иное, какъ *внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца*... Преобладающій элементъ романтизма есть *вѣчное и неопредѣленное стремленіе, неуничтожаемое никакимъ удовлетвореніемъ*. Источникъ романтизма... есть *таинственная внутренность груди, мистическая сущность бьющагося кровью сердца*...»

Съ этой точки зрѣнія романтическое теченіе конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка есть лишь только частный случай того романтизма, который является *вѣчнымъ свойствомъ человѣческаго духа* и проявителями котораго были, по вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго, и средніе вѣка, и Платонъ, и таинства Элевзиса...

Мнѣніе Бѣлинскаго осталось одинокимъ въ нашей литературѣ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ смѣлость къ нему вернуться.

Подъ романтизмомъ мы понимаемъ *общее и вѣчное свойство человѣческаго духа, стремленіе нарушить тѣ границы, которыми сдавливаетъ его реальный міръ, непосредственное воспріятіе и сознаніе, раціонализмъ мысли, воли и чувства.*

Подъ романтизмомъ мы понимаемъ *постоянное стремленіе проникнуть въ новый, невѣдомый міръ, отбросить все „человѣческое, слишкомъ челвоѣческое", изъ міра третьяго измѣренія перейти въ міръ измѣренія четвертаго, отъ понятности перейти къ таинственности, отъ закономѣрности къ чуду.*

И такое стремленіе, какъ это чутко отмѣтилъ Бѣлинскій, *неуничтожимо никакимъ удовлетвореніемъ*, ибо нѣтъ тѣхъ предѣловъ, которые романтизмъ согласился бы признать непереступаемыми.

Выражаясь словами современнаго поэта, мы скажемъ, что романтизмъ—вѣчное стремленіе и проникновеніе

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности...

Стремленіе и проникновеніе: одно стремленіе «за предѣлы предѣльнаго» не характеризуетъ еще собою романтизма, ибо безсильное стремленіе часто обращалось въ слезливо-сентиментальную ламентацію о невозможности достиженія «свѣтлой безбрежности», въ чемъ отнюдь не было сути романтизма.

Стремленіе и проникновеніе „за предѣлы предѣльнаго“— вотъ романтизмъ.

Стремленіе это въ области мысли, воли и чувства позволяетъ намъ говорить о романтизмѣ *логическомъ*, романтизмѣ *этическомъ*, романтизмѣ *эстетическомъ* (въ узкомъ смыслѣ), какъ о главныхъ возможныхъ романтическихъ воззрѣніяхъ; въ области религіозныхъ переживаній мы можемъ говорить о *религіозномъ* романтизмѣ, которымъ очевидно является мистицизмъ.

Мистицизмъ есть религіозный романтизмъ, романтизмъ въ области религіи; Бѣлинскій въ свое время чутко замѣтилъ и эту связь; «въ основѣ всякаго романтизма непремѣнно лежитъ мистицизмъ», подчеркиваетъ онъ.

Характеризуя связь между романтизмомъ и мистицизмомъ, мы можемъ выставить обще положеніе: *религіозное сознаніе романтика неизбѣжно должно быть мистичнымъ*, и, mutatis mutandis, *міровоззрѣніемъ мистика неизбѣжно долженъ быть романтизмъ.*

Романтизмъ мысли, романтизмъ *логическій*, въ своемъ стремленіи «за предѣлы предѣльнаго» несомнѣнно долженъ быть *ирраціоналистичнымъ*; кромѣ того, онъ будетъ пытаться прорвать заколдованный кругъ закономѣрной реальности проникновеніемъ въ ту область полумистической фантастики, гдѣ эмпирическая дѣйствительность растворится въ причудливыхъ образахъ и фантасмагорическихъ видѣніяхъ.

Романтизмъ воли, романтизмъ *этическій*, въ своемъ стремленіи «за предѣлы предѣльнаго» устремится *по ту сторону добра и зла,* или во всякомъ случаѣ дастъ намъ романтическіе облики людей

... великихъ силъ и мыслей,
Добру и злу незнающихъ границъ...

Мощный титанизмъ—вотъ вѣчный спутникъ этическаго романтизма, его главное и неизбѣжное проявленіе; нечего и прибавлять, что и въ области этическаго романтизма царствуетъ *ирраціонализмъ*, что раціонализмъ въ этикѣ есть contradictio in adjecto для романтика.

Наконецъ, романтизмъ *чувства*, романтизмъ *эстетическій* (въ узкомъ значеніи этого слова) въ своемъ стремленіи «за предѣлы предѣльнаго» перейдетъ всѣ границы человѣческаго чувства, дастъ невиданную по силѣ его *изощренность* (а можетъ быть, и извращенность).

«Любовь—по преимуществу романтическое чувство», совершенно вѣрно замѣчаетъ Бѣлинскій; чаще всего именно это чувство, исключительность страсти, не подчиняющаяся никакимъ доводамъ разсудка, исключительность выраженія этой страсти и т. п.—должно служить главной темой эстетическаго романтизма.

Конечно, это только схема; въ реальной человѣческой личности всѣ разнообразнѣйшія черты эстетическаго, этическаго, логическаго, религіознаго романтизма могутъ быть соединены *въ единое, неразрывное цѣлое*, могутъ прихотливо переплетаться, сочетаться такъ или иначе.

Однако наше раздѣленіе, какъ схема, имѣетъ несомнѣнно и реальное значеніе, ибо не трудно доказать, что могутъ быть, и дѣйствительно были, и отдѣльныя лица, и цѣлыя литературныя направленія, романтизмъ которыхъ по своимъ главнымъ характернымъ признакамъ подходилъ именно подъ одинъ изъ трехъ указанныхъ нами выше.

(О романтизмѣ религіозномъ не говоримъ, такъ какъ онъ стоитъ не рядомъ съ логическимъ, этическимъ и эстетическимъ, а надъ ними).

Для доказательства не будемъ обращаться къ сѣдой древности, хотя и тамъ мы могли бы, слѣдуя примѣру Бѣлинскаго, отыскать всѣ три рода романтизма, указанные

нами выше; обратимся лучше къ романтическому теченію конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка.

Общеизвѣстно и общепризнано подраздѣленіе европейскаго романтизма XIX-го столѣтія на *нѣмецкій, англійскій* и *французскій.*

Конечно, и такое подраздѣленіе также условно и схематично, но въ то же самое время слишкомъ очевидна его реальная подоплека; очевидно, что дѣленіе это произведено не на основаніи однихъ географическихъ и этнографическихъ различій, а по причинѣ нѣкотораго *глубокаго отличія по существу* романтизма нѣмецкаго отъ англійскаго и французскаго.

Различіе это, по нашему мнѣнію, и заключается именно въ томъ, что *нѣмецкій* романтизмъ есть романтизмъ по преимуществу *логическій, англійскій* романтизмъ — главнымъ образомъ *этическій,* и романтизмъ *французскій*—прежде всего *эстетическій* романтизмъ; иначе говоря, главнымъ свойствомъ *нѣмецкаго* романтизма мы считаемъ *фантастику, англійскаго — титанизмъ, французскаго — исключительность страстей.*

Фантастика балладъ—характерная черта именно *нѣмецкаго* романтизма; величайшимъ нѣмецкимъ романтикомъ былъ, конечно, *Гофманъ,* фантастика котораго растворяетъ дѣйствительность въ причудливомъ кружевѣ образовъ, картинъ, поступковъ, лицъ четвертаго измѣренія, появившихся изъ-за «предѣловъ предѣльнаго».

Въ такой же точно степени *титанизмъ*—характерная черта романтизма *англійскаго,* сказавшаяся въ величайшемъ англійскомъ романтикѣ—*Байронѣ,* а *исключительность страстей* (въ равной мѣрѣ и аттрибутовъ и объектовъ ихъ)— главная черта *французскаго* романтизма, въ лицѣ его главнаго представителя—*Гюго.*

Изъ всего этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый нѣмецкій романтикъ принадлежалъ непремѣнно къ нѣмецкому романтизму, а англичанинъ и французъ—къ романтизму англійскому и французскому: нѣмецкій полуромантикъ Гёте могъ проговориться своимъ титаническимъ Прометеемъ, а англосаксъ Эдгаръ По во многихъ своихъ разсказахъ по силѣ фантастики приближается къ Гофману, но это нисколько не опровергаетъ общаго характера англійскаго и

нѣмецкаго романтизма. Направленія опредѣляются прежде всего крупными именами и постоянствомъ стремленія къ цѣли: англійскій романтизмъ всегда будетъ тѣсно связанъ съ именемъ Байрона и съ его вѣчнымъ стремленіемъ къ силѣ; на этомъ основаніи мы и называемъ титанизмъ основной чертой англійскаго романтизма.

Еще нѣсколько словъ о романтизмѣ—и мы перейдемъ отъ отвлеченныхъ разсужденій къ нашей россійской дѣйствительности начала XIX-го вѣка. Намъ осталось сказать объ одномъ глубоковажномъ слѣдствіи, вытекающемъ изъ основного стремленія романтизма «за предѣлы предѣльнаго»; это слѣдствіе—разрывъ съ обыденностью, и притомъ разрывъ съ обыденностью въ двоякомъ смыслѣ.

Прежде всего, стремленіе «за предѣлы предѣльнаго» есть *само по себѣ удаленіе отъ всего обыденнаго въ смыслѣ окружающаго насъ эмпирически-реальнаго міра*; въ этомъ смыслѣ романтизмъ по справедливости можетъ быть противопоставленъ реализму (мы говоримъ въ данномъ случаѣ о романтизмѣ и реализмѣ, какъ о системахъ міровоззрѣній, а не только какъ о литературныхъ направленіяхъ).

Но кромѣ того романтизмъ порываетъ *и съ той житейской обыденностью,* въ которой заключается знакомое намъ *этическое мѣщанство;* стоитъ вспомнить отношеніе Гофмана къ филистерству, чтобы убѣдиться, какъ далеко зашелъ въ своей ненависти по этому направленію романтизмъ. Разрывая съ обыденностью, романтизмъ не уставалъ высказывать *свое презрѣніе къ мѣщанскому укладу современной культуры*—и, быть можетъ, въ этомъ одна изъ причинъ тяготѣнія романтизма къ среднимъ вѣкамъ; разрывая съ обыденностью, романтизмъ, конечно, прежде всего порвалъ *съ обыденностью литературной,* проповѣдовалъ *свободу формы* и объявлялъ *войну всякимъ теоріямъ.*

(Какъ видимъ отсюда, *борьба романтизма съ псевдо-классицизмомъ* есть *только второстепенный результатъ,* а никакъ не самая суть романтизма).

Наконецъ, разрывая съ обыденностью, романтизмъ неизбѣжно долженъ былъ порвать съ обыденностью *общественно-политической,* а потому въ конечномъ счетѣ романтизмъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться *революціоннымъ.*

Принято обычно считать (ссылаясь на имена Шатобріана, Новалиса и др.), что романтизмъ былъ политически реакціоннымъ теченіемъ; если въ этомъ и есть доля правды по отношенію къ отдѣльнымъ именамъ, то *это совершенно невѣрно по отношенію къ романтизму, какъ направленію*, къ тому романтизму, о которомъ у насъ все время шла рѣчь выше.

Романтизмъ—*революціонное теченіе не только въ литературѣ, но и въ общественной жизни;* если при своемъ возникновеніи въ XIX вѣкѣ онъ и былъ реакціоннымъ вслѣдствіе случайныхъ общественно-политическихъ комбинацій, то реакціонность эта, пройдя черезъ фазу политическаго индифферентизма, вскорѣ обратилась въ либерализмъ и въ крайне революціонное теченіе.

Отъ Гофмана черезъ Байрона къ Гюго мы имѣемъ въ этомъ случаѣ характерную и въ высокой степени знаменательную эволюцію.

Говорить о русскомъ романтизмѣ, не выяснивъ своего отношенія къ романтизму вообще, было невозможно. Посмотримъ же, что принесъ съ собою русскій романтизмъ прежде всего въ лицѣ *Жуковскаго*.

Русскій романтизмъ былъ псевдоромантизмомъ или, иными словами—*въ Россіи не было романтизма*, того романтизма, о которомъ у насъ все время шла рѣчь выше. Въ Россіи былъ *нѣмецкій псевдоромантизмъ* (Жуковскій), былъ *псевдоромантизмъ англійскій* (Пушкинъ), *французскій* (Бестужевъ-Марлинскій), но все это было только *мало-удачнымъ подражаніемъ*; въ Россіи не было романтизма, потому что *не было проникновенія „за предѣлы предѣльнаго...“*

Жуковскій былъ *главнымъ представителемъ нѣмецкаго романтизма на русской почвѣ* и непосредственнымъ наслѣдникомъ сентиментализма Карамзина.

Связь между Карамзинымъ и Жуковскимъ была отмѣчена въ свое время еще Бѣлинскимъ, и теперь все болѣе и болѣе склоняются къ тому мнѣнію послѣдняго, которое выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Жуковскій ввелъ литературный мистицизмъ, который въ самомъ дѣлѣ былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный сентиментализмъ...“

Мы вполнѣ выяснимъ наше отношеніе къ поэзіи Жу-

ковскаго, если назовемъ ее сентиментальнымъ псевдоромантизмомъ.

Жуковскій вступилъ въ литературу въ разгаръ славы Карамзина и въ апогей расцвѣта сентиментализма. Неудивительно поэтому, что въ 1803 г. онъ еще былъ въ восторгѣ отъ Шаликова, а въ 1809 г. написалъ слабое подражаніе «Бѣдной Лизѣ»; гораздо удивительнѣе то, что въ то время, когда русская литература имѣла уже элегіи и стансы Пушкина, имѣла такія вещи, какъ «Борисъ Годуновъ» и «Евгеній Онѣгинъ»,—Жуковскій все еще продолжалъ сентиментальничать на мотивъ «стонетъ сизый голубочекъ», воспѣвая, какъ умирающій лебедь

Тихо съ жизнію прощался
И при смерти сладко пѣлъ;
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочикъ сизокрылой.

Эта *„меланхолія“* Жуковскаго вся вышла *изъ нѣдръ сентиментализма*, и только по какому-то странному недоразумѣнію считаютъ ее однимъ изъ свойствъ романтизма.

Элегизмъ по самому своему существу *связанъ съ сентиментализмомъ*, а къ романтизму можетъ быть пришитъ только бѣлыми нитками.

Правда, романтизмъ есть никогда неудовлетворяемое стремленіе и проникновеніе за «предѣлы предѣльнаго», но мы уже указывали, что *безсильное стремленіе, обращающееся въ слезливую ламентацію, не есть романтизмъ.*

Стремленіе это было у Жуковскаго:

Сердце мукой безъимянной
Все проникнуто насквозь.
И меня отсель куда-то
Все зоветъ какой-то гласъ...

Но для романтизма одного стремленія мало; должно быть и проникновеніе.

Было ли оно у Жуковскаго?

Проникнуть за «предѣлы предѣльнаго» онъ пытался прежде всего въ *логическомъ романтизмѣ*, а затѣмъ *и въ романтизмѣ религіозномъ*, но и тутъ и тамъ *одинаково безуспѣшно.*

Онъ добросовѣстно подражалъ всей той фантастикѣ, которую находилъ у различныхъ представителей нѣмецкаго

романтизма, но *фантастика эта оказывалась у Жуковскаго до смѣшного не фантастической;* проникнуть «за предѣлы предѣльнаго» онъ оказался вполнѣ безсильнымъ.

Онъ тщательно пытается *быть таинственнымъ* и, чувствуя свое безсиліе въ этомъ, *нагромождаетъ въ своихъ балладахъ всякіе чудеса и ужасы одни на другіе.*

Еще въ первой своей балладѣ «Людмила» (1808 г.), переведенной изъ Бюргера, онъ уже пытается пустить свой романтизмъ, что называется, «во-всю», а потому въ то время, какъ у Бюргера надъ мертвой Ленорой только рѣетъ толпа воздушныхъ тѣней, у Жуковскаго—*нагроможденіе* всяческихъ ужасовъ:

Стонъ и вопли въ облакахъ,
Визгъ и скрежетъ подъ землею...
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій страшный хоръ завылъ...

И въ каждой балладѣ Жуковскаго мы встрѣтимся со всѣми этими аттрибутами чертовщины: тутъ и «дикій вой совы», и завыванія колокола; тутъ фигурируетъ и «черный вранъ» («вранъ»—это болѣе ужасно, чѣмъ «воронъ»...), тутъ и гробница, и трупъ, и самъ дьяволъ собственной персоной; то у него «трупъ завылъ», то «мрачный бѣсъ ужасно взвылъ и улетѣлъ», то «въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ» (и это даже въ балладахъ 1831—2 гг.!).

Конечно, въ высокой степени наивно критиковать всѣ такія мѣста съ раціоналистической точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ Бѣлинскій, безсознательно вскрывающій, впрочемъ, всю неубѣдительность и прозаичность реалистической фантастики нашего сентиментальнаго романтика; для насъ эти мѣста являются глубоко интересными, воочію убѣждая читателей въ полномъ безсиліи фантастики Жуковскаго.

Всѣ эти воющіе трупы и бѣсы облечены въ плоть и кости; вмѣсто таинственной, полумистической фантастики передъ нами *все земное, подчиняющееся законамъ тяготѣнія и не выступающее за предѣлы третьяго измѣренія.*

Вмѣсто таинственной фантастики Жуковскій усердно уснащаетъ свои произведенія всѣми ужасами, страшными для маленькихъ дѣтей; отсюда до романтизма, какъ до звѣзды небесной, далеко.

Религіозный романтизмъ Жуковскаго въ такой же степени является *псевдоромантизмомъ.*

Религіозный романтизмъ есть мистицизмъ, *Жуковскій же никогда не былъ мистикомъ*; только при поверхностномъ знакомствѣ съ Жуковскимъ можетъ показаться, что онъ стремился и проникалъ «за предѣлы предѣльнаго» въ области религіи; не надо забывать, что не всякая религіозность, а только мистическая является романтизмомъ.

Конечно, религіозность Жуковскаго не подлежитъ сомнѣнію; съ перваго произведенія Жуковскаго («Мысли при гробницѣ», 1797 г.) и до самаго послѣдняго («Розы», 1852 г.) всюду мы находимъ *религіозность, тѣсно связанную съ элегизмомъ, съ „меланхоліей“,* ибо

...скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?..

Религіозное созерцаніе поэта направлено не «за предѣлы предѣльнаго», но, наоборотъ, оно *переноситъ за эти предѣлы нашу земную, предѣльную точку зрѣнія, философію третьяго измѣренія*: «за предѣлами предѣльнаго» Жуковскій ожидаетъ найти знакомую страну, хотя и «тайную», прибавляетъ онъ.

Но мы теперь уже знакомы съ «таинственностью» въ пониманіи Жуковскаго и знаемъ, что онъ эту «тайную» страну вполнѣ отчетливо рисовалъ себѣ *въ земныхъ, „предѣльныхъ“ образахъ и краскахъ.*

Жуковскій былъ религіозенъ, но эта его религіозность не мистицизмъ, а *піэтизмъ*, и притомъ піэтизмъ *рѣзко раціоналистическаго характера.*

Ясно и просто смотритъ нашъ сентиментальный псевдоромантикъ на міръ, на человѣка; *ни въ смерти, ни въ жизни не видитъ онъ той тайны,* которую чувствуетъ за ними мистицизмъ.

Жизнь—это просто «странствіе по свѣту, ... во исполненье верховной воли высшаго царя»; смерть—еще проще и понятнѣе, это новая жизнь «гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ», гдѣ вернется къ поэту погибшее любимое существо.

Мистическая тайна не нужна и даже вредна:

...съ упованьемъ,
Смертный, жди—не испытуй!

Зато не мѣшаетъ и даже полезно предаваться *лирическимъ ламентаціямъ о тщетѣ всего земного*: это возвышаетъ душу къ небесному...

Вообще, въ своемъ примитивномъ христіанствѣ Жуковскій былъ типичнымъ представителемъ протестантизма, съ его подмѣной мистицизма раціоналистическимъ піэтизмомъ; для характеристики этого піэтизма Жуковскаго достаточно познакомиться съ его «Христіанской философіей» (1850 г.).

Еще ярче въ этомъ отношеніи его омерзительно-филистерскій проектъ „*О смертной казни*" (1850 г.), который мы и напомнимъ читателю для характеристики піэтизма вообще.

У Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" есть одно интересное мѣсто о казни раскаявшагося убійцы Ришара.

Ришаръ раскаялся, увѣровалъ, на него снизошла благодать; пасторы, судьи и благотворительныя дамы въ восторгѣ цѣлуютъ его, кормятъ конфектами и дарятъ цвѣтами—но по божеской и человѣческой справедливости все-таки нужно казнить убійцу...

„Вотъ достигли эшафота: „умри, братъ нашъ,—кричатъ Ришару,—умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла благодать!"

„И вотъ, покрытаго поцѣлуями братьевъ, брата Ришара втащили на эшафотъ, положили на гильотину и оттяпали-таки ему, по-братски, голову за то, что и на него сошла благодать..."

Достоевскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что поступокъ подобнаго рода свойственепъ исключительно протестантизму.

Весь этотъ эпизодъ съ „братомъ Ришаромъ" невольно вспоминается при знакомствѣ *съ ханжески-піэтическимъ проектомъ Жуковскаго.*

Онъ желаетъ, чтобы смертная казнь „была не однимъ актомъ правосудія гражданскаго, но и актомъ любви христіанской (!)", чтобы она имѣла „образъ величественный, глубоко трогающій и ужасающій душу", чтобы при совершеніи казни „всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка", чтобы казнь, „уничтожая преступника, врага гражданъ, возбуждала состраданіе къ судьбѣ его въ сердцахъ его братьевъ, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ..."

Однимъ словомъ—„умри во Господѣ, братъ нашъ Ришаръ..."

Но это еще не все. Послѣдніе дни преступника должны быть освящены религіей; „на пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о душѣ его..."

При соблюденіи всего этого церемоніала смертная казнь будетъ возбуждать „всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдой, сострадание, любовь христіанскую (!)“, а преступнику въ то же самое время оттяпаютъ-таки по-братски голову...

Намъ кажется, что этимъ исчерпанъ вопросъ о романтизмѣ Жуковскаго.

Романтизмъ въ религіи—мистиченъ, *псевдоромантизмъ Жуковскаго—піэтиченъ,* а ирраціоналистическій мистицизмъ и раціоналистическій піэтизмъ во всемъ діаметрально-противоположны другъ другу; далѣе, романтика мысли характеризуется фантастичностью таинственнаго оттѣнка, *фантастика же „поэтическаго дядьки чертей и вѣдьмъ въ нашей литературѣ“ была постоянно въ высшей степени прозаической и реальной,* стремящейся только подавить читателя нагроможденіемъ всяческихъ quasi-ужасовъ.

Жуковскій былъ такимъ образомъ типичнымъ представителемъ того *псевдоромантизма,* который на долгое время заполонилъ собой русскую литературу.

Конечно, несмотря на все это, легкомысленное отношеніе къ поэзіи Жуковскаго было бы неизвинительнымъ; значеніе его для исторіи русской литературы и для исторіи эволюціи индивидуализма въ литературѣ слишкомъ велико, хотя характеристика этого значенія и не входитъ въ нашу задачу.

Скажемъ только одно, что *„поэтъ субъективнаго чувства“,* какъ обыкновенно называютъ Жуковскаго, *въ области индивидуализма сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ* по сравненію съ сентиментализмомъ Карамзина.

Сентиментальный псевдоромантизмъ Жуковскаго былъ первой ступенью къ эстетическому индивидуализму, подобно тому какъ сентиментализмъ Карамзина былъ первой ступенью къ индивидуализму этическому.

Жуковскій—*первый чистый лирикъ въ русской поэзіи*; отбросивъ все внѣшнее и наружное сентиментализма, онъ углубился въ свою душу, и міръ его поэзіи есть міръ его души.

Правда, онъ всегда старался, какъ мы это увидимъ ниже, служить своей поэзіей какой-то высокой и великой цѣли; но это была *теорія, не сходившаяся съ практикой* его поэзіи.

Лирика Жуковскаго и его элегизмъ были первыми *безсознательными шагами на пути къ эстетическому индивидуализму.*

Дорога же къ эстетическому индивидуализму всегда ведетъ сначала черезъ болото политическаго индифферентизма; этотъ путь совершилъ и Жуковскій, перейдя впослѣдствіи отъ квіэтизма Карамзина къ вполнѣ *реакціонному* отношенію ко всѣмъ лучшимъ росткамъ развивавшейся общественности того времени.

Онъ стоитъ на стражѣ *завѣтовъ старины*, онъ охраняетъ *„порядокъ" существующаго строя и догмы мѣщанской морали...*

«Я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности—пишетъ онъ Пушкину (12 апр. 1826 г.):—ты ужъ многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый...»

Декабристы для него «сволочь», «шайка разбойниковъ», «мелкая дрянь», «бандиты» (письмо къ А. И. Тургеневу, 16 дек. 1825 г.).

Конечно, надо помнить, что position oblige: оффиціальное положеніе Жуковскаго въ семьѣ Николая I обязывало его къ опредѣленному политическому воззрѣнію; но Жуковскому не приходилось насиловать свою совѣсть, такъ какъ всѣ *эти мнѣнія исходили изъ его сердца.*

Квіэтистъ и индифферентистъ по природѣ, онъ не понималъ стремленія къ свободѣ внѣшней, а *удовлетворялся самыми минимальными дозами внутренней свободы.*

«Что есть свобода?»—спросилъ онъ однажды самъ себя и немедленно отвѣтилъ: «способность произносить слово нѣтъ мысленно (?) или вслухъ» («Отрывки», 1850 г.).

Теорія, сводящаяся или къ показыванію комбинаціи изъ трехъ пальцевъ въ карманѣ, или къ прекраснодушію.

Послѣднее и отразилось цѣликомъ въ меланхолической поэзіи Жуковскаго.

Необходимо замѣтить однако, что *обскурантомъ, гасителемъ ни въ области мысли, ни въ вопросахъ политическихъ Жуковскій не былъ никогда.*

«Духа не угашайте»—было девизомъ Жуковскаго, какъ ни узко понималъ онъ границы, въ которыхъ разрѣшалось пламенѣть духу; сентиментальный псевдоромантикъ, онъ былъ *гуманистомъ,* и поэзія его была *факторомъ прогрес-*

сивнаго значенія, каковы бы ни были его политическіе взгляды.

Прогрессивное значеніе ея намъ станетъ еще болѣе яснымъ, если мы отъ зачаточнаго эстетическаго индивидуализма Жуковскаго перейдемъ къ его достаточно рѣзко выраженному литературному анти-мѣщанству.

Русскій псевдоромантизмъ продолжалъ начатую сентиментализмомъ *борьбу съ литературнымъ мѣщанствомъ ложноклассицизма*, а затѣмъ *и съ мѣщанствомъ разложившагося ультра-сентиментализма.*

У Жуковскаго это не было разрывомъ съ обыденностью, а было *просто борьбой съ узкими формами отмирающихъ литературныхъ теченій.*

Въ то время послѣднимъ оплотомъ ложноклассицизма и ультра-сентиментализма была мертворожденная «Бесѣда любителей россійской словесности» (1811—1817 гг.), въ борьбу съ которой вступилъ знаменитый въ исторіи русской литературы «Арзамасъ».

Какъ извѣстно, въ Арзамасѣ вокругъ Жуковскаго группировалось все свѣжее, все живое и молодое того времени (1815—1818 гг.): Батюшковъ—Ахиллъ, Н. И. Тургеневъ—Варвикъ, кн. Вяземскій—Асмодей, Дашковъ—Чу! и молодой Пушкинъ—Сверчокъ (члены Арзамаса носили прозвища изъ балладъ Жуковскаго).

Въ этомъ литературномъ кружкѣ борьба съ мѣщанствомъ ложноклассицизма и ультра-сентиментализма свелась на почву эпиграммы, пародіи, шутки; Жуковскій въ стихахъ высмѣивалъ «мериносовъ Бесѣды:»

Важенъ предъ стадомъ тащился старый баранъ, волокущій
Тяжкій курдюкъ на скрипящихъ колесахъ—Шишковъ
сѣдорунный;
Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охалъ!
Важно везъ назади оселъ Голенищевъ-Кутузовъ
Тяжкій со причтами возъ; а на козлахъ мартышка
Въ буркѣ, графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась; и, качаясь
на дышлѣ,
Скромно висѣлъ въ чемоданѣ домашній тушканчикъ
Вздыхаловъ...

(„Протоколъ 20 Арзамасскаго засѣданія“, 1817 г.)

Здѣсь рядомъ съ *ложноклассиками* Шишковымъ и Хвостовымъ высмѣивается и *ультра-сентименталистъ* Вздыхаловъ (Станевичъ), и въ этой борьбѣ на два фронта сентиментальный псевдоромантизмъ не могъ не остаться побѣдителемъ: слишкомъ осязательно чувствовалось въ поэзіи Жуковскаго *вѣяніе новой жизни*, и за туманомъ новыхъ формъ вдали мерцало новое содержаніе. Литературное мѣщанство было наголову разбито Жуковскимъ; Пушкинъ довершилъ его пораженіе.

Ивановъ-Разумникъ.

Неопредѣленность и туманность, какъ главная прелесть поэзіи Жуковскаго.

Всѣ стихотворенія Жуковскаго не что иное, какъ *разныя варіаціи на одинъ и тотъ же мотивъ.*

Ко всѣмъ имъ идутъ, какъ эпиграфъ, два послѣдніе стиха, которыми оканчивается пьеса «Тоска по миломъ»:

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

«Таинственный посѣтитель» одно изъ самыхъ характеристическихъ стихотвореній Жуковскаго:

Кто ты, призракъ, гость прекрасный?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?
Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не Любовь ли намъ собою
 Тайно ты изобразилъ?
Дни любви, когда одною
 Міръ одной прекрасенъ былъ?
Ахъ! тогда сквозь покрывало
 Неземнымъ казался онъ...
Снятъ покровъ; любви не стало;
 Жизнь пуста, и счастье—сонъ.
Не волшебница ли Дума
 Здѣсь къ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума
 И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
 Къ намъ, какъ ты, она порой
И въ минувшее уводитъ
 Насъ безмолвно за собой.
Иль въ тебѣ сама святая
 Здѣсь Поэзія была?..
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
 Два покрова принесла:
Для небесъ—лазурно ясный,
 Чистый, бѣлый—для земли;
Съ ней все близкое прекрасно,
 Все знакомо, что̀ вдали.
Иль Предчувствіе сходило
 Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
 О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни то бывало:
 Кто-то свѣтлый подлетитъ
И подыметъ покрывало
 И въ далекое манитъ.

Поняли ль вы, кто такой этотъ «таинственный посѣтитель»?

Самъ поэтъ не знаетъ, кто онъ, и думаетъ видѣть въ немъ *то надежду, то любовь, то думу, то поэзію, то предчувствіе*...

Но эта-то *неопредѣленность*, эта-то *туманность* и составляютъ *главную прелесть*, равно какъ и главный недостатокъ поэзіи Жуковскаго.

В. Г. Бѣлинскій.

Жуковскій—пѣвецъ сердечныхъ утратъ.

Мы сдѣлали бы большой недосмотръ, если бъ, говоря о поэзіи Жуковскаго, не обратили вниманія на *скорбь и страданіе*, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ всякой романтической поэзіи, и поэзіи Жуковскаго въ особенности.

Посмотрите, какіе мечты и образы вѣчно занимаютъ ее! Тамъ «дѣва въ черной власяницѣ» молится на кладбищѣ передъ образомъ Богоматери и непремѣнно отходитъ въ другой міръ; тутъ... но мы лучше выпишемъ вполнѣ одну изъ самыхъ характеристическихъ пьесъ въ этомъ родѣ:

Дорогой шла дѣвица;
  Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица,
  Наполненъ взоръ тоской.
Другъ друга лобызаютъ
  И въ очи и въ уста—
И снова расцвѣтаютъ
  Въ нихъ жизнь и красота.
Минутное веселье!
  Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ кельѣ;
  Въ тюрьмѣ проснулся онъ.

Такое направленіе поэзіи Жуковскаго очень естественно и понятно: такъ какъ она *чужда всякаго историческаго созерцанія, всякаго чувства прогресса, всякаго идеала высокой будущности человѣчества*,—то міръ подлунный для нея есть *міръ скорбей безъ исцѣленія, борьбы безъ надежды и страданія безъ выхода.*

Поэтому въ поэзіи Жуковскаго вопли сердечныхъ мукъ являются *не раздирающими душу диссонансами*, но *тихой сердечной музыкой*, и его поэзія любитъ и голубитъ свое страданіе, какъ свою жизнь и свое вдохновеніе.

Жуковскаго можно назвать *пѣвцомъ сердечныхъ утратъ*—и кто не знаетъ его превосходной элегіи на «Кончину королевы Вюртембергской»—этого высокаго католическаго реквіема, этого скорбнаго гимна житейскаго страданія и таинства утратъ?..

Это въ высшей степени романтическое произведеніе въ духѣ среднихъ вѣковъ.

Оно всегда прекрасно; но если вы хотите насладиться имъ вполнѣ и глубоко—прочтите его, когда сердце ваше постигнетъ скорбная утрата...

О, тогда въ Жуковскомъ найдете вы себѣ друга, который раздѣлитъ съ вами ваше страданіе и дастъ ему языкъ и слово...

В. Г. Бѣлинскій.

„Сельское кладбище".

Описаніе сельскаго вечера.

Поэтъ въ особенности старается выставить одну сторону его—*общую тишину*, изрѣдка по мѣстамъ прерываемую то жужжаньемъ жука, то звукомъ рога, то крикомъ совы.

Эта тишина, располагая къ мечтанію, въ то же время *гармонируетъ съ тѣмъ вѣчнымъ покоемъ кладбища*, гдѣ спятъ непробуднымъ сномъ праотцы села.

Они-то теперь и занимаютъ воображеніе поэта.

Онъ *отрицательно* описываетъ прошлую ихъ жизнь, т.-е. показываетъ, что̀ прежде пробуждало ихъ отъ сна и что̀ теперь не можетъ пробудить, что̀ прежде привлекало ихъ къ дому и что̀ теперь не можетъ привлекать.

Въ этомъ отрицательномъ описаніи поэтъ изображаетъ *противоположность между міромъ живыхъ и міромъ мертвыхъ.*

Далѣе показывается *значеніе скромной жизни поселянина*: вся она заключается въ *непрерывномъ трудѣ и въ борьбѣ съ природою.*

Труды эти полезны всѣмъ, а между тѣмъ иные смотрятъ на нихъ высокомѣрно и съ холоднымъ презрѣніемъ, и такіе люди, которые сами рабы суетъ, т.-е. своею жизнью далеко не приносятъ той пользы, какую приноситъ убогій своими дѣлами, таящимися во тьмѣ.

Пускай они, говоритъ поэтъ, унижаютъ жребій поселянина, но это нисколько не измѣнитъ дѣйствія смерти; *она сравниваетъ всѣхъ*; законы природы для всѣхъ одни и

тѣ же; путь величія ведетъ къ тому же гробу, къ которому пришли и эти убогіе праотцы села.

Правда, гробы ихъ не пышны и забвенны, на могилахъ ихъ не воздвигнуты алтари, какіе воздвигаются на могилахъ «ослѣпленныхъ наперсниковъ фортуны»; но напрасно спѣшить презирать спящихъ на этомъ скромномъ кладбищѣ: смерть не возвращаетъ своей добычи, съ какими бы почестями ни погребли умершаго; подъ мраморной доской сонъ его не будетъ слаще, а богатый и тяжелый памятникъ, свидѣтельствующій только о людской надменности, лишь больше будетъ придавливать ихъ персть.

Показавъ *общее равенство передъ смертью*, поэтъ далѣе показываетъ, что точно такъ же *и природа сравниваетъ всѣхъ*.

Для этого онъ перебираетъ отдѣльныя могилы и предполагаетъ, кто въ каждой могъ быть погребенъ: въ одной человѣкъ съ нѣжнымъ чувствительнымъ сердцемъ, въ другой—съ способностями править народомъ, въ третьей—съ умомъ, который могъ бы доставить славу великаго ученаго.

Природа одинаково даетъ свои дары всѣмъ, не разбирая мѣста рожденія.

Но если въ жизни они не могли выказать этихъ даровъ, то виновата не она, *виноваты обстоятельства жизни* и жалкая обстановка, среди которой имъ приходилось выростать и развиваться.

Угрюмая судьба не отворила имъ храма просвѣщенія; цѣпи убожества обременили ихъ, строгая нужда умертвила въ нихъ геній.

Поэтъ *сравниваетъ* такой *непроявившійся геній съ рѣдкимъ перломъ*, скрытымъ въ волнахъ моря, но и тамъ онъ остается все же перломъ; или съ полевой лиліей, запахомъ которой никто не наслаждается.

Такимъ образомъ и изъ этихъ безвѣстныхъ людей при другихъ обстоятельствахъ могъ явиться второй Гампденъ, или второй Кромвель, или Мильтонъ.

Но если они не могли отличиться тѣми доблестями, которыми отличаются люди съ высшими интересами жизни, то не могли прославиться и тѣми злодѣйствами, жестокостями, безсовѣстностью и низостью, какими прославлялись люди въ другихъ, высшихъ сферахъ.

Вотъ *выгода* тѣхъ, которые безвѣстно идутъ своей тропинкою: въ долинѣ этой жизни у нихъ нѣтъ блистательныхъ надеждъ, зато нѣтъ и страха, нѣтъ сильныхъ наслажденій, нѣтъ и сильныхъ горестей.

Эти-то люди и спятъ здѣсь подъ гробовою сѣнью, они-то и привлекаютъ вниманіе поэта.

Ихъ скромные памятники говорятъ совсѣмъ не то, что пышные мавзолеи.

Они свидѣтельствуютъ о той любви, какую покойники оставили послѣ себя въ сердцахъ близкихъ, безъ нея никто бы и не подумалъ позаботиться начертить на надгробномъ камнѣ ихъ лѣта и имена, никто бы не сталъ придумывать библейскую мораль, «по коей мы должны учиться умирать».

Далѣе поэтъ представляетъ *значеніе любви для умирающаго.*

Человѣку трудно разстаться съ жизнью, тяжело думать, что онъ скоро обратится въ ничто, какъ будто бы никогда не существовалъ, быстро забытый всѣми.

Но душа нѣжная, умѣвшая любить, слѣдственно, вызывать и въ другихъ любовь къ себѣ, покидая жизнь, утѣшается тѣмъ, что не совсѣмъ умретъ, что *останется еще жить въ памяти друзей,* на которыхъ и останавливается послѣдній тусклый взоръ умирающаго.

Легче ему умирать съ думою, что его сердце будетъ слышать и въ могилѣ милый ихъ голосъ, что нашъ гробовой камень будетъ имъ казаться одушевленнымъ, что нашъ мертвый прахъ для нихъ будетъ дышать, воспламененный огнемъ любви.

Изъ всего этого вытекаетъ, что *истинное значеніе жизни человѣка должно заключаться въ развитіи любви его къ другому,* что только одна она и облегчаетъ горькія минуты кончины, слѣдовательно, о ней и слѣдуетъ прежде всего заботиться человѣку.

Поэтъ называетъ себя *другомъ почившихъ,* потому что они оставили послѣ себя любовь, которая и поставила на ихъ могилахъ скромные памятники.

Онъ представляетъ тотъ часъ, когда и его будутъ погребать здѣсь и когда селянинъ съ почтенной сѣдиною, быть можетъ, будетъ разсказывать о немъ чувствительному пришельцу.

И пользуясь этимъ разсказомъ, поэтъ рисуетъ *идеалъ поэта:* онъ любитъ природу и среди нея уединеніе, любитъ грустить, предаваться своимъ чувствамъ, смотритъ уныло на жизнь, кротокъ сердцемъ, чувствителенъ, сострадателенъ къ несчастію другихъ, печать меланхоліи отличаетъ его отъ прочихъ.

Всѣ эти черты дѣйствительно можно видѣть въ тогдашней романтической поэзіи; онѣ не чужды и самому Жуковскому, который такъ любилъ это стихотвореніе, находя въ немъ, конечно, много родственнаго со своей душою.

Все произведеніе можно раздѣлить на слѣдующія части: 1) описаніе вечера, 2) изображеніе скромной и трудовой сельской жизни и отношеніе къ ней рабовъ суетъ, 3) общее равенство передъ смертью, 4) равенство всѣхъ передъ природою, 5) различіе людей по обстоятельствамъ и обстановкѣ жизни, 6) дурная и хорошая сторона убогаго состоянія, 7) значеніе любви для умирающаго, 8) мысль поэта о собственной смерти и изображеніе идеала поэта.

Изъ всего этого видно, что цѣль поэта представить *человѣческую сторону жизни независимо отъ всякихъ случайностей*, въ какомъ бы состояніи ни находился человѣкъ.

Случайности иногда возносятъ одного человѣка надъ другими; но ему нѣтъ причины тщеславиться этимъ, потому что природа и смерть ко всѣмъ относятся одинаково, уравнивая всѣхъ.

Только одна любовь къ людямъ нравственно возвышаетъ человѣка и облегчаетъ переходъ его въ загробный міръ; только одна нѣжная душа, умѣвшая сострадать несчастнымъ, оставитъ по себѣ добрую память и будетъ привлекать къ своей могилѣ каждаго чувствительнаго человѣка, хотя бы эта могила была самая бѣдная: память добраго благословляется слезою, а быть чувствительнымъ и добрымъ не могутъ помѣшать никакія обстоятельства.

Такимъ образомъ *весь интересъ жизни полагается въ чувствѣ*; изъ него и развивается самый идеалъ человѣка и поэта.

Все это изображается въ связи съ идеей о смерти, и потому стихотвореніе проникнуто *грустью*.

В. Стоюнинъ.

„Людмила“.

Первой балладой, обратившей на Жуковскаго общее вниманіе, была «*Людмила*», передѣланная имъ изъ Бюргеровой «Леноры», которую онъ впослѣдствіи перевелъ.

«Ленора» доставила въ Германіи громкое имя своему творцу.

Золотое то время, когда подобными вещами можно снискивать себѣ славу!

Такое время миновалось даже для Россіи.

Но «Людмила» Жуковскаго явилась кстати: она имѣла успѣхъ вродѣ того, какимъ пользовались «Душенька» Богдановича и «Бѣдная Лиза» Карамзина.

Для русской публики *все было ново въ этой балладѣ.*

Стихи, которыми она писана, для нашего времени уже не кажутся особенно поэтическими; въ ней даже есть просто плохіе стихи, какихъ рѣшительно нѣтъ въ другихъ балладахъ Жуковскаго; но и «Людмила» въ то время могла быть написана только Жуковскимъ,—и *стихи этой баллады не могли не удивить всѣхъ своей легкостью, звучностью, а главное—своимъ складомъ, совершенно небывалымъ, новымъ и оригинальнымъ.*

Содержаніе баллады—*самое романтическое*, во вкусѣ среднихъ вѣковъ: дѣвушка, узнавъ, что милый ея палъ на полѣ битвы, ропщетъ на судьбу, и за это ее постигаетъ страшное наказаніе: милый пріѣзжаетъ за нею на конѣ и увозитъ ее—въ могилу.

Сверхъ того, романтизмъ этой баллады состоитъ не въ одномъ нелѣпомъ содержаніи ея, на изобрѣтеніе котораго стало бы самаго дюжиннаго таланта, но *въ фантастическомъ колоритѣ красокъ*, которыми оживлена мѣстами эта дѣтски-простодушная легенда и которыя свидѣтельствуютъ о талантѣ автора.

Такіе стихи, какъ, напримѣръ, слѣдующіе, были для своего времени откровеніемъ тайны романтизма:

Слышу шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой

Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились—
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики;
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ.

Или вотъ эта фантастическая картина ночной природы.

Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако пойдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни,
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облечены...
Спятъ пригорки отдалены,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!.. полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю ѣздокъ...

Такіе стихи вполнѣ оправдываютъ восторгъ и удивленіе, которыми была нѣкогда встрѣчена «Людмила» Жуковскаго: тогдашнее общество безсознательно почувствовало въ этой балладѣ *новый духъ творчества, новый міръ поэзіи*— и общество не ошиблось.

В. Г. Бѣлинскій.

Патріотическія стихотворенія Жуковскаго.

Патріотическія пьесы, писанныя на извѣстные случаи,— самая слабая сторона поэзіи Жуковскаго; въ ней онъ *не вѣренъ своему призванію* и потому *холоденъ и исполненъ реторики.*

Прочтите его «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей», «На смерть графа Каменскаго», «Пѣвца во

станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвца въ Кремлѣ» и проч. — и вы не узнаете Жуковскаго.

Несмотря на звучный и крѣпкій стихъ, вы почувствуете себя *утомленными и скучающими*, читая эти пьесы; вы удивитесь, какъ *мало въ нихъ жизни, чувства, движенія, свободы.*

Жуковскій по натурѣ своей—романтикъ, и ничто такъ не внѣ его таланта и призванія, какъ стихотворенія общественныя, на исторической почвѣ основанныя.

«Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій обязанъ своей славой: только черезъ эту пьесу узнала вся Россія своего великаго поэта; и это произведеніе было весьма полезно въ свое время.

Но что же доказываетъ это?—только, что тогда понимали поэзію иначе, нежели какъ понимаютъ ее теперь (а понимали ее тогда, какъ *реторику въ стихахъ*).

Въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ» *нѣтъ даже чувства современной дѣйствительности*: въ этой пьесѣ вы не услышите ни одного выстрѣла изъ пушки или изъ ружья, въ ней нѣтъ и признаковъ порохового дыма,—въ ней летаютъ и свистятъ не пули, *а стрѣлы*, ґенералы являются воинами не въ киверахъ или въ фуражкахъ, *а въ шлемахъ*, не въ мундирахъ и шинеляхъ, *а въ броняхъ*, не со шпагами въ рукахъ, *а съ мечами и копьями*; къ довершенію этой *пародіи на древность*, всѣ они—*съ щитами*...

Все это *признакъ реторики*, ибо поэзія проста: она не чуждается обыкновенныхъ предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозой, но поэтизируетъ самыя прозаическія вещи.

И неужели жерла пушекъ, изрыгающія огонь и смерть тысячамъ; неужели дула ружей, посылающія издалека вѣрную смерть; неужели трехгранный штыкъ, стальной стѣной низлагающій сомкнутые ряды,—неужели все это имѣетъ въ себѣ менѣе поэзіи, чѣмъ кольчуги, щиты, стрѣлы и копья древности?..

Напротивъ, послѣдніе—дѣтскія игрушки въ сравненіи съ первыми, блѣдная проза въ сравненіи со страшной и грандіозной поэзіей.

И потомъ, *къ чему эти славяне и эти барды славянскіе?*

Съ Наполеономъ дрались совсѣмъ не славяне, а русскіе!

Скажутъ: но развѣ русскіе не славянскаго племени народъ?—Положимъ, что и такъ; но развѣ всѣ народы Западной Европы не тевтонскаго племени: а кто скажетъ, что русскіе дрались подъ Бородинымъ съ тевтонами, на томъ основаніи, что Галлія нѣкогда была завоевана франками, а франки были народъ тевтонскаго племени?

И потомъ, *какіе барды были у славянъ?*

Да сверхъ того бардъ Жуковскаго очень похожъ на скандинавскаго скальда.

Вообще, *ничего не чужда до такой степени поэзія Жуковскаго,* какъ *русскихъ національныхъ элементовъ.*

Можетъ-быть, это недостатокъ, но въ то же время и достоинство: *если бъ національность составляла основную стихію поэзіи Жуковскаго,—онъ не могъ бы быть романтикомъ, и русская поэзія не была бы оплодотворена романтическими элементами.*

Поэтому всѣ усилія Жуковскаго быть народнымъ поэтомъ возбуждаютъ грустное чувство, какъ зрѣлище великаго таланта, который, вопреки своему призванію, стремится итти по чужому ему пути.

Лучшія мѣста въ нѣкоторыхъ патріотическихъ пьесахъ Жуковскаго—тѣ, въ которыхъ онъ является *вѣрнымъ своему романтическому элементу.*

Таково, напримѣръ, въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Любви сей полный кубокъ въ даръ
  Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
  Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
  Знать тайну страсти милой,
Кто сердцу сердцемъ обреченъ,
  Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
  Нѣтъ страха, нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
  Для сладостной награды?
Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
  Намъ спутникъ неизмѣнный:
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
  Зримъ образъ незабвенный:
Она на бранныхъ знаменахъ,
  Она въ пылу сраженья;

И въ шумѣ стана и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай врагъ исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!
О, сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью,
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?"
И мыслитъ: „Скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слушать звуки?
Лети, лети свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки".
Друзья! блаженнѣйшая часть
Любезнымъ быть спасеньемъ,
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть—
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки;
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ,
Есть жизнь и за могилой.

Слѣдующее мѣсто есть не что иное, какъ profession de foi *рыцарства среднихъ вѣковъ*, какъ будто выраженное огненнымъ словомъ Шиллера:

А мы?.. Довѣренность къ Творцу
Что бъ ни было, незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!
Прочь низкое! прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота,
Нежадность въ наслажденьи,
Въ союзѣ съ равнымъ—правота,
Въ могуществѣ смиренье;

Обѣтамъ—вѣрность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань,
Безсильному- презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

В. Г. Бѣлинскій.

„Теонъ и Эсхинъ", какъ программа всей поэзіи Жуковскаго.

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго особенно замѣчателенъ *„Теонъ и Эсхинъ"*.

Это самое романтическое произведеніе, какое только выходило изъ-подъ пера Жуковскаго.

Эсхинъ долго бродилъ по свѣту за счастьемъ — оно убѣгало его:

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Возвращаясь на родину, Эсхинъ видитъ —

Все тѣ жъ берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарившая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?

И приходитъ онъ къ другу своему, Теону: тотъ сидѣлъ въ раздумьѣ на порогѣ своей хижины, въ виду гроба изъ бѣлаго мрамора; друзья обнялись; лицо Эсхина скорбно и мрачно, взоръ Теона скорбенъ, но ясенъ.

Эсхинъ говоритъ объ обманывающей сердце мечтѣ, о счастьи, и спрашиваетъ друга—не та же ли участь постигла и его?

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ. . .
　„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь,—
　Но съ нею печаль неразлучна.
О, нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ;
　И жизнь, и вселенна прекрасны,
Не въ родостяхъ быстрыхъ, не въ сложныхъ мечтахъ
　Я видѣлъ земное блаженство.
Что̀ можетъ разрушить въ минуту судьба;
　Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
　И сладость возвышенныхъ мыслей —
Вотъ счастье; о, другъ мой, оно не мечта.
　Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освѣтилась душа,
　И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
　Яснѣе великость творенья:
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
　Къ прекрасной возвышенной цѣли.
Увы! я любилъ. . . и ея уже нѣтъ!
　Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
　Вотще ли столь были прелестны?
О, нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
　Для сердца прошедшее вѣчно;
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
　Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,
　Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ,
　Погибшее намъ возвратится;
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
　Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
　Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
　И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ,—
　Сихъ узъ не разрушитъ могила.
Сей мыслью высокой украшена жизнь;
　Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
　На полное славы творенье.
Спокойно смотрю я съ земли рубежа
　На стороны лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
　Какъ небо сіяньемъ авроры.

Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я *человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою.
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ;
Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.
Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни—къ великому средство:
И горесть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала Жизнедавцу-Зевесу.

На это стихотвореніе можно смотрѣть, какъ *на программу всей поэзіи Жуковскаго*, какъ на положеніе *основныхъ принциповъ ея содержанія*.

Всѣ блага жизни невѣрны: стало быть, *благо внутри насъ*; *здѣсь все проходитъ и измѣняетъ намъ*: стало быть, *неизмѣнное впереди насъ*.

Прекрасно!

Но неужели же изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы здѣсь сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?..

Это *односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма...*

Какимъ образомъ человѣкъ можетъ итти «къ прекрасной, возвышенной цѣли», стоя на одномъ мѣстѣ и бесѣдуя съ самимъ собой о лучшей жизни на порогѣ своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?..

И неужели эта «прекрасная, возвышенная цѣль есть только лучшее счастье человѣка, а личное счастье человѣка только въ любви къ женщинѣ?..

О, если такъ, то, по закону совпаденія крайностей, эта любовь есть величайшій эгоизмъ!..

Смерть — дѣло слѣпого случая — похитила у насъ ту, которой обязаны были мы нашимъ земнымъ счастьемъ: не будемъ приходить въ отчаяніе—да и для чего?

Вѣдь это только временная разлука, вѣдь скоро мы опять женимся на ней—тамъ; сядемъ же на порогѣ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться «полнымъ славы твореніемъ, красотой вселенной и будемъ утѣшать себя мыслію, что все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизни—средство къ великому, и что горе и радость—все къ одной цѣли!»

Нѣтъ, и еще разъ—нѣтъ!

Только въ половину истинна такая аскетическая философія!

Законно и правильно требованіе человѣка на личное счастіе; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастью; но *въ одномъ ли сердцѣ долженъ заключаться весь міръ его счастья?*

Вотъ *вопросъ, на который не даетъ намъ рѣшенія поэзія Жуковскаго.*

Если бъ вся цѣль нашей жизни состояла только въ нашемъ личномъ счастіи, а наше личное счастье заключалось бы только въ одной любви: тогда жизнь была бы дѣйствительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адомъ, передъ страшной существенностью котораго поблѣднѣли бы поэтическіе образы земного ада, начертанные геніемъ суроваго Данте...

Но—хвала Вѣчному Разуму, хвала попечительному Промыслу! есть для человѣка и *еще великій міръ жизни*, кромѣ внутренняго міра сердца,—*міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности*,—тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе—подвигомъ, и гдѣ два противоположные берега жизни—здѣсь и тамъ—сливаются въ одно реальное небо *историческаго прогресса, историческаго безсмертія...*

Это міръ непрерывной работы, нескончаемаго дѣланія и становленія, міръ вѣчной борьбы будущаго съ прошедшимъ,—и надъ этимъ міромъ носится Духъ Божій, оглашающій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ

глаголомъ: — «да будетъ!» и вызывающій имъ свѣтлое торжество настоящаго—радостные дни новаго тысячелѣтняго царства Божія на землѣ...

И благо тому, кто не празднымъ зрителемъ смотрѣлъ на этотъ океанъ шумно несущейся жизни, кто видѣлъ въ немъ не одни обломки кораблей, яростно вздымающіяся волны да мрачную, лишь молніями освѣщенную ночь, кто слышалъ въ немъ не одни вопли отчаянія и крики гибели, но кто не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной звѣзды, указывающей на цѣль борьбы и стремленія, кто не былъ глухъ къ голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты—братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога силъ и правды!»

Благо тому, кто, не довольствуясь настоящей дѣйствительностью, носилъ въ душѣ своей идеалъ лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одной мыслью—*споспѣшествовать, по мѣрѣ данныхъ ему природой средствъ, осуществленію на землѣ идеала*, — рано поутру выходилъ на общую работу и съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, и съ метлой, смотря по тому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братіямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и сѣтованія...

Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за свѣтлое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызывавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: «все Тебѣ и для Тебя, а моя высшая награда—да святится имя Твое и да пріидетъ царствіе Твое!..»

Обаятельна жизнь сердца; но *безъ практической дѣятельности, источникъ которой заключался бы въ паѳосѣ къ идеѣ, самый богато надѣленный дарами природы человѣкъ рискуетъ скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустотѣ мечтательныхъ ожиданій и дѣйствительнаго отвращенія къ чувству бытія.*

Романтизмъ, безъ живой связи и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни, есть величайшая односторонность!

В. Г. Бѣлинскій.

„Теонъ и Эсхинъ", какъ романтическое произведеніе.

Первая часть стихотворенія изображаетъ возвращеніе Эсхина на родные берега Алфея.

Долго бродя по свѣту, онъ искалъ счастья, но не нашелъ его.

Роскошь, слава, всѣ чувственныя удовольствія, которымъ онъ предавался, думая, что въ нихъ-то и заключается счастье жизни, только изнурили его сердце. Они пресытили его, но не удовлетворили; въ душѣ наконецъ явилась пустота, а съ нею и скука; надежда найти счастье погасла.

Съ такой безнадежностью возвращается онъ на родину; знакомыя мѣста напоминаютъ ему молодые и лучшіе дни, здѣсь все оставалось попрежнему; только онъ является не тотъ, что̀ былъ прежде.

Во второй части изображается *встрѣча двухъ друзей.*

Въ то время, какъ Эсхинъ странствовалъ по свѣту, Теонъ оставался на родинѣ, скромный въ желаніяхъ, не обольщенный пышными надеждами. На берегу рѣки, въ виду моря, среди роскошной природы была смиренная хижина Теона. Освѣщенная розовымъ блескомъ заходящаго солнца, она представилась взорамъ Эсхина, а близъ нея среди миртъ бѣломраморный гробъ, надъ которымъ сплетались вѣтви душистыхъ розъ и гибкаго ясмина. На порогѣ хижины сидѣлъ Теонъ въ размышленіи, смотря на багряное море. Вдругъ онъ видитъ передъ собою Эсхина, съ радостью обнимаетъ его и привѣтствуетъ именемъ Зевеса мирное его возвращеніе. Оба смотрятъ другъ на друга: у одного лицо скорбно и мрачно, у другого взоръ прискорбный, но ясный.

Въ третьей части—*бесѣда друзей:* Эсхинъ винитъ надежду на счастье, которая была причиной ихъ разлуки; теперь опытъ убѣдилъ его, что *надежда лукавый предатель.* Судя по задумчивому взгляду Теона, онъ думаетъ, что и другъ его дошелъ до того же убѣжденія, оставаясь на родныхъ берегахъ, что и мирная домашняя жизнь принесла ему такую же печаль.

Теонъ со вздохомъ указалъ ему на гробъ, но не для того, чтобы подтвердить догадку друга. Изъ жизни онъ вынесъ совсѣмъ другое убѣжденіе: гробъ только безмолвный свидѣтель, что *боги посылаютъ намъ жизнь для счастія; но съ нею все же неразлучна и печаль.*

Это законъ жизни, но онъ не долженъ мѣшать сознанію, что *и жизнь, и вселенная прекрасны.*

Теонъ видѣлъ земное блаженство, только нашелъ его не тамъ, гдѣ искалъ Эсхинъ—не въ быстрыхъ радостяхъ, не въ ложныхъ мечтахъ.

Онъ понялъ, что то на свѣтѣ не наше, что можетъ въ минуту разрушить посторонняя сила, слѣдственно, тамъ нечего и искать счастья.

Нетлѣнныя блага только въ сердцѣ—любовь и сладость возвышенныхъ мыслей, ихъ не въ состояніи разрушить никакая сила, онѣ и должны составить источникъ счастія.

Что этотъ выводъ не мечта, Теонъ представляетъ въ примѣръ себя: онъ любилъ и былъ счастливъ.

Онъ испыталъ нравственную силу любви: лишь только ею освятилась его душа, какъ жизнь предстала ему въ красотѣ. Онъ испыталъ и силу возвышенныхъ мыслей; при ихъ блескѣ онъ яснѣе видѣлъ великость творенья. Изъ всего этого явилась *вѣра, что земной путь его ведетъ къ прекрасной возвышенной цѣли.*

Но испыталъ онъ, что съ земнымъ счастьемъ неразлучна и печаль: кого любитъ онъ, того теперь уже нѣтъ.

При этомъ слѣдуетъ вопросъ: совершенно ли уничтожается счастіе этой печалью, и остаются ли безслѣдными прежніе счастливые дни?

Теонъ отвѣчаетъ отрицательно и опредѣляетъ значеніе прошедшаго, настоящаго и будущаго: для сердца прошедшее вѣчно; въ немъ остается любовь и послѣ утраты любимаго существа, она переходитъ въ настоящемъ въ страданье, въ скорбь; но и самая скорбь есть не что иное, какъ голосъ неизмѣнной надежды, что въ будущемъ погибшее намъ возвратится гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ.

Любовь навсегда уничтожаетъ чувство одиночества: за утратою милаго существа воспоминаніе переноситъ прошедшее въ настоящее: свѣтъ остается все такимъ же, пол-

ный ею, хотя ее уже и нѣтъ тамъ; та возвышенная цѣль жизни, къ которой бодро стремились вдвоемъ, остается и для одного; дорога къ ней не измѣняется.

Все это такія узы, которыхъ не разрушитъ могила.

Для жизни остается еще украшеніе высокой мысли: на землѣ представляется много разсыпанныхъ благъ, творенье является полнымъ славы, все это привлекаетъ къ себѣ благодарный взоръ.

Міръ озаряется сладкою надеждою на лучшую жизнь, гдѣ произойдетъ соединеніе съ утраченнымъ милымъ существомъ; а эта надежда ставитъ выше судьбы, и земная жизнь дѣлается священна.

Здѣсь *жизнь сердца соединяется съ жизнью ума*—съ сознаніемъ своей человѣчности, что и возвышаетъ душу.

Безмолвный же таинственный гробъ только болѣе убѣждаетъ, что лучшее въ жизни еще впереди, что ожидаемое будетъ навѣрно; тамъ ждетъ спутникъ, на мигъ явившійся въ жизни.

Передавъ Эсхину свои убѣжденія, Теонъ указываетъ, въ чемъ ошибся другъ его: *онъ искалъ благъ внѣ себя, а не въ самомъ себѣ*, и утратилъ эти послѣднія, которыя только и могутъ назваться вѣрными.

Вмѣсто нихъ развилось въ немъ только одно чувство—*презрѣніе къ жизни*; но съ этимъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и самый свѣтъ.

Противъ него Теонъ предлагаетъ Эсхину свою дружбу, примиреніе съ природою и жизнью и вѣру въ красоту вселенной.

Небо вмѣстѣ съ жизнью дало намъ все, какъ средство къ великому:

И горе и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу.

Въ этомъ стихотвореніи излагаются *тѣ идеи*, которыя обыкновенно развивались *романтическими поэтами* и которыя повторяются у Жуковскаго во многихъ его произведеніяхъ.

Здѣсь всѣ онѣ сгруппированы вмѣстѣ: *изображеніе духовной стороны жизни человѣка, независимо отъ времени и мѣста его существованія, исканіе идеала въ самомъ себѣ, а не*

во внѣшнемъ мірѣ, что между прочимъ представлялъ и Шиллеръ, вѣчность чувства любви, въ чемъ и должно искать счастія; для сердца прошедшее вѣчно, страданье въ разлукѣ есть та же любовь, надъ сердцемъ утрата безсильна; отсюда сладость воспоминанія, прелесть грусти въ настоящемъ, надежда на загробное соединеніе со своимъ идеаломъ въ будущемъ, безпрестанные порывы души къ небу, увѣренность, что земной путь лежитъ къ прекрасной, возвышенной цѣли; сознавшему эту цѣль вселенная кажется прекрасною, жизнь священною.

Все это составляло темы романтическихъ поэтовъ, и хотя иногда они представляли лица изъ міра древнеклассическаго, но съ нимъ очень мало вяжутся всѣ эти идеи.

Такъ и въ этомъ стихотвореніи Жуковскаго мы слышимъ имена Зевеса, Вакха, Эрота, Авроры, Пенатовъ; но *напрасно будемъ искать дѣйствительно классическаго міра;* здѣсь мы видимъ міръ, которому невозможно подыскать національное названіе; здѣсь человѣкъ, а не житель извѣстной земли и извѣстнаго времени; отсюда и *нѣкоторая отвлеченность въ самыхъ образахъ,* даже въ описаніи природы и очень часто *преобладаніе идей надъ формою.*

Смѣшеніе міровъ римскаго и греческаго, особенно въ миѳологіи, также очень обыкновенно у романтическихъ поэтовъ; а это показываетъ, что ни тотъ, ни другой міръ не представлялся имъ въ ясныхъ и живыхъ образахъ.

Такъ у Жуковскаго съ греческими Зевесомъ, Вакхомъ, Эротомъ соединяются римскіе Пенаты, Аврора.

У такихъ поэтовъ идея важнѣе всего; она по своей общности требовала и соотвѣтственныхъ образовъ, т.-е. изображенныхъ только въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ при исторической обстановкѣ.

В. Стоюнинъ.

„Посланія" Жуковскаго.

«Посланія» Жуковскаго отличаются отъ другихъ хорошими стихами и не чужды прекрасныхъ мѣстъ въ романтическомъ духѣ.

Таковы, напримѣръ, слѣдующіе стихи изъ посланія къ Филарету:

Скажу ль? мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ, счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ моей для дружбы я созрѣлъ—
И что же! предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила,
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

Эти прекрасные стихи вдвойнѣ замѣчательны: они исполнены *глубокаго чувства*; въ нихъ слышится *вопль души*,— и они доказываютъ фактически, что не Пушкинъ, а *Жуковскій первый на Руси выговорилъ элегическимъ языкомъ жалобы человѣка на жизнь.*

Иначе и быть не могло.

Жуковскій былъ первымъ поэтомъ на Руси, *котораго поэія вышла изъ жизни.*

До Жуковскаго на Руси никто и не подозрѣвалъ, чтобъ *жизнь человѣка могла быть въ тѣсной связи съ его поэзіей,* и чтобъ произведенія поэта могли быть вмѣстѣ и лучшей его біографіей.

Тогда люди жили весело, потому что жили внѣшней жизнью и въ себя не заглядывали глубоко.

Пой, пляши, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!

восклицалъ Державинъ.

Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пустъ, несносенъ былъ бы свѣтъ!

восклицалъ Дмитріевъ.

Эти пѣвцы и тогда умѣли плакать, но *не умѣли скорбѣть.*

Жуковскій, какъ поэтъ, по преимуществу, романтическій, былъ на Руси *первымъ пѣвцомъ скорби.*

Его поэзія была куплена имъ цѣной тяжкихъ утратъ и горькихъ страданій; онъ нашелъ ее не въ иллюминаціяхъ, не въ газетныхъ реляціяхъ, а на днѣ своего растерзаннаго сердца, въ глубинѣ своей груди, истомленной тайными муками...

Въ посланіи къ Тургеневу мы встрѣчаемъ столь же поразительное мѣсто, какъ и то, которое сейчасъ выписали изъ посланія къ Филарету:

...И мы въ сей край незримый
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда жъ, когда?.. Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
На коемъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милому одинъ минувшій цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва, иль губитель!..
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится.—
Но дружба намъ звѣздой отрады будь;
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: зато и мы не вѣчны.

Въ посланіяхъ Жуковскаго, вообще длинныхъ и прозаическихъ, встрѣчаются, кромѣ прекрасныхъ романтическихъ мѣстъ, *и высокія мысли безъ всякаго отношенія къ романтизму.*

Такъ, напр., въ посланіи 121-мъ встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтлозарную печать благотворенья!
Ниспосылаемый имъ ангелъ разрушенья

Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена,
И, обновленныя, пышнѣе расцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ посланіи встрѣчаемъ эти высокіе *пророческіе стихи*, въ которыхъ слышится голосъ умиленной Россіи:

Тебѣ его младенческія лѣта.
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай тебя во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку
Съ тобой ему начать сію науку.

В. Г. Бѣлинскій.

„Свѣтлана“.

Однимъ изъ лучшихъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго является баллада «Свѣтлана», написанная имъ въ 1811 году.

Баллада, по своему содержанію, можетъ быть раздѣлена на 3 части.

Въ 1-й части описывается грусть Свѣтланы. Женихъ Свѣтланы уѣхалъ въ далекую сторону и ужъ болѣе года не присылаетъ о себѣ вѣсточки. Грустныя мысли наполняютъ голову Свѣтланы, и мрачныя предчувствія терзаютъ ея сердце. Мы застаемъ Свѣтлану на крещенскомъ гаданьи.

Всѣ дѣвушки веселятся, поютъ, гадаютъ, одна Свѣтлана невесела. Она уединилась въ уголокъ и безучастно смотритъ на веселье подругъ, а мысли ея витаютъ далеко, далеко...

Наконецъ, уступая настоянію подруъ, Сѣтлана рѣшается погадать.

Ея гаданье описывается въ первомъ отдѣлѣ второй части баллады.

Свѣтлана прибѣгаетъ къ самому опасному и самому страшному гаданію. Она накрываетъ столъ скатертью, ставитъ зеркало и свѣчу, кладетъ два прибора и садится къ столу ожидать милаго. Ровно въ полночь онъ долженъ явиться къ ней и сѣсть за пустой приборъ. Мертвая тишина, царящая въ комнатѣ, наводитъ робость на Свѣтлану. Каждый звукъ, каждый шорохъ заставляютъ ее вздрогнуть. Свѣчка тускло свѣтитъ и, мерцая коротенькимъ язычкомъ пламени, раздражаетъ глаза.

Глаза слипаются...

Свѣтлана, взволнованная своимъ одиночествомъ, тишиной, приготовленіями къ гаданью и ожиданіемъ, незамѣтно для самой себя засыпаетъ,—изъ міра дѣйствительности переходитъ въ міръ грезъ.

И вотъ снится ей, что пришелъ ея милый и зоветъ ее къ вѣнцу. Она уѣзжаетъ съ нимъ. Они мчатся по безлюдной равнинѣ. Милый блѣденъ, унылъ. Свѣтлана пугается его молчанья, обращается къ нему съ вопросомъ. Онъ зловѣще молчитъ. И тутъ же воронъ носится надъ санями и пророчитъ печаль. Они проѣзжаютъ мимо церкви, сиротливо пріютившейся въ пустынѣ. Двери открыты. Священникъ отпѣваетъ мертвеца. Свѣтлана замираетъ отъ ужаса. Но церковь уже осталась далеко позади, и Свѣтлана мчится дальше со своимъ страшнымъ спутникомъ. Въ сторонѣ виднѣется избушка. Кони—прямо къ ней. Примчались. И вмигъ—коней и милаго какъ не бывало. Свѣтлана остается одна въ незнакомой мѣстности. Не имѣя другого исхода, она робко стучится въ дверь и, шепча слова молитвы, входитъ въ избушку. Въ избушкѣ гробъ, покрытый бѣлымъ покрываломъ. Свѣтлана жарко молится предъ иконой Спасителя и робко садится въ уголъ. Мертвый шевелится въ гробу, скрежещетъ зубами на Свѣтлану. Она

дрожитъ предъ вѣрной смертью. Но голубокъ, прилетѣвшій передъ тѣмъ къ Свѣтланѣ, защищаетъ ее. Онъ касается мертвеца, и мертвецъ падаетъ бездыханнымъ. Свѣтлана узнаетъ въ немъ своего жениха и... просыпается, смущенная, тоскующая. Но снамъ нельзя вѣрить. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжаетъ женихъ Свѣтланы. Онъ любитъ ее попрежнему, и имъ остается только пойти въ церковь и совершить обрядъ вѣнчанія.

Этимъ кончается третья часть баллады. Въ заключеніи авторъ выражаетъ *идею* своей баллады. Идея эта очень симпатична.

Онъ говоритъ:

„Лучшій другъ намъ въ мірѣ семъ
„Вѣра въ Провидѣнье.
„Благъ Зиждителя законъ:
„Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
„Счастье—пробужденье".

То есть человѣку приходится въ своей жизни переносить много несчастій, но *эти несчастья похожи на тѣ ужасы, которые случается увидѣть иногда во снѣ.* Несчастье призрачно; реально только счастье. *Счастье, это — пробужденіе отъ тяжелаго сна.*

Эта *основная идея* баллады служитъ ея *лучшимъ достоинствомъ.* Но, кромѣ нея, баллада имѣетъ еще много другихъ достоинствъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Прежде всего, она отличается своей художественностью.

Жуковскій вводитъ въ свою балладу *народный элементъ.* Онъ описываетъ святочныя гаданія русскихъ дѣвушекъ, передаетъ содержаніе наблюдныхъ пѣсенъ.

Кромѣ того, и *планъ* баллады составленъ чрезвычайно искусно.

Художественное чутье подсказало Жуковскому, что онъ не долженъ описывать, какъ Свѣтлана заснула во время гаданья. Читатель только въ концѣ узнаетъ, что всѣ тѣ ужасы, которые пережила Свѣтлана, были только во снѣ. Этимъ достигается то, что фантастичность приключенія Свѣтланы съ мертвецомъ сглаживается прекраснымъ эпизодомъ о голубкѣ, спасшемъ Свѣтлану отъ гибели, и пробужденіемъ Свѣтланы.

Жуковскій искусно обставляетъ гаданье Свѣтланы такими подробностями, которыя вполнѣ объясняютъ читателю, почему Свѣтлана заснула.

Съ другой стороны, подобно тому, какъ Свѣтлана незамѣтно для самой себя засыпаетъ, такъ и читатель не замѣчаетъ перехода отъ перваго отдѣла второй части ко второму.

Этимъ соотвѣтствіемъ способа описанія съ тѣмъ, что въ дѣйствительности происходило, дѣлаетъ полнымъ впечатлѣніе и выказываетъ художественный вкусъ Жуковскаго.

Хороша форма баллады.

Стихи короткіе, легкіе, звучные, прыгающіе.

Въ нихъ чувствуется что-то бойкое, жизнерадостное, прекрасно гармонирующее съ общей идеей баллады.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи, подъ окномъ
Слушали, кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
Ярый воскъ топили...

Въ этихъ воздушныхъ стихахъ въ извѣстной степени передается оживленіе гадающихъ дѣвушекъ.

Баллада носитъ *задушевный* характеръ. Авторъ сливается съ личностью дѣвушекъ. Трудно разграничить, гдѣ кончаются слова автора и гдѣ начинаются разговоры дѣвушекъ. Не многіе замѣтили, что обращеніе къ Свѣтланѣ въ 1-й части баллады принадлежитъ не Жуковскому, а дѣвушкамъ. Всѣ бесѣды переданы въ оригинальной, дышущей своеобразной прелестью oratio obliqua.

Въ описаніи сна Свѣтланы можно уловить нотку ироніи, съ которой Жуковскій относится къ описываемымъ ужасамъ. Не многіе, можетъ быть, подмѣтили ее, но она въ крупной степени смягчаетъ жуткое чувство, которое охватываетъ читателя.

Но, не смотря на свои выдающіяся достоинства, баллада *не имѣетъ крупной литературной цѣнности.* Въ концѣ концовъ, это только *изящная бездѣлушка* талантливаго писателя.

Слишкомъ наивенъ, слишкомъ буколиченъ, можно сказать, сентименталенъ сюжетъ баллады, слишкомъ обще и туманно описаніе гаданій дѣвушекъ, мало національнаго въ балладѣ, кромѣ развѣ безконечныхъ снѣжныхъ равнинъ и формы «платъ». «Свѣтлана» вся соткана изъ настроенія, но мало въ ней образности, пластики.

Но и настроеніе въ балладѣ элементарное, неглубокое. Грусть дѣвушки, разставшейся съ женихомъ, оживленіе гадающихъ дѣвушекъ и пр., и пр.—все это могло доставить человѣку удовлетвореніе только въ эпоху Екатерины II, напримѣръ.

Какъ произведеніе, по всѣмъ признакамъ романтическое (фантастическій элементъ, народныя повѣрья, грусть), «Свѣтлана», тѣмъ не менѣе, даетъ очень слабое понятіе объ *идейной* сторонѣ романтизма. Только обстановка дѣйствія романтическая, не больше.

Н. Г. Григорьевъ.

„Море“.

Поэта особенно поражаетъ въ морѣ *безмолвіе и отблескъ его бездны;* свое впечатлѣніе опредѣляетъ онъ словомъ очарованіе: ему кажется море оживленнымъ, чудится въ немъ даже дыханіе, наконецъ видится жизнь осмысленная, которая обнаруживается въ любви и думѣ; но любовь его смятенная, дума тревожная—эпитеты, вытекающіе изъ свойства моря—постоянно колебаться и волноваться.

Все это въ глазахъ очарованнаго наблюдателя составляетъ *тайну моря,* которую ему хочется разгадать.

Поэтъ обращается къ нему, уже какъ къ существу живому, съ вопросомъ: что̀ движетъ твое необъятное лоно, чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?

Отвѣтъ на свой вопросъ онъ слагаетъ самъ въ видѣ предположенія, чтобы оправдать въ морѣ кажущуюся смятенную любовь и тревожную думу.

Море представляется ему въ земной неволѣ, изъ которой тянетъ его къ себѣ свѣтлое далекое небо.

Этою *любовью между моремъ и небомъ* и объясняются

поэтомъ всѣ морскія явленія: когда море можетъ любоваться чистымъ небомъ, оно само спокойно и чисто, полное таинственной и сладостной жизни; въ немъ отражаются и свѣтозарная лазурь неба, и вечерняя, и утренняя заря, и золотыя облака, и звѣзды. Но вотъ собираются черныя тучи и отнимаютъ у моря ясное небо,—море волнуется, рвется, воетъ, сердится, что отняли у него любимое существо. Наконецъ тучи скрываются, но, подобно взволнованному человѣку, море не вдругъ можетъ успокоиться, хотя и уничтожилась причина безпокойства: оно еще полно прежней тревоги.

Всѣмъ этимъ и объясняется морская тайна, отчего въ самой неподвижности моря чудится что-то смятенное и тревожное, отчего и любовь, и дума его получили такіе эпитеты.

Море является *обманчивымъ*, скрывая въ спокойной безднѣ смятенье: оно въ одно и то же время *и любуется небомъ, и дрожитъ за него.*

Здѣсь поэтъ дѣлаетъ намъ *описаніе моря подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое оно произвело на него.*

Онъ представляетъ *три момента* изъ бытія моря: море въ спокойномъ состояніи, море въ бурю и море послѣ бури.

Всѣ три картины природы изображены довольно *вѣрно и живо*: море *въ спокойномъ состояніи* дѣйствительно отражаетъ небо со всѣмъ его свѣтомъ и блескомъ и какъ будто нѣжится въ своемъ сліяніи съ небомъ; *въ бурю*, когда черныя тучи нависнутъ надъ моремъ, оно порывами своихъ волнъ, шумомъ и ревомъ напоминаетъ страшную ярость разгнѣваннаго существа; наконецъ, *послѣ бури* море продолжаетъ волноваться и при ясномъ небѣ, и утихаетъ только постепенно.

Все это списано съ натуры; но тутъ есть и другая сторона, которая сообщаетъ морю особенную *идеализацію*.

Вслѣдствіе того, что поэту въ спокойномъ состояніи моря чудится что-то *таинственное*, является желаніе и объяснить эту таинственность.

Такъ какъ море представляется ему существомъ живымъ, то отсюда *воображеніе сближаетъ его съ человѣкомъ*, предполагая въ морской стихіи и *думу*, и *чувства.*

Въ сліяніи моря съ небомъ онъ видитъ изображеніе *безпредѣльной любви одного существа къ другому*,—любви, съ

которой въ то же время соединяется и робость, такъ какъ это существо находится въ неволѣ и ежеминутно боится за насильственную разлуку.

Всего этого, конечно, нѣтъ въ морѣ, слѣдственно, и идея вытекаетъ не изъ свойства самого моря, а только изъ сравненія его съ человѣкомъ.

Отсюда и идеализація выводитъ море изъ круга дѣйствительной жизни и вводитъ въ кругъ чего-то таинственнаго.

Такого рода *идеализація* отличаетъ *романтическаго поэта*, который ищетъ въ жизни таинственнаго и вслѣдствіе этого часто находитъ чувство тамъ, гдѣ его не можетъ и быть.

Въ морѣ Жуковскій изображаетъ и *свою собственную поэзію*.

Онъ постоянно стремится во всемъ найти таинственную связь земного съ небеснымъ, постоянно представляетъ порывы души къ небу.

Онъ ищетъ истинно прекраснаго только въ небѣ, которое является обиталищемъ его неосязаемаго идеала красоты: оттуда нисходитъ все чарующее, все обѣщающее отраду и наслажденіе, все манящее отъ земли, какъ отъ мѣста неволи, непостоянства, утратъ и печали къ чему-то лучшему: неземному, вѣчному.

Очень понятно, что при такомъ настроеніи онъ нашелъ то же самое и въ морѣ, которое и послужило романтическому поэту поэтическимъ образомъ для выраженія его стремленій.

В. Стоюнинъ.

„Кубокъ“.

I—III. Начало баллады построено *драматически*, безъ эпическихъ подготовленій. Вопросомъ короля: «кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой, въ ту бездну прыгнетъ съ высоты?»—предъ читателемъ сразу эффектно открывается дѣйствіе въ его *сценически-исторической обстановкѣ*.

Вверху, на живописномъ обрывѣ высокой и дикой скалы, круто спустившейся въ море, стоитъ король, въ

правой рукѣ его—золотой кубокъ, за нимъ—блестящая свита изъ рыцарей, оруженосцевъ и дамъ; внизу, въ чудный контрастъ этой безмолвно-чинной средневѣковой аристократической группѣ, оглушительно дико грохочетъ съ древности извѣстная Харибда, вѣчно-бѣснующаяся, неспокойная пучина Средиземнаго моря. Всѣ смотрятъ на пучину, любуются ею. У короля рождается желаніе испробовать мужество его окружающихъ; быть можетъ, въ немъ заговорило й любопытство узнать, что кроется въ безднѣ. Желаніе до того живо, что король немедля выражаетъ его въ формѣ вопроса къ рыцарямъ и ихъ оруженосцамъ, и тотчасъ же бросаетъ въ море свой дрогоцѣнный кубокъ, съ обѣщаніемъ подарить его въ качествѣ побѣднаго трофея тому, кто бы изъ нихъ ни досталъ его.

Обратиться къ тѣмъ и другимъ безъ различія для него было совершенно естественно. Въ средніе вѣка оруженосцы набирались изъ дѣтей благородныхъ дворянъ; семи лѣтъ, а иногда и ранѣе, поступая въ чужіе знатные дома, въ прислуживаніи старымъ рыцарямъ и дамамъ учились они всѣмъ рыцарскимъ обязанностямъ, пока, съ ихъ возрастомъ и успѣхами, руководитель не удостоивалъ ихъ рыцарскаго посвященія.

И рыцари не обижались за подобное приравниваніе; напротивъ, это равенство, открывая доступъ всѣмъ—старымъ и молодымъ, заслуженнымъ и выслуживающимся, сильнѣе побуждало каждаго изъ нихъ ко взаимному соревнованію.

Съ другой стороны—заманчива и награда. Не то, конечно, особенно важно, что кубокъ — золотой, драгоцѣнный, а то, что онъ подарокъ изъ собственныхъ рукъ короля, что онъ пріятный памятникъ совершеннаго предъ всѣми подвига, краснорѣчивый свидѣтель полученной чести.

И, однако-жъ, въ отвѣтъ на королевскій вызовъ рыцари и оруженосцы молча лишь смотрятъ внизъ за брошенной чашей; никто изъ нихъ не трогается съ мѣста, чтобы пріобрѣсть ее, а съ ней громкую славу и честь: такъ, значитъ, трудно было дѣло, на которое призывалъ король.

Иначе смотрѣлъ на это послѣдній. Ему казалось, что своимъ вызовомъ на борьбу съ грозною стихіей онъ не требовалъ никакого подвига и ничего болѣе не затѣвалъ, кромѣ какъ будто своеобразной гимнастической забавы, гдѣ могъ отмѣтить самаго отважнаго изъ свиты.

Сопротивленіе возбуждаетъ въ немъ настойчивость, и онъ нервно повторяетъ свой вызовъ, выражая надежду, что кто-нибудь изъ нихъ да откликнется же.

И опять напрасно: снова пауза, снова выжидательное молчаніе.

Возможность удачи была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ необходимой отвагой, и потому, какъ ни затрогивалось честолюбіе свиты, взглядъ на волнующееся море парализуетъ въ ней всякую рѣшимость.

Задѣтый ли за живое, или, быть можетъ, въ силу стариннаго обычая, король вызываетъ въ третій разъ,—вопросъ уже ставитъ въ упоръ, прямо подвергаетъ сомнѣнію рыцарскій гоноръ.

«Такъ неужели среди васъ нѣтъ никого, кто бы отважился броситься внизъ?» съ укоромъ и проніей произноситъ властитель.

Тяжесть томительнаго положенія короля и его свиты, усиливающаяся съ каждымъ новымъ повтореніемъ вопроса, теперь становится невыносимой: еще мгновеніе, и королю съ горечью придется отказаться отъ своего требованія, остаться безъ удовлетворенія желанію — тогда ужъ лучше бы и не начинать дѣло, рыцарямъ же, людямъ славы и тщеславія, торжественно приходилось обнаружить свою малодушіе, не знать, куда отъ стыда дѣть свои глаза; *самое же дѣло, по опасности его выполненія, невольно возвышается до подвига*, и сильнѣе заинтриговывается наше вниманіе, ожиданіе, какъ разразится наэлектризованная атмосфера— *вотъ смыслъ, почему здѣсь употребленъ троекратный вызовъ*, который, какъ всякая вообще тавтологія, казалось бы, долженъ принести одно утомленіе и безъ нужды замедлить разсказъ.

Неоспоримо, авторъ поступилъ здѣсь мастерски.

IV—V. Все разрѣшаетъ одинъ юноша.

Въ критическую минуту, когда стало ясно, что никто не рѣшается откликнуться на призывъ короля, вдругъ изъ среды пристыженной и какъ бы окаменѣвшей отъ смущенія свиты, чтобы выручить ее, выступаетъ молодой оруженосецъ.

Дѣйствительно, только юношеская натура, еще неохлажденная расчетливымъ разсудкомъ и поддерживаемая надеждой удачи, можетъ отважиться на выполненіе такого опаснаго дѣла, отъ чего боязливо удержался каждый пожилой человѣкъ.

Юность—періодъ жизни, по преимуществу, богатый избыткомъ силъ, нерѣдко бьющихъ черезъ край идеалами, мечтами, дорогими заблужденіями, готовностью пролить избытокъ своей крови за идею всеобщую, міровую, богатый порывами, самопожертвованіемъ—иногда безъ подозрѣній, что эта жертва можетъ оказаться напрасной: природа и обстоятельства еще не вывели юношу изъ туманнаго царства всеобщности въ ясно очерченный и опредѣленный кругъ, какъ то обыкновенно бываетъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Оруженосецъ выходитъ скромно и смѣло, молча приготовляетси къ прыжку: снимаетъ мѣшающія ему части платья: поясъ и епанчу, — его красивая наружность поражаетъ зрителей, дивившихся его красотѣ и рѣшимости; но онъ, какъ бы ничего не замѣчая, безъ всякой эффектаціи подступаетъ къ краю обрыва и бросаетъ свой взглядъ на пучину.

Эти подробности въ описаніи появленія юноши привнесены *далеко не безъ цѣли*: выходъ изъ толпы на свободное мѣсто, раздѣваніе, впечатлѣніе зрителей, всходъ на обрывъ, гдѣ фигура пажа, такъ возвышаясь предъ всѣми другими, ставится какъ бы на пьедесталѣ,—все яснѣе и яснѣе обрисовываютъ прекрасно сложившійся станъ, его внѣшнюю фигуру; спокойствіе же, рѣшительность и скромность въ движеніяхъ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на его симпатичныя душевныя свойства.

Въ *его движеніяхъ нѣтъ ни бѣшеной, не знающей удержу отваги и ни тѣни робости*: ни одной чертой не давалъ повода къ предположенію, чтобы онъ могъ воротиться назадъ.

И если онъ замедлилъ выходомъ, то развѣ потому, что *не желалъ задѣвать чье-нибудь самолюбіе* — предвосхищать честь подвига, очевидно, совсѣмъ не было въ его расчетахъ.

Онъ дѣйствуетъ больше въ интересахъ другихъ, чѣмъ невольно подкупаетъ доброе участіе къ нему. Конечно, тутъ еще нѣтъ полнаго образа: онъ обрисуется лишь впослѣдствіи.

V—VII. Предъ глазами пажа открылись страшные ужасы клокочущей бездны. Харибда, точно какое живое чудовище, бурно изрыгала изъ своей глубины мощныя воды свои.

Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя въ вышину;
А волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева
И глубь застонала отъ грома и рева.

Воды отхлынули назадъ, въ открывшуюся бездонную пасть, сильно забились о встрѣчавшіяся на пути скалы, производя подземные, чисто громовыя раскаты: пасть опять поглощала свои воды.

Картина грандіозная, потрясающая!

Какое требовалось мужество, чтобы не устрашиться ея, и зато какъ же возвышала она подобный подвигъ!

Человѣческій духъ, съ его нетеряющимся сознаніемъ, волей и дѣятельностью, съ его готовностью къ рѣшительной борьбѣ, поднимается теперь на идеальную высоту прямо, и при томъ по мѣрѣ своей стойкости и превосходства предъ ужасной въ своемъ величіи природѣ, предъ которой вполнѣ ничтожна тѣлесная сила человѣка. Величіе и слава побѣды всегда обусловлены могуществомъ противника. «Чѣмъ страшнѣе противникъ, тѣмъ славнѣе побѣда: только сопротивленіе дѣлаетъ силу наглядной».

Но *это пространное описаніе* внѣшняго вида прилива и отлива Харибды, какъ ни важно въ интересахъ правильной оцѣнки подвига юноши, все же *наполовину не произвело бы подобнаго дѣйствія, если бы оно помѣщено было прежде.*

Явленіе природы, интересное само по себѣ, становится еще внушительнѣе, что оно не замкнуто въ самомъ себѣ, но представлено въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ оруженосцу, къ его рѣшенію. Мы смотримъ на явленіе глазами очевидца, ощущенія послѣдняго передаются и намъ. Совсѣмъ иныя, болѣе тревожныя чувства постигаютъ читателя, когда онъ знаетъ, что съ этими губительными силами природы должно вступить въ борьбу извѣстное ему, дорогое для него существо.

VIII. Не замедлила и самая борьба. Препятствіямъ не

парализовать рѣшимости пажа. Его отношеніе къ нимъ лишь яснѣе освѣщаетъ его внутренній обликъ. *Неустрашимо смотритъ онъ всѣмъ опасностямъ въ лицо*, искусно, съ полнымъ сознаніемъ, пользуется благопріятными обстоятельствами, временемъ отлива, *и въ тихой молитвѣ* поручаетъ себя, и однако не фатально, покровительству всесильнаго Бога: въ груди его бьется *вѣрующее сердце*; при беззавѣтной храбрости и находчивости ему свойственны *христіанское сознаніе недостаточности своихъ собственныхъ силъ и вѣра въ высшую помощь*. Поэтъ умалчиваетъ о томъ, что сдѣлалъ потомъ юноша; но невольный крикъ испуганной толпы, о которомъ упоминаетъ онъ,— свидѣтель, что уже «бездна надъ отрокомъ челюсть свела, его болѣе не видно».

IX—XI. Дѣйствіе кончилось, занавѣсъ упалъ, скрывъ отъ насъ главнаго героя, и напередъ трудно угадать, пришелъ ли конецъ, или наступила только томительная пауза послѣ перваго акта смѣло задуманной драмы: потому что можно ли сказать навѣрное, что отважный герой опять явится на сцену?

Готцингеръ думаетъ, что здѣсь удобны *три пути для исхода:* или прямо продолжать: «и воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и кипитъ», или же, по обычаю поэтовъ, создать изъ матеріала двѣ или три баллады, или же, наконецъ, ходъ исторіи пріостановить, а стихотвореніе продолжать.

Поэтъ выбралъ послѣдній путь, художественно воспользовавшись *ролью хора древнихъ трагедій*, гдѣ хоръ имѣлъ значеніе совсѣмъ не то, какое имѣетъ замѣнившій его въ нашихъ драматическихъ театрахъ оркестръ, которымъ обыкновенно играются мотивы безъ всякаго отношенія къ представляемой пьесѣ, лишь бы занять чѣмъ-нибудь публику во время антракта.

Подобно тому, какъ въ трагедіяхъ Эсхилла и Софокла, послѣ каждаго акта выступалъ на театральные подмостки находившійся въ «оркестрѣ» хоръ и, въ качествѣ близкихъ герою современниковъ, въ своихъ пѣсняхъ произносилъ свое сужденіе о случившемся, и тѣмъ приготовлялъ зрителей къ послѣдующему акту: такъ и здѣсь, совершенно въ духѣ этого хора, оставшіеся на скалѣ *зрители*, которые до сихъ поръ были нѣмыми свидѣтелями, теперь, когда послѣ первой паники, едва открылась возможность словами вы-

разить имъ свои мысли и чувства, *высказываютъ то*, что ихъ волновало въ данное время, чѣмъ вполнѣ кстати занимается явившаяся вмѣсто эпилога пауза.

Рѣшившись на подвигъ, юноша заслужилъ симпатіи всѣхъ присутствующихъ, и первое слово зрителей естественно было слово горькаго прощанія и неподдѣльнаго благожеланія: «юноша высокоблагородной души, будь благополученъ!» восклицаютъ они.

Блестящая свита въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ сознавалась, что никто изъ нея не отважился бы на подобное дѣло ни за какія блага міра, даже за корону: о скрытомъ въ глубинѣ не въ состояніи разсказать ни одна живая душа. Ужъ если морскіе корабли, сколько ихъ ни попадало въ пучину, вылетали разбитыми вдребезги, то выйти ли оттуда живымъ человѣку?

Признаніе очевидцевъ, если, съ одной стороны, *бросаетъ тѣнь на короля* за его безчеловѣчное требованіе и *возвышаетъ геройство юноши*, то, съ другой, обыкновенно *усиливаетъ опасеніе за судьбу послѣдняго.*

Умолчи о немъ поэтъ, и отъ разсказа о прыжкѣ юноши въ пучину перейди прямо къ описанію возвращенія прилива, опасеніе было бы несравненно слабѣе. Въ признаніи слышется какъ бы пророческій голосъ о неизбѣжности гибели пажа, потому ожиданіе становится все мучительнѣе, а надежды невѣроятнѣе. Томительность поддерживаютъ дѣйствія пучины. На поверхности воды — тишина, лишь изъ глубины слышенъ глухой шумъ: воды еще несутся внизъ; но и вой слышется все глуше и глуше, и какъ бы совсѣмъ замираетъ: вмѣстѣ съ нимъ почти исчезаетъ и всякая надежда увидѣть героя... по крайней мѣрѣ, живого, развѣ трупъ или, подобно обломкамъ кораблей, его жалкіе остатки.

XI—XII, XIII—XIV. Въ это самое время вдругъ снова ясно послышался многозначительный шумъ въ глубинѣ: то знакъ возвращающагося прилива, и голосъ толпы смолкъ: нѣтъ мѣста словамъ, когда наступаетъ самое дѣйствіе.

Явленіе природы удивительнымъ образомъ переплетается вообще здѣсь съ ходомъ исторіи, и, нѣтъ сомнѣнія, *значительная доля очаровательности стихотворенія основывается на счастливомъ сплетеніи явленія съ фабулой произведенія.*

Приливъ выступаетъ во всемъ своемъ грандіозномъ

величіи: безчисленныя волны бьютъ одна за другой, идутъ безперечь, безъ перерыва, шумятъ, брызжутъ, шипятъ, точно смѣшавшаяся съ огнемъ влага летитъ къ небу обильная пѣна, за ней изъ зѣва бездны хлынулъ неистощимый потокъ съ оглушительнымъ, приводящимъ въ ужасъ ревомъ...

Глаза всѣхъ приковываются къ водовороту, вниманіе напрягается, лихорадочная нетерпѣливость возрастаетъ до невѣроятныхъ предѣловъ...

И вотъ — *какой моментъ!* — что-то поразительно бѣлое промелькнуло въ черномъ лонѣ: ясно, что воды идутъ не однѣ—но не обманъ ли это не въ мѣру напряженныхъ чувствъ?—нѣтъ! вотъ показалась рука, блеститъ плечо—но это, быть можетъ, только печальные остатки разбитаго трупа?—нѣтъ! онъ уже изъ всей силы правитъ волной, машетъ чашей съ радостнымъ за жизнь и побѣду привѣтомъ, онъ дышетъ—о радость!—онъ живъ!

И томительный страхъ зрителей быстро смѣняется невыразимымъ восторгомъ. Каждый изъ присутствующихъ въ неподдѣльномъ веселіи —

„Онъ живъ!—повторялъ:—
Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважный!“

Велико искусство поэта. Усиливъ предъ тѣмъ напряженіе ожиданія фигуры, онъ вдругъ, въ моментъ ея проявленія, употребляетъ контрастъ, и контрастъ самый яркій: темному лону противополагается что-то бѣлизны лебединой; въ появленіи — постепенность: сначала показываются части тѣла, потомъ уже вся фигура, живая, дѣйствующая, торжествующая — въ иномъ видѣ, неподвижная, она была бы выставлена менѣе ясно; въ избыткѣ отъ наплыва радостныхъ чувствъ всѣ зрители громко привѣтствуютъ красавца,—и мы какъ будто видимъ все это своими глазами и, сами того не замѣчая, принимаемъ участіе и въ трепетномъ ожиданіи, и въ неподдѣльной радости всѣхъ присутствующихъ.

XV. Подобное счастье хоть кому вскружило бы голову. Между тѣмъ, въ то время, какъ всѣ встрѣчаютъ пажа съ полнымъ тріумфомъ, *онъ скромно* подходитъ къ королю, *почтительно*, но безъ униженія, по долгу подданнаго, склоняется предъ нимъ на колѣни и съ достоинствомъ героя кладетъ къ его ногамъ добытый кубокъ, чтобы изъ рукъ своего господина получить его обратно, какъ побѣдный

трофей, и разсказать ему о страшныхъ ужасахъ подземелья.

Тутъ неожиданно происходитъ небольшая, успокаивающая душу, пріятная сцена, которая, на нѣкоторое время отстраняя мрачную повѣсть, вмѣстѣ съ предыдущей встрѣчей отнимаетъ у произведенія однообразно-тяжелый тонъ.

Король даетъ знакъ своей дочери: она наливаетъ кубокъ искрившимся виноградным виномъ и подаетъ его юношѣ, чтобы тотъ подкрѣпилъ свои упавшія силы.

Разумѣется, дороже вина была почесть, что такъ и такая рука возвращаетъ кубокъ.

Такимъ образомъ, здѣсь *совершенно кстати и вполнѣ въ духѣ рыцарства вводится въ дѣйствіе новое лицо*, которое будетъ имѣть важное значеніе для дальнѣйшаго событія.

То же, откуда взялось вино, поэта не затрудняетъ. Само собою возникаетъ предположеніе, что по морскому берегу была устроена прогулка, гдѣ, на эффектныхъ берегахъ Харибды, подъ веселую минуту и разыгралось все событіе.

XV—XXII. Въ разсказѣ сообщаются болѣе цѣльныя свѣдѣнія о пучинѣ: отважность подвига увеличивается почти до невѣроятныхъ предѣловъ. До сихъ поръ читатель былъ знакомъ съ однимъ внѣшнимъ видомъ Харибды, теперь живописно рисуется передъ нимъ ея внутренность.

XVI. Впрочемъ, свѣдѣнія объ ужасахъ Харибды начинаются не тотчасъ. Какъ чудомъ спасеннаго, видитъ себя пажъ на Божьемъ свѣтѣ, и онъ прежде всего всецѣло отдается своему радостному чувству, что такъ счастливо избѣжалъ опасности: королю желаетъ долгой жизни, веселья—всѣмъ живущимъ на землѣ, такъ какъ, по его сознанію, счастье возможно только здѣсь, въ дневномъ свѣтѣ, тамъ же, въ темной глубинѣ скрыты одни ужасы, его прежняя отвага ему кажется уже *дерзкимъ искушеніемъ божественныхъ силъ*, и онъ въ порывѣ лиризма, какъ бы по вдохновенію, *трагически произноситъ глубокія по смыслу слова*:

Смертный, предъ Богомъ смирись,
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

Это—не взятый напрокатъ афоризмъ, не правило житейской мудрости, а *высокая нравственная идея*, *къ которой*

пришелъ герой, испытавъ всѣ ужасы бездны, — идея, которая говоритъ за свѣтлый кругозоръ юноши, за его образованный умъ, если онъ такъ выражается объ ужасахъ бездны.

XVII—XXII. И были же основанія притти къ ней! Чего-чего не видалъ и не испыталъ въ безднѣ разсказчикъ! Чуть не съ быстротою молніи рвануло его внизъ, когда онъ бросился съ крутизны. Тамъ попалъ въ необычный потокъ: вода шла въ глубину и сбоку, изъ скалы, и сверху. Противостоять было нельзя. Въ вихрѣ водоворота повлекло юношу въ пропасть, гдѣ его кружило и било, точно кубарь. Въ неминуемой опасности онъ, какъ и прежде, обратился къ помощи Божіей, и, когда ему грозило уже самое худшее, спасеніе явилось: онъ былъ занесенъ на выдающійся изъ бездны высокій утесъ, за который и ухватился; тутъ же, на остроконечномъ кораллѣ, нашелся и кубокъ.

Мѣсто, куда поэтъ помѣстилъ водолаза, выбрано очень удачно. *На срединѣ пропасти самая удобная и безопасная точка для наблюденія;* рельефнѣе обнаруживается *безпомощное одиночество пажа;* въ виду же того, что осмотрѣть всего, не побывавъ на днѣ, невозможно, *давался поводъ къ новому вызову на подвигъ.*

Юноша увидѣлъ, что ниже, въ мрачно-пурпуровомъ сумракѣ, зіяла бездонная, чисто-адская пропасть. Двигалась, и все двигалось въ ней отъ страшныхъ чудищъ изъ чудищъ, извѣстныхъ по однимъ сагамъ: отъ ядовитыхъ саламандръ, пятнистыхъ черныхъ великановъ — ящерицъ, губительныхъ драконовъ; все мѣшалось—вилось въ громадную, безобразную глыбу: и неповоротливое чудовище-скатъ, точно громадныя, набитыя гвоздями, ворота, и свирѣпая молотъ-рыба, и хищный щетинозубъ; ненасытная акула-людоѣдъ, замѣтивъ пришельца, разинула пасть и уже начала яростно грозить ему своими острыми зубами. Жизнь на волоскѣ. Гибель близка, почти неминуема, а помощи нѣтъ и не видно. Люди, съ ихъ рѣчью, полной участья, далеко, вверху: протянуть руки они не въ силахъ. Вмѣсто добраго человѣческаго лица, глаза водолаза видятъ однѣ безчувственныя маски ужасныхъ чудовищъ; ухо, привыкшее къ благодѣтельной рѣчи, ничего не слышитъ, кругомъ его тѣснящая душу тишина: морскія чудовища не имѣютъ голоса. Онъ здѣсь одинъ, вдали отъ всякаго участія, безпомощный, безоружный; въ немъ одномъ бьется сердце посреди безчувственныхъ массъ—

и страшно ему, мучительно страшно сознавать опасность, безпомощность и одиночество въ этой нѣмой, точно мертвой пустынѣ. Но вотъ изъ темноты движется что̀-то ужъ совсѣмъ необычайное, громадное, стоногое... вѣроятно, полипъ, руки котораго по разсказамъ, достигаютъ до 30 футовъ длины... Оно готово уже схватить, совлечь его: прикрывавшія коралловыя вѣтви не могутъ долго служить препятствіемъ. Всѣ чувства героя потрясъ смертельный ужасъ... Тогда инстинктивно, не понимая зачѣмъ, пажъ выпустилъ изъ рукъ коралловую вѣтвь, и это было ему спасеніемъ: начавшійся приливъ быстро подхватилъ и съ шумомъ вынесъ его на поверхность.

Припомнимъ впечатлѣніе, какое прежде произвели слова короля на веселыхъ дотолѣ зрителей. Кругомъ безысходное молчаніе; на лицахъ каждаго изъ присутствующихъ выражалось тяжелое чувство: стыдъ и боязнь; каждый желалъ, чтобы лучше совсѣмъ не было подобныхъ словъ. Не то теперь, послѣ рѣчи пажа. Съ какимъ напряженіемъ должно было слушаться его живое, превосходное изображеніе внутренностей бездны и его ужаснаго положенія! Совсѣмъ *противоположной королю обрисовывается и личность разсказчика.* Въ своей повѣсти онъ *далекъ отъ тщеславныхъ похвалъ и прикрасъ:* представляетъ дѣло такъ, какъ было, все приписываетъ обстоятельствамъ и помощи Божіей. Это именно—hochherzig, *личность чистая, свѣтлая, идеальная, сила не столько физическая, сколько нравственно-религіозная; его мужество коренится въ высшихъ побужденіяхъ.*

Что̀ возбуждало наше участіе, прекратилось. Кубокъ добытъ, свѣдѣнія о сокровенныхъ тайнахъ пропасти слышали отъ очевидца, самъ разсказчикъ возвратился цѣлъ и невредимъ; нашъ интересъ удовлетворенъ, далѣе... *чего же еще ожидать болѣе?!..*

Но тогда *какой смыслъ этого поэтическаго созданія?!..*

Шиллеръ же всегда чрезвычайно дорожилъ идеей. Живописныя картины, величественные образы, создаваемые имъ, онъ цѣнилъ, какъ прекрасное тѣло для живущей въ нихъ вѣчно бодрствующей, вѣчно трепетной души. Едва ли въ комъ полнота образующаго поэтическаго творчества такъ тѣсно соединялась съ глубиной выработаннаго философскаго созерцанія.

Фантазія, все соединяющая, пылкая, почти неудержимая, въ пору полнаго развитія поэта, всегда шла рука объ руку съ все раздѣляющимъ и умѣряющимъ разсудкомъ. Натура субъективная, созерцательная, онъ былъ художникъ-философъ, по-преимуществу; поэтическія изображенія всегда проникались добытымъ въ упорныхъ философскихъ разысканіяхъ, всегда составляли съ нимъ одно изящное цѣлое, эстетически-прекрасное. «Сила воображенія, — утверждалъ онъ,—сообразно ея природѣ, безпрерывно занята тѣмъ, чтобы представлять общее въ частномъ случаѣ, ограничить его въ пространствѣ и времени, индивидуализировать понятія, дать тѣло отвлеченному».

Естественно, что и на этотъ разъ поэтъ не останавливается на полупути, снова, непосредственно послѣ разсказа, какъ бы не желая дать отдыха, тревожитъ наше любопытство, поднимаетъ его, и притомъ на такую высоту, на какой оно еще не было до сихъ поръ, и тамъ, на этой высотѣ, такъ и оставляетъ насъ, давая чувствовать все неотразимое могущество глубокой идеи, лежащей въ основѣ его даннаго творенія.

XXIII. Причина въ томъ, что интересный разсказъ далъ королю больше, чѣмъ онъ, очевидно, могъ ожидать, и, подстрекнувъ въ немъ любопытство, довелъ его до страстнаго влеченія. Заинтересованный, король хочетъ знать уже всѣ мелочи Харибды, до самаго дна. И хотя онъ только что слышалъ о препятствіяхъ и возможныхъ несчастіяхъ, онъ глухъ къ нимъ вполнѣ. Не надѣясь на рыцарей и не теряя времени, онъ прямо обращается къ пажу: вмѣстѣ съ кубкомъ обѣщаетъ ему драгоцѣнный перстень, если онъ снова бросится въ глубину и принесетъ ему извѣстіе о томъ, что увидитъ на днѣ.

Напрасная надежда! Отъ его предложенія легко можно было отказаться. Мѣряя, такъ сказать, на свой аршинъ, повелитель чрезвычайно плохо понималъ высокую душу героя. Не корыстолюбіе руководило имъ прежде, а побужденія идеальныя: *затронутая рыцарская честь*. На золотой кубокъ онъ смотрѣлъ, какъ на символъ. Честь другихъ онъ спасъ. Собственное его мужество также не нуждалось ни въ какихъ новыхъ доказательствахъ: онъ сдѣлалъ то, на что не рѣшался ни одинъ рыцарь. Чтобы побудить на по-

втореніе подвига, требовался другой мотивъ, болѣе сильный, который бы превосходилъ всѣ матеріальныя сокровища короля, и, по своей идеальности и близости къ пажу, заставилъ его забыть всѣ опасности и высказанное имъ предостереженіе, чтобы человѣкъ не искушалъ высшія силы, слѣдовательно, побѣдилъ въ немъ даже религіозное чувство. На бѣду, такой мотивъ нашелся: обстоятельства подставили его.

XXIV. За пажа вступается, пока дѣло не приняло несчастнаго исхода, свидѣтельница сцены, дочь короля. Смѣлое дѣло и нѣжлый взглядъ юнаго героя, видно, воспламенили ея доброе, чистое сердце. Въ ея сознаніи онъ становится выше всѣхъ, видѣнныхъ ею, мужчинъ: естественно желаніе спасти его отъ неминуемой гибели. Она обращается къ отцу съ ласкающейся улыбкой и настойчиво. Его желаніе называетъ прямо жестокой игрой: возвышая подвигъ пажа, тонко, какъ бы мимоходомъ, затрогиваетъ честолюбіе рыцарей: никто-де еще не совершилъ подобнаго дѣла, и пусть рыцари пристыдятъ оруженосца. Смыслъ просьбы ясенъ: отецъ, во всякомъ случаѣ, долженъ оставить пажа въ покоѣ.

XXV. Но такой способъ ходатайства царевны, помимо и противъ ея воли, приблизилъ роковую развязку: онъ выдалъ ея тайну — вспыхнувшую въ ней любовь къ пажу. Король, едва догадался, пользуется этимъ средствомъ. Обѣщаетъ пажу, буде онъ повторитъ подвигъ, нынѣ же поставить его первымъ изъ рыцарей и отдать ему руку своей дочери.

И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой...
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою,

говоритъ онъ ему.

Предложеніе неожиданное и, какъ, повидимому, ни странно, совершенно въ духѣ рыцарства, и вполнѣ гармонируетъ со страстнымъ характеромъ короля, возбужденное любопытство котораго едва ли и можно выразить яснѣе.

Тѣмъ не менѣе отъ большинства нѣмецкихъ комментаторовъ за это предложеніе достаются королю самыя рѣзкія порицанія: укоряютъ его въ грубости, суровости, даже жестокости. Ихъ мнѣніе должно принять съ большими ограниченіями. Король, по замыслу поэта, безспорно, противоположенъ пажу, все же не до той крайней степени, до какой довели критики. Ихъ король—чистая фурія, лич-

ность неестественная, дѣланная, фиктивная. Противополагать воплощенное зло воплощенному добру было въ обычаѣ однихъ ложноклассиковъ. Шиллеръ же держался иного мнѣнія. „Если я,—говорилъ онъ еще въ предисловіи къ „Разбойникамъ“,—задался мыслію представить человѣка во всей его полнотѣ, то долженъ указывать и на хорошія его стороны, которыхъ не лишенъ и самый отъявленный злодѣй... Не можетъ быть предметомъ искусства человѣкъ, который есть одно зло: онъ не привлечетъ къ себѣ вниманіе читателя, въ немъ будетъ только сила отталкивающая; непрочтенными останутся его рѣчи“. Поэтому, при всей любви Шиллера къ контрастамъ, его лица, несмотря на ихъ идеализированность, всегда похожи на дѣйствительныхъ, возможны. Ближе къ правдѣ сравнить короля съ шекспировскимъ Лиромъ. Подобно ему, впечатлительный, живой, причудливый, избалованный низкопоклонствомъ „боязливой“ толпы, неразборчивый въ средствахъ, безъ строгаго контроля надъ своими дѣйствіями, онъ привыкъ безотчетно исполнять всѣ свои капризы, доставлять минутныя щекотанія своему эгоизму, слушаться только голоса своихъ прихотей, едва ли подчасъ хорошо сознавая, какъ жестоко его требованіе, его необдуманность, страстность, любовь къ торжественности и эффектамъ. Ни откуда не видно, что онъ желалъ разрушить счастье дочери; или, не одобряя ея выборъ, сознательно хотѣлъ погубить ея пажа. Его предложеніе скорѣе вытекало изъ желанія, чтобы пажъ предъ всѣми придворными показалъ себя, дѣйствительно ли стоитъ онъ руки королевской дочери. Первая удача казалась случайной. Что не увлекло его въ бездну, или не разбило о скалы, что онъ очутился на утесѣ и нашелъ тамъ кубокъ, что не схватило его какое-нибудь чудовище, и потокъ вынесъ его, едва живого отъ страха, на поверхность пучины вмѣстѣ съ кубкомъ,—это не было его личной заслугой: ему помогала какая-то посторонняя сила. Второй подвигъ долженъ подтвердить первый, показать, что пажъ можетъ это сдѣлать и не по милости благопріятствующей судьбы, показать себя дѣйствительно храбрѣйшимъ, словомъ — такимъ, который въ состояніи взять руку царевны съ бою, послѣ побѣды въ жаркомъ сраженьи.

XXVI. Что̀ же юноша? Онъ слышетъ и видитъ, о чемъ прежде не смѣлъ и мечтать. Слышетъ предложеніе короля, смотритъ на царевну, которая предъ тѣмъ, въ удивленіи къ его подвигу, съ такимъ чувствомъ просила за него своего отца, а теперь назначена призомъ... То дѣвственно-счастливымъ румянцемъ зардѣется она—въ радостномъ трепетѣ отъ выполненія таившагося въ сердцѣ чистаго желанья, то моментально смертельная блѣдность покроетъ ея щеки—при ужасной мысли о почти неизбѣжной гибели ею любимаго существа. Она потупила взоръ... Ясно, ея сердце бьется въ любви къ нему; въ ея любви онъ увѣ-

ренъ: и ему ли, мощному юношѣ, беззавѣтному герою, рыцарю въ душѣ, малодушно устоять теперь, показать, что онъ—не достоинъ ея? Ему ли помнить о прежнихъ, испытанныхъ имъ, страхахъ и о своихъ предостереженіяхъ. И неужели, отказавшись, отравить всю свою жизнь и жизнь любимаго существа?! Нѣтъ, если ужъ онъ ставилъ жизнь на карту ради чести, то какъ удержаться ему, когда къ чести присоединилась еще *любовь*,—любовь самая пылкая, возвышенная!..

„Любовь,—по выраженію Шиллера,—не въ состояніи ни совѣтовать человѣку, ни сражаться вмѣстѣ съ нимъ, ни исполнять за него какую бы то ни было другую работу; но она можетъ *воспитать въ немъ героя, возбуждать его на подвиги, надѣлить его силою и энергіею для всего, чѣмъ онъ долженъ быть*". Она — *сила влекущая, обаятельная*. Подъ ея вліяніемъ для любимаго существа человѣкъ готовъ отважиться на все, итти на перекоръ естественнымъ инстинктамъ, даже голосу совѣсти, рѣшиться на гигантское самопожертвованіе, которое въ холодную пору счелъ бы безуміемъ. Во времена же рыцарства любовь къ женщинѣ служила однимъ изъ принциповъ жизни. Рыцарскіе романы и кодексы прямо утверждали: „въ женщинѣ все благо и счастье міра"; „кто хочетъ жить достойно, долженъ отдать себя женщинѣ". Съ ранняго дѣтства внушалось рыцарю, что „онъ долженъ выбрать себѣ благородную госпожу, которая могла бы руководить его своими совѣтами и помогать ему, а онъ обязанъ вѣрно служить ей и непремѣнно любить ее". „Еще мальчикомъ слышалъ я,—говоритъ о себѣ одинъ изъ штирійскихъ рыцарей,—какъ безпрестанно вокругъ меня говорили о женщинахъ и расточали имъ похвалы, и тогда же рѣшился я служить имъ, такъ какъ только ихъ вниманіе можетъ дать человѣку достоинство, отраду, счастіе". И эти слова не были фразой. „Герои среднихъ вѣковъ,—характеризуетъ ихъ Шиллеръ, — жертвовали ради мечты (которую принимали за мудрость и которая, дѣйствительно, была для нихъ мудростью) своею кровію, жизнію и имуществомъ". Во имя любви они обязательно совершали всевозможные подвиги и похожденія.

Нашъ пажъ — ихъ яркій представитель. Естественно, лишь убѣдился онъ въ любви къ нему царевны, какъ «въ немъ жизнью небесной душа зажжена»: внушенія разсудка оказались безсильны, забыта опасность, ужасы, предостереженія; въ глазахъ — смѣлость; нѣтъ охоты къ дальнѣйшимъ отлагательствамъ — до того ли ему теперь! Онъ ничего не видитъ, кромѣ обожаемаго существа, и, охваченный одной мыслію, однимъ чувствомъ, въ порывѣ аффекта, не дождавшись благопріятнаго момента отлива,

На жизнь и погибель онъ бросился въ волны...

XXVII. Исходъ ясенъ, хоть и не говори о немъ поэтъ. Побѣдить ли тому, кто предпочитаетъ земное небесному, сознательно и безъ предосторожностей вступаетъ въ борьбу съ высшей силой? Было бы совершенно невѣроятно возвращеніе его по пути, какой предъ тѣмъ имъ самимъ признанъ непреодолимымъ и какъ бы преступнымъ. И вотъ, слышется приливъ и отливъ, а юноши не видно...

Поэтъ на этомъ и останавливается. Давая понять всю необходимость погибели героя, онъ *ни однимъ словомъ не промолвился о ней прямо*, не рисуетъ этого несчастія, потому что, по его мнѣнію, патетично и достойно художественнаго изображенія «исключительно сопротивленіе страданію...; само же страданіе никогда не составляетъ конечной цѣли изображенія и никогда не можетъ быть непосредственнымъ источникомъ удовольствія, доставляемаго намъ трагическими предметами».

Тѣмъ не менѣе мысль о погибели, хотя прямо и не означенной, дѣйствуетъ на читателя болѣзненно. Шиллеръ безподобно смягчаетъ это грустное впечатлѣніе приложеніемъ своей теоріи о патетичности сопротивленія страданію. Онъ упоминаетъ о любящемъ нѣжномъ взглядѣ сверху—чьемъ? очевидно, царевны.

Она одна, полная участія и горя, какъ Текла въ «Валленштейнѣ» или Навзикая въ «Одиссеѣ», могла послать герою въ качествѣ какъ бы награды подобный нѣжный взглядъ, который, при всемъ безсиліи извлечь оттуда водолаза, былъ свѣтлымъ лучомъ среди мрака, такъ сказать, пріятнымъ звукомъ среди ужаснаго рева пучины.

Благодаря ему, *стихотвореніе уничтожаетъ въ нашемъ сердцѣ всякій диссонансъ*: несмотря на то, что страстное увлеченіе, приведшее героя къ гибели, бросаетъ нѣкоторую тѣнь на самую его личность: всемогущество борющейся любви теперь примиряетъ насъ съ отчаяннымъ рискомъ юноши и приближаетъ обоихъ—и пажа и царевну—къ нашему сердцу.

Можно считать юношу счастливымъ, что онъ, въ цвѣтѣ силъ и чувствъ, пожертвовалъ жизнію за такое существо: разъединенные, душой они соединены навсегда. Пусть внизу морскія волны держатъ въ себѣ пажа и, какъ греческій хоръ, бурно ропщутъ на заблужденіе юноши и короля:

вверху, на скалѣ, точно божественный ликъ ангела, неподвижно стоитъ чистый образъ царевны и своимъ опущеннымъ книзу мягкимъ взглядомъ связываетъ міръ нижній и верхній, подземный и надземный...

Прекраснѣе, даже величественнѣе едва ли и возможно окончить эту повѣсть: въ заключеніи, въ противоположность разладу нравственныхъ принциповъ, такъ много эстетическаго. Нравственная оцѣнка, давая душевному состоянію иное, иногда обратное направленіе, не всегда идетъ рука объ руку съ эстетической: а «потому если при оцѣнкѣ нравственной чувствуемъ себя сдерживаемыми и стѣсненными, то при оцѣнкѣ эстетической мы ощущаемъ внутренній просторъ, подъемъ свободы человѣческаго духа».

Дмитрій Цвѣтаевъ.

„Перчатка“.

Въ первой строфѣ, составляющей какъ бы вступленіе къ послѣдующему, авторъ ведетъ читателя на мѣсто дѣйствія, во Францію, ко двору Франциска I (1515—1547). Король сидѣлъ предъ своимъ звѣринцемъ, около него высшіе государственные сановники — герцоги, графы, рыцари, за нимъ, на высокомъ балконѣ, точно вѣнецъ, прекрасный кругъ придворныхъ дамъ. Ожидали боя королевскихъ звѣрей.

II—IV. Ознакомивъ съ мѣстомъ, временемъ и зрителями происшествія, поэтъ изображаетъ появленіе боевыхъ звѣрей, при чемъ надѣляетъ ихъ такими характеристическими, соотвѣтствующими дѣйствительнымъ, чертами, что каждый изъ выступающихъ словно живой выростаетъ передъ нами.

II. Выпущенный на арену, по данному Францискомъ знаку, громадный левъ, какъ и слѣдуетъ царю звѣрей, является съ внушительнымъ, поистинѣ царскимъ видомъ и достоинствомъ. Выходитъ молча, спокойно, не торопясь и увѣренно, точно сознавалъ свои могучія силы; съ протяжнымъ густымъ воемъ оглядывается кругомъ и, не видя ни одного животнаго, невозмутимо-спокойно ложится. Весь его видъ, весь его образъ дѣйствій такъ и выдаетъ въ немъ дѣйствительнаго царя мрачныхъ лѣсовъ, повелителя, который не знаетъ страха, не знаетъ, что̀ значитъ отступать,

поступаться, молить. «Этимъ медленнымъ выступаніемъ, этимъ спокойнымъ и нѣмымъ озираніемъ и тѣмъ, какъ онъ величественно ложится, превосходно обрисованъ свободный отъ заботъ, невозмутимый нравъ, которымъ левъ отличается отъ природы остальныхъ животныхъ семейства кошекъ, живо представлена его необычайная неустрашимость, не свойственная ни одному изъ другихъ звѣрей въ такой высокой степени, что, вмѣстѣ съ формой изложенія, сообщаетъ картинѣ поразительную наглядность».

III. Повторяется знакъ короля, и выпущенъ тигръ, звѣрь иного разряда. Въ противоположность мощно-спокойному, флегматичному льву тигръ сразу же обнаруживаетъ свою необычайную дикость, свой холерическій, неуживчивый, но и доступный страху нравъ. Быстро, легкимъ и гибкимъ прыжкомъ выскакиваетъ онъ на открытую арену и, усмотрѣвъ льва, громко заревѣлъ. Привыкнувъ во всемъ видѣть себѣ жертву, кровожадный тиранъ по природѣ, которому однако свойственна ярость, а не смѣлое, безбоязненное мужество, въ лютой дикости выкручиваетъ кругъ, бьетъ себя своимъ грознымъ хвостомъ, вытягиваетъ свой алчный до крови языкъ, точно хочетъ вступить съ нимъ въ бой. Невозмутимое спокойствіе льва тѣмъ не менѣе сдерживаетъ кровожадность тигра въ границахъ, и онъ, какъ бы какая большая кошка, крадется, боязливо и коварно, съ яростнымъ рычаніемъ обходитъ льва и, чувствуя недостатокъ силъ, но и не желая уронить своего достоинства, ворча ложится съ нимъ рядомъ.

IV. Король даетъ знакъ въ третій разъ—и очутились на сценѣ два леопарда. Уже по ихъ, какъ стрѣла, быстрому скачку можно видѣть рѣзко выдѣляющее ихъ изъ породы кошекъ проворство, подвижность корпуса, ловкость, любовь къ свободѣ, ихъ злобу и неудовольствіе. Тотчасъ смѣло и жадно нападаютъ они на тигра; но этотъ хватаетъ ихъ яростными лапами, и едва было завязалась борьба, поднимается съ грознымъ рычаніемъ левъ,—и бой прервался. Когда мощный царь мрачныхъ лѣсовъ заговорилъ, когда раздался «голосъ пустынь и лѣсовъ», въ паническомъ страхѣ молчатъ всѣ другія существа. Невольно они пятятся назадъ, становятся въ кружененьку и ложатся, очевидно, крайне недовольныя помѣхой. Это—не миръ, а перемиріе. Хотя и

стоитъ левъ, будто въ ожиданіи наказать нарушителя, тигръ и леопарды съ нетерпѣніемъ ждутъ перваго удобнаго мгновенія, чтобы броситься въ общую, роковую свалку, представился бы только поводъ.

V—VI. Вдругъ, совершенно неожиданно и какъ бы случайно, прямо между свирѣпымъ тигромъ и грознымъ львомъ, съ балкона, гдѣ сидѣли зрители, къ общему недоумѣнію падаетъ женская перчатка. Тотчасъ же оказывается, что это и не пустая случайность, а сдѣлано съ *ехиднымъ намѣреніемъ.* Одна изъ дамъ, Кунигунда, насмѣшливо предлагаетъ своему рыцарю де-Лоржу достать ей ея перчатку и тѣмъ на самомъ дѣлѣ представить несомнѣнное доказательство своихъ, часто повторяемыхъ имъ, увѣреній въ любви къ ней.

Требованіе—прекрасное, почти безумное.

«Для Кунигунды бой звѣрей еще не достаточно страшенъ. Въ ея требованіи проскальзываетъ не столько желаніе получить неопровержимое доказательство въ любви къ ней своего рыцаря, сколько *стремленіе блеснуть предъ собраніемъ своей надъ нимъ властью и усилить ужасъ устроеннаго королемъ представленія.* Чтобы достигнуть своей цѣли, она не дорожитъ даже своимъ возлюбленнымъ, который, конечно, всего менѣе можетъ отказать ея просьбѣ, а это говоритъ за *нравственную дикость и испорченность ея сердца,* очень недалекую отъ жестокости дикихъ звѣрей и достойную должной кары.

Конечно, въ тѣ времена любовныя ухаживанія и испытанія въ любви мало походили на наши. Тогда, когда физической силѣ придавали больше значенія, чѣмъ теперь, благосклонность женщинъ пріобрѣталась и удерживалась выдающейся мощью и неустрашимостью (доказательство тому—сватовство Зигфрида и Гунтера, Геттеля и Гервига, Гамурета и Перцеваля). Турниры въ средніе вѣка были, по преимуществу, мѣстомъ, гдѣ рыцарь пріобрѣталъ сердце дамы... Но Кунигунда безчеловѣчно посылаетъ своего рыцаря не на сраженіе съ людьми, но на неравный бой съ дикими звѣрями». Подобное порученіе могла дать одна *воплощенная кокетка*—существо, способное даже высокое чувство любви обратить въ предметъ забавы и искреннею преданностью питать свое мелкое тщеславіе.

Всю ничтожность мотивовъ, всю опасность и унизительность борьбы ясно понялъ и де-Лоржъ и все же не счелъ возможнымъ отказаться: предложеніемъ подвергнуто сомнѣнію его мужество, затронута рыцарская честь. Чтобы спасти ее отъ оскорбительныхъ подозрѣній, немедля встаетъ онъ со своего мѣста, молча— теперь не до словъ—безъ признаковъ смущенія, твердо сходитъ къ разъяреннымъ и готовымъ къ бою страшнымъ животнымъ, изъ которыхъ каждый могъ растерзать его; смѣло поднимаетъ перчатку, ни однимъ движеніемъ не обнаруживаетъ радости о счастливомъ исходѣ предпріятія и съ прежнимъ невозмутимо-величавымъ спокойствіемъ возвращается назадъ.

Его безусловное мужество и непоколебимая честность ясны, какъ день.

Онъ—мужъ, передъ нравственной мощью котораго стушевались даже сами дикіе звѣри: застигнутые врасплохъ, они не нашлись, какъ имъ поступить, и оставили его въ покоѣ.

Свидѣтели подвига, рыцари и дамы, опомнившись отъ страха, всѣ въ удивленіи наперерывъ громко привѣтствуютъ его.

Сама Кунигунда, тщеславіе которой было удовлетворено, и ей не оставалось ни малѣйшей возможности сомнѣнію послѣ такъ блестяще доказанной преданности,—сама она, дама сердца, въ награду даритъ его нѣжно-любящимъ и еще болѣе обѣщающимъ взглядомъ.

Таково на всѣхъ впечатлѣніе отъ его отважнаго поступка!

Герой на верху славы, и полное счастіе отъ него уже близко.

А онъ? Въ благородномъ гнѣвѣ за попранное въ немъ рыцарское достоинство, де-Лоржъ, не обращая вниманія на любезные и многозначительные взгляды красавицы, холодно смотритъ на нее, презрительно бросаетъ ей въ лицо перчатку и со словами: «въ благодарности я не нуждаюсь!» отходитъ отъ нея, какъ предъ тѣмъ отошелъ отъ звѣрей, оставивъ ее съ ея перчаткой.

Въ сознаніи своихъ собственныхъ силъ онъ *довольствуется одной моральной побѣдой*—тѣмъ, что «ему раздалась

хвала изъ каждыхъ устъ», и *лицемѣрную любовь предаетъ публичному позору.*

Этимъ онъ отомстилъ за свое униженіе.

Какъ въ «Кубкѣ» мы не поняли бы всѣхъ свойствъ подвига юноши, если бы поэтъ не примѣнилъ своего взгляда на зависимость великаго дѣла отъ трудностей его выполненія и не сообщилъ намъ о всѣхъ ужасахъ Харибды: такъ точно и здѣсь потому только и открывается намъ возможность оцѣнить поступокъ де-Лоржа, что, благодаря предшествовавшему изображенію выхода животныхъ, знаемъ, какой опасности подвергала дама своего рыцаря.

Каждая черта изображенныхъ животныхъ образовъ непремѣнно возвышаетъ какую-нибудь черту нравственнаго облика рыцарской неустрашимости и самопожертвованія: его расправа съ Кунигундой, которая безъ того могла бы показаться грубою и несправедливою, теперь является совершенно заслуженной.

Все произведеніе построено такъ, что первая половина состоитъ какъ бы изъ трехъ актовъ небольшой звѣриной драмы: a) выхода льва, b) выхода тигра и c) выхода леопардовъ, а вторая изъ трехъ актовъ уже человѣческой драмы: a) насмѣшливаго обращенія Кунигунды, б) выполненія де-Лоржемъ порученія и c) расправы рыцаря съ дамой, при чемъ бросаніе перчатки составляетъ между ними какъ бы непосредствующее звено, но при этомъ каждый изъ предшествующихъ актовъ способствуетъ къ должному пониманію послѣдующихъ.

Такимъ образомъ, *роль первой половины чисто служебная.*

То же обстоятельство, что вторая часть начата, когда не кончена первая драма, насъ нимало не смущаетъ; напротивъ, намъ несравненно пріятнѣе и интереснѣе видѣть, что *борьба изъ сферы животныхъ переходитъ въ сферу человѣческую*, съ почвы матеріальной—на почву чисто нравственную.

Чего стоитъ одно то, что́ происходитъ въ душѣ героя.

Мы опасаемся за его судьбу, и, однако, наша боязнь должна уступить удивленію его мужественной рѣшимости, съ которой онъ совершаетъ дѣло. И затѣмъ, когда мы настроены на веселый ладъ при видѣ удачи предпріятія, при видѣ похвалъ, какія раздаются герою со всѣхъ сторонъ, когда сама Кунигунда даритъ его самымъ нѣжнымъ взгля-

домъ: храбрый рыцарь совершаетъ еще болѣе внушительное дѣло—*отвергаетъ любовный взглядъ, да съ корнемъ вырываетъ и самую любовь.*

Въ моментъ предъявленія Кунигундой своего требованія, у него, конечно, не было сознательнаго желанія такъ наказать ее за ея безсердечность: тогда въ немъ должно было говорить чувство оскорбленнаго достоинства, желаніе на дѣлѣ доказать все ничтожество сомнѣній въ его мужествѣ и честности.

Справедливый гнѣвъ не могъ быть силенъ и когда де-Лоржъ смотрѣлъ въ лицо смерти.

Но теперь, едва побѣждена опасность, негодованіе выступаетъ во всемъ напряженіи — и въ этомъ чувствѣ онъ бросаетъ ей въ лицо перчатку.

Неожиданность развязки—*полная.*

Трагическое внезапно разбилось о комическое: потому что смѣлое дѣло героя превратилось въ совершенно противоположное той цѣли, для которой, повидимому, оно предпринималось.

Тѣмъ не менѣе этотъ переходъ и исходъ находимъ вполнѣ естественнымъ: зазнавшееся лицо требовало должнаго наказанія.

Въ свою очередь и пріятное чувство, испытываемое при видѣ удовлетворенія, остается недолго, отступаетъ предъ другимъ, болѣе здоровымъ.

Въ той же мѣрѣ, въ какой поэтъ возстановилъ насъ противъ Кунигунды, онъ привлекъ всѣ наши симпатіи на сторону де-Лоржа. Мы чувствуемъ высокое уваженіе къ нравственной силѣ героя, съ которою онъ, отказываясь отъ мишурнаго, временнаго и условнаго, входитъ въ святилище нравственнаго благородства, какъ бы въ область неизмѣннаго, абсолютнаго. Не тотъ еще высокъ, кто при опасности не чувствуетъ страха — его мужество можетъ напоминать безумную смѣлость или излишнюю увѣренность въ избыткѣ силъ; не продолжительно реноме и того, кто свои подвиги приноситъ на службу наслажденіямъ, или не сумѣетъ выйти изъ заколдованнаго круга обычаевъ среды—будутъ поняты его мотивы, минуютъ обычаи, минуетъ и слава: но постоянно симпатиченъ тотъ, кого образъ стоитъ, какъ скала, кто всѣмъ жертвуетъ неизмѣнному, всегда уважаемому!

И де-Лоржу, несмотря на доказанное мужество, многаго бы недоставало, если бы онъ не сбросилъ съ себя прежнихъ оковъ.

Своимъ же разрывомъ де-Лоржъ доказалъ, что онъ натура мощная, готовая, чтобы отстоять свое нравственное достоинство, жертвовать, когда то нужно, своею жизнію, ея благами и обычаями — чувства и поступки людей малодушныхъ и узкихъ совершенно иные.

Въ его лицѣ виденъ *не столько рыцарь, сколько уже мужчина, человѣкъ*,— въ немъ рыцарство возвышается до человѣчности.

Съ отрицательнымъ результатомъ въ концѣ-концовъ соединяется, такимъ образомъ, и положительный.

Дмитрій Цвѣтаевъ.

„Кубокъ“.

Баллада «Кубокъ» по содержанію раздѣляется на 3 части.

Въ I-ой части поэтъ разсказываетъ о томъ, какъ царь бросилъ кубокъ въ море и предложилъ своимъ рыцарямъ и пажамъ достать его со дна морского.

Царь стоялъ на крутомъ обрывистомъ берегу моря, окруженный блестящей свитой. Тутъ были и знатные рыцари съ дамами, и простые оруженосцы.

Рокотъ волнъ, похожій на дразнящій шепотъ, и вся таинственность, покрывавшая страшныя бездны, возбудила въ царѣ желаніе сорвать покровъ съ тѣхъ тайнъ, которыя скрываетъ море въ своихъ глубинахъ, и узнать тѣ чудеса, которыя совершаются подъ водой. Кстати, представлялся удобный случай испытать храбрость рыцарей и пажей. Царь бросилъ свой золотой кубокъ въ бушующія волны и громогласно объявилъ, что тотъ, кто достанетъ этотъ кубокъ изъ глубины морской, получитъ его въ награду. Но никто не отозвался на призывъ царя. Царь повторилъ свое предложеніе. Всѣ молчали. Грозный видъ водоворота отбилъ охоту у самыхъ храбрыхъ и даже у любителей сильныхъ ощущеній. Царю пришлось въ 3-ій разъ предложить опас-

ный подвигъ. Всеобщее молчаніе было ему отвѣтомъ... На этомъ кончается 1-я часть баллады и начинается вторая.

Во второй части поэтъ описываетъ подвигъ молодого пажа и передаетъ разсказъ его о тайнахъ морского дна. Поэтъ искусно обрисовываетъ характеръ рыцаря и присущія ему качества: скромность, смиренность и почтительность къ старшимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ выступилъ впередъ молодой красавецъ-пажъ. Ему съ первой же минуты хотѣлось принять вызовъ царя, но почтительность къ старшимъ удерживала его отъ этого. Онъ боялся пристыдить рыцарей, которые сконфузятся при видѣ того, какъ простой пажъ храбрѣе всѣхъ ихъ, онъ хотѣлъ дать имъ время отозваться и, только видя, что никто не выступаетъ впередъ, осмѣлился выйти. Спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ онъ снялъ епанчу и поясъ и твердымъ шагомъ направился къ краю утеса.

Красота пажа произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Всѣ сердца забились сочувствіемъ къ отважному юношѣ и замерли отъ страха за его судьбу.

Всѣ глаза устремились къ водовороту, какъ бы желая узнать размѣры опасности, грозящей пажу.

Огромные валы съ ревомъ вырывались изъ морской пучины. Волны, одна больше другой, съ яростью набрасывались другъ на друга, сталкивались грудью, со страшнымъ воемъ и свистомъ разбиваясь въ молочную пѣну. Сѣдая зернистая пѣна водяными столбами подымалась къ небу и, разсыпаясь снопами алмазныхъ брызгъ, потрясала все море.

Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

Страшное усиліе утомило море. Волны ослабѣли, распались, открылось воронкообразное жерло, и уставшая вода хлынула туда, откуда вырвалась на свѣтъ Божій.

И глубь застонала отъ грома и рева.

Это былъ благопріятный моментъ.

Не ожидая, пока воды совершенно успокоятся и снова помчатся на поверхность моря, юноша, шепча слова молитвы, кинулся въ водоворотъ.

Зрители ахнули, вздрогнувъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ.

И бездна утихла.

Только внутри что-то рокотало.

Всѣ были поражены смѣлымъ подвигомъ.

Этотъ водоворотъ славился своей губительной силой. Не одно судно, увлеченное волнами на это опасное мѣсто, закружилось съ неимовѣрной быстротой и, проглоченное бездной, выплевывалось на берегъ въ видѣ мелкихъ щепокъ. Ни одинъ изъ свиты царя не сталъ бы рисковать жизнью изъ-за простого кубка. Если бы царь предложилъ имъ свой престолъ, и престолъ ихъ не прельстилъ бы. Такія мысли волновали сердца всѣхъ присутствовавшихъ, и всѣ мысленно посылали послѣднее прости прекрасному пажу.

Но пажъ не погибъ.

Морское теченіе подхватило его и увлекло на дно водоворота. Его съ ужасной силой кружило и било, онъ чувствовалъ, что лишается силъ, но сознаніе его не кинуло, онъ принесъ горячую молитву Всевышнему, и Всевышній его спасъ. Его поднесло къ утесу, и онъ уцѣпился за него. Висѣлъ тамъ и кубокъ.

Страшная тишина царила подъ водой, ни звука, ни шороха. Сильный полумракъ окружалъ всѣ предметы, очертанія расплывались, все принимало безобразный, фантастическій видъ. Юноша видѣлъ, какъ копошились на днѣ страшныя чудовища.

И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей—однозубъ...
Мокой ненасытный, гіена морская.

Сознаніе своего одиночества, безпомощности, опасное сосѣдство морскихъ чудовищъ заставило юношу содрогнуться. Ужасъ его еще болѣе увеличился, когда онъ услышалъ, какъ ползетъ къ нему какое-то стоногое чудище, разинувъ ротъ и собираясь его проглотить...

Онъ въ отчаяньи бросился отъ скалы.

Начинался приливъ. Готовилось новое водоизверженіе. Грозный потокъ, со стихійной силой оттолкнувшись отъ дна, подхватилъ пажа и выбросилъ на берегъ.

Берегъ огласился веселыми криками. Пажъ въ одну минуту сдѣлался столь близкимъ всѣмъ присутствующимъ, что ихъ охватила нескрываемая радость.

Юноша бросился къ ногамъ царя и скромно положилъ кубокъ. И царь приказалъ дочери налить ему въ кубокъ вина.

Юноша выпилъ вино и сталъ разсказывать царю все, что видѣлъ и перечувствовалъ въ морской глубинѣ. Онъ говорилъ, что уже раскаивается въ своемъ подвигѣ, не изъ малодушія, а потому, что *подобные подвиги являются дерзостью по отношенію къ Богу*. Богу угодно было скрыть отъ глазъ человѣческихъ тайны подводнаго міра, это Его воля, и *люди должны довольствоваться тѣмъ, что открывается ихъ кругозору на землѣ, и не стараться проникать въ тайны, сокрытыя отъ нихъ*.

...Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!..
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

Этимъ кончается вторая часть баллады.

Въ третьей части поэтъ разсказываетъ о второмъ подвигѣ и смерти пажа.

Разсказъ юноши заинтересовалъ царя. Но ему захотѣлось узнать побольше, и онъ предлагаетъ пажу повторить подвигъ, обѣщая ему въ награду кромѣ кубка и алмазный перстень.

Царевнѣ это кажется жестокимъ. Она близко принимаетъ къ сердцу судьбу юноши; его красота, его смѣлость, отвага и скромность зажгли въ ней новое чувство, нѣчто болѣе, чѣмъ простую симпатію. Ее волнуетъ мысль, что юноша можетъ погибнуть и она, преборовъ дѣвическую стыдливость, вся краснѣя отъ мысли, что присутствующіе могутъ разгадать ея чувство, проситъ отца пощадить красавца, а если ужъ требуется повторить подвигъ,—то послать отважнаго рыцаря, а не молодого пажа.

Царь какъ будто не обращаетъ вниманія на просьбу дочери и хладнокровно бросаетъ кубокъ въ волны; но волненіе дочери не ускользаетъ отъ его взора. Онъ не будетъ деспотомъ по отношенію къ дочери, и добавляетъ, что, если юноша достанетъ кубокъ, онъ сдѣлаетъ его рыцаремъ и выдастъ за него свою дочь.

Юноша смотритъ на царевну.

Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ.

Онъ понимаетъ, что она его любитъ, и въ неописуемой радости бросается въ море..., чтобы больше не вернуться.

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Баллада «Кубокъ» и по формѣ, и по содержанію принадлежитъ къ произведеніямъ *романтической* поэзіи. Романтическій элементъ въ балладѣ составляетъ *и сюжетъ*, заимствованный изъ средне-вѣковой рыцарской жизни, *и вся обстановка*, и *общій тонъ баллады*, ея, такъ сказать, *колоритъ*.

Главная идея баллады заключается въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ пажемъ:

... Смертный предъ Богомъ смирись
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

Человѣкъ не долженъ пытаться проникнуть въ тѣ тайны природы, которыя Богу благоугодно было сокрыть отъ человѣческаго взора и пониманія. Подобная попытка является дерзостью по отношенію къ Творцу и можетъ окончиться печально.

Это идея глубоко-христіанская. Смиренье и покорность Творцу—вотъ начала, на которыхъ зиждется счастье и душевный покой человѣка. Пажъ нарушилъ первые законы благочестія, сознательно испыталъ судьбу и палъ жертвой своей горячности.

Человѣку трудно смирить свой мятежный духъ. Пытливый и любознательный умъ не даетъ ему покоя, оттого у него жизнь идетъ въ разрѣзъ съ нравственными началами и религіозными догматами. Сознаніе этой раздвоенности человѣческой природы наполняетъ душу поэта *элегическимъ чувствомъ*, и его баллада отъ этого-то носитъ отпечатокъ

грусти, вытекающей изъ сожалѣнія поэта къ слабости духовной организаціи человѣка и изъ сожалѣнія, что человѣкъ не можетъ достигнуть высшаго христіанскаго идеала. Эта грусть составляетъ отличительное свойство романтизма.

Баллада «Кубокъ» отличается крупными достоинствами и замѣчательна по своей художественности. Художественность эта выражается въ строгомъ, логически-послѣдовательномъ планѣ, прекрасныхъ описаніяхъ и искусныхъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ.

Художественное чутье подсказало Шиллеру, что описаніе водоворота надо помѣстить не въ началѣ баллады, а во второй части сейчасъ послѣ выступленія пажа. Въ первомъ случаѣ описаніе явилось бы эпизодическимъ, ничѣмъ не связаннымъ съ содержаніемъ баллады, между тѣмъ въ послѣднемъ случаѣ описаніе это вполнѣ естественно и тѣсно связано и съ предыдущимъ, и съ послѣдующимъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно ярче обрисовываетъ характеръ пажа. Водоворотъ страшенъ, заставляетъ вздрогнуть всякаго, кто посмотритъ на него, а смѣлый юноша, даже не поблѣднѣвъ, съ полнымъ самообладаніемъ бросается въ волны.

А какъ искусно характеризуетъ поэтъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ не называетъ по имени главныя черты характера. Изъ ихъ поступковъ, изъ ихъ движеній, мы живо представляемъ себѣ ихъ нравственный обликъ.

Красавецъ-пажъ наивно скроменъ. Какъ бы не сознавая величія своего подвига, онъ смиренно выходитъ впередъ, спокойно снимаетъ епанчу и поясъ и спокойно бросается въ волны. Онъ почтителенъ, ему хочется заявить о своемъ желаніи броситься за кубкомъ, но его удерживаетъ мысль, что онъ можетъ сконфузить старшихъ рыцарей—и онъ ждетъ, не отзовется ли кто-нибудь, и только послѣ 3-го обращенія царя выступаетъ впередъ. Онъ набоженъ: въ минуту опасности онъ призываетъ на помощь Спасителя.

Психологически вѣрно описано душевное состояніе царевны. Ее волнуетъ мысль, что пажъ можетъ погибнуть. Она заступается за него. Она краснѣетъ, потому что любитъ его—а, какъ честная натура, не можетъ скрыть этого. А царь... Царь отлично знаетъ жизнь. Ему достаточно разъ

взглянуть на дочь—и онъ читаетъ на ея лицѣ всѣ тайны ея сердца...

Крупнымъ достоинствомъ баллады является и *отсутствіе въ ней фантастическаго элемента.* Можно, правда, указать на гиперболическое, мало вѣроятное описаніе морскихъ чудовищъ, но стоитъ только вспомнить, когда и гдѣ происходитъ дѣйствіе, чтобы согласиться, что эта маленькая доза фантастическаго элемента только придаетъ колоритъ балладѣ. При томъ разсказъ ведется отъ имени пажа, и вполнѣ естественно, что ему во мракѣ что-нибудь показалось не такъ.

Заслугой же Жуковскаго является то, что онъ передалъ намъ всѣ тонкости шиллеровской поэзіи, шиллеровскаго языка. Правда, встрѣчаются нѣкоторыя неточности, въ родѣ перевода keck—дерзко, fahre wohl—прости, искажающихъ немного смыслъ, но подобныя погрѣшности вполнѣ простительны.

Н. Г. Григорьевъ.

„Перчатка".

Въ основу баллады положенъ разсказъ объ отважномъ подвигѣ, совершенномъ рыцаремъ Франциска I-го, Делоржемъ.

Баллада состоитъ изъ двухъ частей. Въ I-ой части описывается свита Франциска I-го и выходъ звѣрей на арену, а во II-ой подвигъ Делоржа.

Однажды Францискъ I, король французскій, сидѣлъ на балконѣ своего звѣринца, окруженный блестящей свитой и цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ. Всѣ внимательно смотрѣли на арену, гдѣ долженъ былъ произойти бой звѣрей. Король далъ знакъ, и на арену выпустили льва. Левъ былъ мраченъ и угрюмъ и съ гордой осанкой, медленными, исполненными граціи движеніями вышелъ изъ клѣтки, зѣвнулъ и легъ.

Король вторично махнулъ рукой, и изъ открывшейся клѣтки выскочилъ тигръ въ самомъ игривомъ настроеніи духа. Но при видѣ льва, съ него какъ рукой сняло весе-

лость, и онъ съ сердитымъ ворчаньемъ обошелъ льва кругомъ, держась отъ него на почтительномъ отдаленіи, и легъ.

По третьему знаку короля выпустили двухъ барсовъ. Въ одну минуту они перемахнули разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ тигра, но одинъ ударъ лапы сбилъ съ нихъ всю спѣсь и они, оскаливъ зубы и зарычавъ, отошли въ сторону и легли.

Гости съ нетерпѣніемъ ожидали начала боя. Вдругъ общее вниманіе было привлечено женской перчаткой, которая сорвалась съ балкона и упала межъ звѣрей.

Перчатка не упала случайно, ее бросила нарочно красавица, за которой ухаживалъ рыцарь Франциска, Делоржъ. Эта красавица была самая пустая женщина, ей ничего не стоило погубить человѣка, послать на самый опасный подвигъ. Она не вѣрила любви рыцаря, а, можетъ быть, не задумывалась даже надъ его чувствомъ—и мучила его колкостями. Потѣшаясь надъ нимъ, она заставляла его приводить все новыя и новыя доказательства своей любви. Наконецъ, ей впала въ голову несчастная мысль послать его на арену за перчаткой. Она еще не вполнѣ знала смѣлость и отвагу своего ухаживателя, и смотрѣла на него съ убійственно колкой улыбкой, ожидая, что онъ откажется отъ рискованнаго подвига. Но Делоржъ не отказался. Онъ, не говоря ни слова, сошелъ на арену и, хладнокровно поднявъ перчатку, невредимо поднялся на балконъ. У всѣхъ присутствующихъ сердце замерло отъ ужаса; сами звѣри были ошеломлены подобной смѣлостью, а герой, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ обществу. Его встрѣтилъ громъ рукоплесканій. Красавица, въ первый, можетъ быть, разъ оцѣнила, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло, и радостно привѣтствовала его, но и рыцарь оцѣнилъ свою красавицу. Ему представилось во всей своей ужасающей наготѣ ея легкомысліе, и онъ, совершенно равнодушный къ ея любви, бросилъ ей въ лицо перчатку, сказавъ:

„Не требую награды!“

Баллада «Перчатка» рисуетъ передъ нами *интересную, полную движенія и воздуха картину изъ средневѣковой жизни.*

Какъ живой, встаетъ передъ нами великолѣпный дворъ французскаго короля съ его кавалерами и роскошными дамами.

Очень художественно воспроизведена одна изъ самыхъ любимыхъ забавъ средневѣковой аристократіи.

Въ балладѣ отразилась также одна изъ чертъ рыцарскаго быта, но уже въ пору разложенія рыцарства.

Въ балладѣ «Кубокъ» изображено *то почтеніе, то благоговѣніе, съ которымъ рыцари относились къ дамамъ.*

Въ этомъ благоговѣніи, въ этой самоотверженности есть что-то необыкновенно граціозное, красивое и идеальное.

Въ балладѣ «Перчатка» воспроизводится отрицательное послѣдствіе этого поклоненія женщинѣ. Зная вѣжливость и самоотверженіе рыцарей, легкомысленныя дамы часто злоупотребляли своимъ вліяніемъ на нихъ и доводили ихъ до того, что они забывали всякія приличія и оскорбляли даму сердца...

Эти черты изъ средневѣковой жизни дѣлаютъ балладу Шиллера *романтическимъ* произведеніемъ.

«Перчатка» отличается крупными художественными достоинствами, которыя дѣлаютъ ее перломъ поэзіи.

Замѣчательна *характеристика звѣрей*, выпущенныхъ на арену. Шиллеръ прекрасно передаетъ ихъ темпераментъ, ихъ привычки.

Баллада замѣчательна также по *музыкальности и изобразительности языка.*

Въ самомъ дѣлѣ, языкъ баллады какъ бы живетъ. Въ немъ чувствуются и движенія звѣрей, и присутствіе публики, и скрипъ отворяемаго замка и лязгъ желѣза, слышится рычанье льва и мяуканье тигра.

Медленныя, лѣнивыя движенія льва изображаются длинными стихами и полисинтетономъ, т. е. частымъ повтореніемъ союза «и»:

И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ,
Кругомъ глаза угрюмо водитъ,
И вотъ, все оглядѣвъ,

Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ.

Мѣрныя, осторожныя, мягкія движенія тигра выражаются мѣрными стихами:

И смѣлый тигръ...
Себя хвостомъ по бедрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.

Въ стихахъ:

Они (барсы) смирились,
Оскаливъ зубы, отошли
И зарычали, и легли...

чувствуется страхъ барсовъ передъ тигромъ, безсильная злоба противъ него, неудовольствіе, что не удалось поиграть, и та неохота, съ которой они легли.

Стихъ:

Затворъ желѣзной двери грянулъ

заставляетъ вздрогнуть читателя. Ему кажется, что онъ слышетъ этотъ непріятный, рѣжущій ухо звукъ.

Н. Г. Григорьевъ.

Идеальныя черты рыцарства по балладѣ „Кубокъ“.

Въ своихъ балладахъ изъ средневѣковой жизни Шиллеръ со свойственнымъ ему мастерствомъ, въ высшей степени художественно воспроизвелъ характерныя черты рыцарства.

Ярче всего идеальныя черты рыцарства изображены въ балладѣ «Кубокъ».

Изъ этой баллады мы видимъ, что преобладающей чертой характера рыцарей была ихъ *религіозность.* Религіозность эта проявлялась не въ одномъ только исполненіи

внѣшней, обрядовой стороны религіи,—рыцари показали болѣе глубокое пониманіе принциповъ христіанской религіи.

Въ рыцаряхъ жила *глубокая вѣра въ Провидѣніе*, въ Божественный Промыселъ. Рыцари понимали, что никакое дѣло не можетъ имѣть успѣха безъ Божьей помощи. А потому, предпринимая свои подвиги, они прежде всего приносили *горячую молитву Всевышнему* и затѣмъ уже бросались на опасный подвигъ съ твердой вѣрой въ успѣхъ своего дѣла.

Такъ, юный пажъ, бросаясь въ бушующія волны, шепчетъ слова молитвы и отважно борется со страшной силой, увлекающей его на дно водоворота. Онъ убѣжденъ, что Богъ не дастъ ему погибнуть въ безднѣ, и это убѣжденіе даетъ ему силу сохранить твердость духа и полное самообладаніе надъ яростными волнами и подъ водою, вдали отъ всѣхъ людей, вдали отъ всего міра. Ему удалось уцѣпиться за утесъ,—онъ видитъ въ этомъ проявленіе Божественнаго Промысла; ему удалось вернуться на берегъ, онъ видитъ въ этомъ защиту своего Ангела-хранителя. Ему удалось совершить опасный подвигъ и приподнять завѣсу, скрывающую отъ взоровъ человѣка тайны морского дна, но онъ сознаетъ, что онъ совершилъ дерзость по отношенію къ Богу, осмѣлившись проникнуть въ тѣ тайны, которыя Онъ мудро скрылъ отъ глазъ человѣческихъ.

Религіозное чувство воспитывало въ рыцаряхъ *почтительность къ старшимъ*. Эта почтительность доходила до того, что рыцарь боялся произнести слово, сдѣлать движеніе, которое могло бы возбудить неудовольствіе въ старшихъ.

Въ молодомъ пажѣ бурлитъ молодая кровь. Ему страстно хочется принять предложеніе царя и отличиться. Но онъ всѣми силами сдерживаетъ свою нетерпѣливость: можетъ быть, кто-нибудь изъ старшихъ рыцарей уже рѣшился на опасный подвигъ, а онъ, юнецъ, вдругъ выскочитъ съ мальчишеской стремительностью и заставитъ покраснѣть заслуженныхъ рыцарей. Онъ терпѣливо ждетъ, не отзовется ли кто-нибудь, и только послѣ третьяго предложенія царя выходитъ, видя, что всѣ молчатъ въ нерѣшительности.

Съ религіозностью и почтительностью къ старшимъ соединялась въ рыцаряхъ *львиная отвага, безтрепетное мужество*. Подъ нѣжной, почти женственной красотой юнаго

пажа скрывалась римская добродѣтель. Зловѣщій видъ водоворота заставляетъ содрогнуться самыхъ отважныхъ рыцарей, а пажъ, почти мальчикъ, не дрогнувъ, бросается въ воронкообразное жерло.

И подобные геройскіе подвиги совершались спокойно, скромно, *безъ всякой похвальбы, безъ всякой рисовки.* Рѣшившись на опасный подвигъ, юный пажъ скромно выступаетъ изъ толпы, спокойно проходитъ подъ перекрестнымъ огнемъ восторженныхъ взглядовъ, спокойно бросается въ волны. Онъ въ простотѣ сердечной какъ бы не понимаетъ, чѣмъ это восхищаются присутствующіе, онъ смотритъ на свой подвигъ, какъ на нѣчто обыкновенное, изъ ряда вонъ не выходящее.

Нерѣдко славные подвиги совершались *въ честь дамы сердца.* Каждый рыцарь выбиралъ себѣ красавицу, вниманіе которой и старался заслужить своими подвигами. Служеніе женщинѣ было возведено почти въ культъ. Довольно было одного ласковаго взгляда, одной благосклонной улыбки, чтобы рыцарь бросился на самый опасный подвигъ.

Пажъ уже измученъ первымъ подвигомъ. Всѣ члены истомлены, ослаблены, сердце усиленно бьется, въ вискахъ стучитъ. Онъ знаетъ, что если повторитъ свой подвигъ, то погибнетъ въ водоворотѣ; онъ сознаетъ, что Богъ, простивши ему одну дерзость, не проститъ ему другой; но мысль, что царевна его любитъ, что она боится за него, наполняетъ его сердце бурною радостью, и онъ смѣло бросается въ волны, чтобы заслужить руку своей красавицы.

Н. Г. Григорьевъ.

„Торжество побѣдителей" въ переводѣ Жуковскаго.

Нигдѣ съ такою полнотою и такою силою не выразилъ Шиллеръ, не воспроизвелъ поэтическаго образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ побѣдителей».

Эта пьеса есть *апоѳеоза всей жизни, всего духа Греціи:* эта пьеса — вмѣстѣ *и поэтическая тризна, и побѣдная пѣснь въ честь отечества, боговъ и героевъ.*

Она написана *въ греческомъ духѣ, облита свѣтомъ міро-объемлющаго созерцанія греческаго.*

Шиллеръ говоритъ не отъ себя: онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ самой себя и за самое себя.

Величіе и важность греческой трагедіи слиты въ этой пьесѣ Шиллера съ возвышенною и кроткою скорбью греческой элегіи.

Въ ней видится и свѣтлый Олимпъ съ его блаженными обитателями, и подземное царство Аида, и земля, съ ея добромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтожностію,— и царящая надъ всѣми ими мрачная Судьба, верховная владычица боговъ и смертныхъ...

Нельзя шире и вѣрнѣе воспроизвести нравственной физіономіи народа, уже не существующаго столько тысячелѣтій!

Побѣдоносные греки готовятся отплыть отъ враждебныхъ береговъ Трои въ свое отечество и собрались къ острогрудымъ кораблямъ праздновать тризну въ честь минувшаго. Калхасъ приноситъ жертву богамъ.

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Каждый изъ героевъ, участвовавшихъ въ великомъ событіи паденія «священнаго Пріамова града», высказывается какимъ-нибудь сужденіемъ, примѣненнымъ къ обстоятельству.

Хитроумный Одиссей замѣчаетъ, что не всякій насладится миромъ, возвратившись въ свой домъ, и, пощаженный богомъ войны, часто падаетъ жертвою вѣроломства жены.

Менелай говоритъ о неизбѣжномъ судѣ всевидящаго Кронида, карающаго преступленія.

Особенно замѣчательны слова Аякса Олеида:

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Но эта горестная и *мрачная мысль* сейчасъ же, по свойству всеобщаго и многосторонняго духа греческаго, разрѣшается *въ веселое и свѣтлое созерцаніе:*

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Вообще, эти четверостишія, слѣдующія за каждымъ куплетомъ, напоминаютъ собою *хоръ* изъ греческой трагедіи. Олеидъ продолжаетъ:

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева,
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

Воспоминаніе объ Ахиллѣ дышетъ всею полнотою греческаго созерцанія героизма:

О, Ахиллъ! о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Великодушная похвала Гектору, вложенная Шиллеромъ въ уста Діомеда, есть истинный образецъ высокаго въ чувствованіи и выраженіи:

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;

Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но что̀ можетъ сравниться съ этою трогательною, этою умиляющею душу картиною «убѣленнаго жизнію» Нестора, со словами кроткаго утѣшенія подающаго кубокъ страждущей Гекубѣ!

Здѣсь въ рѣзкой характеристической чертѣ схвачена вся *гуманность греческаго народа:*

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.

Пей страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!

Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета!

Эта высокая ораторія заключается мрачнымъ финаломъ: пророчество Кассандры намекаетъ на перемѣнчивость участи всего подлуннаго и на горе, ожидающее самихъ побѣдителей Трои:

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Но съ греческимъ міросозерцаніемъ несообразно оканчивать высокую пѣснь раздирающимъ душу диссонансомъ: богатая и полная жизнь сыновъ Эллады въ самой себѣ, даже въ собственныхъ диссонансахъ, находила выходъ въ гармонію и примиреніе съ жизнью,—и потому пьеса Шиллера достойно заключается утѣшительнымъ обращеніемъ отъ смерти къ жизни, словно музыкальнымъ аккордомъ:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи:
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

Такой былъ *греческій романтизмъ:* на гробахъ и могилахъ загоралась для него вѣчная заря жизни; *несчастія и гибель индивидуальнаго не скрывали отъ его глубокаго и широкаго взгляда торжественнаго хода и блаженствующей полноты общаго*; на веселыхъ пиршествахъ ставилъ онъ урны съ пепломъ почившихъ, статуи смерти, и, глядя на нихъ, воскликнулъ:

Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

Смерть для грека являлась не мрачнымъ, отвратительнымъ остовомъ, но прекраснымъ, тихимъ, успокоительнымъ геніемъ сна, кротко и любовно смежавшимъ навѣки утомленныя страданіемъ и блаженствомъ жизни очи...

Переводъ Жуковскаго «Торжества побѣдителей» есть образецъ превосходныхъ переводовъ,—такъ что если, при тщательномъ сравненіи, иныя мѣста окажутся не вполнѣ вѣрно, или не вполнѣ сильно переданными,—зато еще болѣе найдется мѣстъ, которыя въ переводѣ сильнѣе и лучше выражены.

Такъ, напримѣръ, у Шиллера сказано просто: «И въ дикое празднество радующихся примѣшивали онѣ (плѣнныя

жены и дѣвы троянскія) плачевное пѣніе, оплакивая собственныя страданія и паденіе царства».

У Жуковскаго это выражено такъ:

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

В. Г. Бѣлинскій.

„Элевзинскій праздникъ“.

Призывъ на праздникъ богини земледѣлія, Цереры, и значеніе его, какъ воспоминаніе тѣхъ благъ, которыми богиня осчастливила человѣка: «Церера сдружила враждебныхъ людей, жестокіе нравы смягчила и въ домъ постоянный межъ нивъ и полей шатеръ подвижной обратила».

Здѣсь представляется, что *первое основаніе цивилизаціи было земледѣліе:* она начинается съ той минуты, какъ человѣкъ перешелъ отъ бродячей жизни къ осѣдлой, связалъ свой трудъ съ землею и составилъ общество.

Чтобы вполнѣ оцѣнить благодѣяніе Цереры, поэтъ изображаетъ то дикое состояніе, въ какомъ человѣкъ находился въ началѣ, ведя жизнь кочевую; въ пещерахъ скалъ скрывался троглодитъ, по полямъ скитался номадъ, по лѣсамъ бѣгалъ звѣроловъ.

Они-то своею дикостью и кровожадностью и поразили мать Цереру, когда она впервые сошла съ Олимпа на землю, отыскивая свою похищенную дочь Прозерпину.

Нигдѣ богиня не находитъ себѣ пріюта, нигдѣ не видитъ храма, по которому бы можно было заключить, что люди знаютъ и почитаютъ боговъ: человѣкъ повсюду представляется ей въ глубокомъ униженіи, а между тѣмъ онъ сотворенъ Зевесовой рукою, онъ облеченъ въ Олимпійскую красоту, онъ владѣлецъ всего земного міра, и для чего же? Для того, чтобы въ этомъ мірѣ онъ страдалъ, какъ узникъ, брошенный въ заточенье.

Богиня сожалѣетъ, что къ богамъ еще не дошла земная скорбь, что никто изъ нихъ до сихъ поръ не сжалился надъ людьми и не вырвалъ ихъ изъ бездны бѣдъ.

Но *чтобы понимать горе другого, нужно самому чувствовать его въ собственномъ сердцѣ.*

Изъ боговъ только она одна узнала горе, потерявъ дочь; одна она и поняла его огорченнымъ сердцемъ, она-то и задумывала возвысить человѣка душою изъ такой низости.

Для этого ему должно было вступить въ вѣчный союзъ съ древней матерью землею, узнать законы времени, познакомиться съ природою.

Съ такими намѣреніями богиня является передъ дикарями въ своей небесной красотѣ:

Конченъ бой, они какъ тигры
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

При этомъ приглашеніи Церера содрогается, объявляя что богамъ кровь противна, что въ такомъ состояніи люди не выше звѣрей, которые чужды богамъ; чистымъ угодно только чистое:

Даръ достойнѣйшій небесъ
Нивы колосъ первородный,
Сокъ оливы, плодъ древесъ,

слѣд., то, что земля можетъ давать человѣку отъ его трудовъ.

Тутъ богиня научаетъ человѣка земледѣлію и первый снопъ приноситъ въ жертву Зевесу съ молитвою просвѣтить незнающихъ его.

Вѣчный богъ не отринулъ жертвы и своимъ громомъ зажегъ снопъ въ знакъ того, что жертва ему угодна.

Это чудо проникло въ сердца дикарей, смягчило ихъ, и съ той минуты начинается ихъ *нравственное возвышеніе* является вѣра, богопочтеніе, покорность передъ божествомъ.

Съ этимъ вмѣстѣ *всѣ божсетва сходятъ съ Олимпа на землю* къ человѣку и для его возвышенія передаютъ ему разныя познанія: въ образѣ Фемиды является между людьми сознаніе правды и права собственности, какъ первое основаніе общества; являются ремесла, строятся города для безопаснаго пріюта, плотину въ защиту отъ морскихъ приливовъ, развивается кораблестроеніе, разныя искусства, созидаются храмы, утверждается бракъ, какъ союзъ священный и прочное основаніе семейной жизни.

Изъ всего этого создается гражданство.

Теперь богиня Церера обращается уже не къ дикарямъ, а къ гражданамъ съ цѣлью опредѣлить имъ свободу, какъ нравственное основаніе жизни:

Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
Правитъ всѣмъ свободно Богъ.
Ихъ законъ — законъ природы.

Человѣку не можетъ принадлежать ни дикая свобода звѣря, безсознательно живущаго по закону своей природы, ни творческая свобода божества, высказывающагося также въ законахъ природы.

Онъ своимъ зоркимъ умомъ, составляя звено между обѣими крайностями свободы, *созданъ для гражданства*, для жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Здѣсь лишь нравами одними
Можетъ быть свободенъ онъ.

Эта нравственная свобода составляетъ благородство жизни, оно могло развиваться только *въ союзѣ человѣка съ человѣкомъ*, — въ союзѣ, который могъ совершиться посредствомъ связи человѣка съ землею.

Этою мыслью и оканчивается стихотвореніе.

Главныя его части: 1) дикое состояніе человѣка до земледѣлія; 2) явленіе земледѣлія; 3) развитіе цивилизаціи, какъ его слѣдствія; 4) нравственное благородство человѣка.

Несмотря на то, что поэтъ развиваетъ здѣсь миѳъ изъ классической древности, *самыя идеи, выраженныя въ немъ, не могли принадлежать той древности*, которая признавала рабство, какъ явленіе законное.

Здѣсь имѣется въ виду возвысить человѣка, какъ существо нравственно свободное, которое дошло до сознанія своей свободы черезъ цивилизацію, развившуюся изъ связи человѣка съ землею.

Это одна изъ прекрасныхъ идей, развиваемыхъ романтизмомъ, который стремился разъяснить нравственныя достоинства человѣка и ими возвысить его природу, что можно встрѣтить особенно у Шиллера и что Пушкинъ, говоря о Ленскомъ, *назвалъ* вольнолюбивыми мечтами.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ идей и развивалась большая часть нашихъ писателей, начавшихъ настоящій періодъ русской литературы, который обыкновенно называютъ народнымъ.

В. Стоюнинъ.

„Жалоба Цереры" и „Элевзинскій праздникъ".

«Жалоба Цереры» — тоже одно изъ величайшихъ созданій Шиллера—передана по-русски Жуковскимъ съ такимъ же *изумительнымъ совершенствомъ*, какъ и «Торжество побѣдителей».

Въ этой пьесѣ Шиллеръ воспроизвелъ романтическій образъ элевзинской Цереры — *нѣжной и скорбящей матери, оплакивающей утрату дочери своей Прозерпины*, похищенной мрачнымъ владыкой подземнаго царства, суровымъ Аидомъ:

Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Чтò усладою утратъ?
Насъ, безрадостно блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ поэтическомъ образѣ брошеннаго на землю зерна, котораго корень ищетъ ночной тьмы и питается стиксовой струей, а листъ выходитъ въ область неба и живетъ лучами Аполлона — *въ этомъ дивно поэтическомъ образѣ Шиллеръ выразилъ глубокую идею связи романтическаго міра сердца и чувства съ міромъ сознанія и разума*, и сдѣлалъ самый поэтическій намекъ на скорбь и утѣшеніе божественной матери: этотъ корень, ищущій ночной тьмы и питающійся стиксовой водой, и этотъ листъ, радостно рвущійся на свѣтъ и подымающійся къ небу,—

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И проходятъ отъ Коцита
Милой вѣстью для меня;

И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ.
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

Сколько скорбной и умилительной любви въ этомъ обращеніи романтической богини къ любимымъ чадамъ ея материнскаго сердца—къ цвѣтамъ:

О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей!
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой
И съ аврориньмъ сіяніемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаетъ радость,
И печаль души моей!

Въ «Элевзинскомъ праздникѣ» Шиллера есть опять поэтическая апоѳеоза Цереры; но здѣсь эта богиня представлена уже съ другой ея стороны.

Въ «Жалобѣ Цереры» эта богиня является *представительницей греческаго романтизма;* въ Элевзинскомъ «праздникѣ» она является *божествомъ благотворно дѣятельнымъ*—очеловѣчиваетъ и одухотворяетъ подобныхъ троглодитамъ людей, научая ихъ земледѣлію, соединяетъ ихъ въ общества, даетъ имъ боговъ и храмы, низводитъ къ нимъ ремесла и искусства и посѣваетъ между ними сѣмена гражданственности.

Эта превосходная поэма Шиллера превосходно переведена Жуковскимъ.

В. Г. Бѣлинскій.

„Ивиковы журавли".

Даже въ далеко отступившемъ отъ подлинника переводѣ Жуковскаго такъ и вѣетъ поэтической стихіей греческой жизни; оригиналъ же еще крѣпче и выдержаннѣе: *художественность и историческія достоинства его стоятъ внѣ всякихъ пререканій.*

I. Кратко и превосходно *введеніе* въ дѣйствіе.

Въ простомъ и спокойномъ разсказѣ, которымъ начинается баллада, мы быстро знакомимся *съ временемъ и личностью*, около которыхъ все совершается: мы застаемъ пѣвца на пути къ великому національному празднику наипоэтическаго народа земли. И хотя названіе игръ пока прямо не означено, но описательная форма произведенія не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что цѣлью стремленій Ивика были соединявшія грековъ веселыя истмійскія игры.

Внѣшній видъ пѣвца — скромный, и это, повидимому, только для того, чтобы ярче свѣтились его высокія свойства души.

Странникъ—поэтъ, въ своеобразномъ греческомъ смыслѣ.

Въ отличіе отъ обыкновенныхъ смертныхъ, онъ *очень близокъ къ богамъ, ихъ другъ и посланникъ* его воодушевляющаго бога; свой даръ онъ получилъ отъ Аполлона, который щедро наградилъ его поэтическимъ дарованіемъ и способностью выражать свой внутренній міръ въ пріятныхъ слушателямъ пѣсняхъ: источникъ его пѣсенъ, такимъ образомъ,— *даръ божественнаго происхожденія.*

Полный высшаго вдохновенія, Ивикъ стремился, чтобы излить его, принявъ участіе въ предстоящихъ въ Истмѣ состязаніяхъ, конечно, не безъ надежды выйти побѣдителемъ и тѣмъ прославить себя и другихъ.

А между тѣмъ этотъ необыкновенный человѣкъ, державшій путь отъ Регіума, по Истмійскому перешейку, шелъ пѣшкомъ, безъ имущества, съ однимъ посохомъ въ рукѣ— какъ бы въ знакъ, что люди, богатые духомъ, рѣдко бываютъ богаты имуществомъ.

Поэтъ не изображаетъ дальнѣйшихъ внѣшнихъ чертъ Ивика.

На этотъ разъ онъ близокъ былъ ко взгляду Лессинга, по которому рисовать предметы — дѣло живописи, область же поэзіи — явленія, событія; и предметовъ необходимо касаться настолько, насколько они обнаруживаютъ себя въ дѣйствіи; потому онъ, давши нѣсколько штриховъ, тотчасъ же, не останавливаясь, и продолжаетъ свою повѣсть.

II. Путешествіе близится къ концу. Вонъ уже виднѣются Коринѳскія высоты, до цѣли остается пройти только Посейдонову сосновую рощу. Отъ представленія святости мѣста, съ благоговѣніемъ и почтительнымъ страхомъ, вступаетъ въ него Ивикъ. Никто не нарушаетъ царствующей кругомъ тишины; его сопровождаютъ однѣ стаи журавлей, которыя неслись на теплый югъ.

Этотъ переходъ отъ изображенія одиночества и ничѣмъ не нарушаемой тишины къ описанію единственно живого существа журавлей здѣсь кстати и естественъ.

Журавли сравниваются съ частью коннаго войска, пепельно-сѣрымъ эскадрономъ,—по сходству формы полета стаи въ видѣ впереди сходящихся линій.

Ихъ видъ до того привлекаетъ наше вниманіе, что насъ ни мало не смущаетъ допущенное авторомъ совмѣщеніе никогда въ дѣйствительности не совпадавшихъ явленій: игры совершались то лѣтомъ, то весной, а полетъ журавлей чрезъ Грецію бываетъ позже, въ глубокую осень. Но если для насъ появленіе журавлей составляетъ предметъ простого эстетическаго удовольствія, то для Ивика оно имѣло особенное значеніе.

Въ глазахъ дѣтски-наивнаго грека птицы, особенно большія, были вѣстниками Зевса, и ихъ внезапное появленіе всегда считалось знакомъ чего-то необычнаго, по ихъ полету гадали о судьбѣ.

Такъ и Ивикъ.

Признавъ въ неожиданно появившихся журавляхъ часть тѣхъ станицъ, которыя сопровождали его во время морского пути отъ Нижней Италіи до Коринѳской земли, онъ видитъ въ нихъ доброе для себя предзнаменованіе: какъ счастливо было морское плаваніе, таково же, повидимому, мелькаетъ у него въ головѣ, будетъ и его прибытіе; свой жребій онъ находилъ сходнымъ съ ихъ долей: одинаково они стремятся издалека и ищутъ безопаснаго крова, и вы-

сказываетъ желаніе, чтобы покровитель каждаго чужестранца, высшій гостепріимецъ—Зевсъ, отвратилъ отъ нихъ всякое несчастіе и одинаково пребылъ къ нимъ благосклоненъ.

До сихъ поръ все шло спокойно; тонъ свѣтлый и радужный. Признаки нѣкотораго колебанія можно подмѣтить развѣ въ обращеніи Ивика къ Зевсу. Обращеніе звучитъ нѣсколько пророчески и какъ бы даетъ поводъ предчувствовать опасность, которая тотчасъ и возникаетъ, и притомъ въ самомъ, повидимому, свободномъ отъ нея мѣстѣ.

IV—V. Ободренный предзнаменованіемъ, Ивикъ ускоряетъ шаги и скоро достигаетъ средины лѣса. Тутъ внезапно двое убійцъ преграждаютъ ему путь. Уклониться отъ нихъ некуда: путь узокъ и стѣсненъ. Завязывается борьба, но не Ивику одолѣть двоихъ. Поэтъ—не воинъ. Его рука, привычная къ лирѣ, а не къ оружію, въ изнеможеніи скоро опускается. Не надѣясь на себя, онъ думаетъ найти помощь въ другихъ. Взываетъ къ людямъ и богамъ—напрасно! его мольбы никто не слышетъ; какъ ни возвышаетъ онъ свой голосъ, вокругъ не видно ничего живого.

Въ сознаніи, что спасенья нѣтъ, Ивикъ горько жалуется на свою печальную участь. Въ его жалобѣ слышется, что̀ увеличиваетъ горечь отъ смерти. Онъ долженъ помереть здѣсь, въ священной рощѣ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать убійства на чужбинѣ, безъ послѣдней чести, не оплаканный и безъ погребенія, погибнуть отъ руки злодѣевъ, и притомъ безъ надежды, что злодѣйство будетъ открыто и что кто-нибудь — правительство ли, родные или почитатели—отомстятъ за него.

Едва ли кому хотѣлось бы лишиться жизни при подобныхъ обстоятельствахъ: людямъ вообще свойственно желаніе мирно почивать въ своей землѣ; Ивику же, какъ греку, такая смерть была тяжела до крайности.

По тогдашнимъ понятіямъ, души, тѣла которыхъ не погребены, не могутъ войти въ адъ и обречены на вѣчное скитаніе, и грекъ готовъ былъ на все, чтобы только предотвратить подобный позоръ.

Тяжелый ударъ, межъ тѣмъ, кладетъ Ивика на землю. Вверху шумитъ полетъ журавлей — конечно, не тѣхъ, которыхъ видѣлъ Ивикъ прежде, — это было другое отдѣленіе

несущейся къ югу большой стаи; надъ сосновой рощей они пролетали случайно. Ивикъ слышетъ—видѣть онъ уже не можетъ — слышетъ, страшно кричатъ близкіе голоса. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Своимъ крикомъ журавли направляютъ свой полетъ, и во время полета они кричатъ постоянно: ихъ крикъ громкій, подобно трубѣ, вблизи страшнѣе.

Но почему онъ кажется страшнымъ пѣвцу, который видѣлъ въ нихъ дружественныхъ себѣ сопутниковъ, а не убійцамъ, для которыхъ опасенъ каждый свидѣтель? Разгадка въ томъ, что Ивикъ былъ болѣе чутокъ къ явленіямъ природы. Для поэта полетъ и крикъ—не случайность, напротивъ, ему сдается, что журавли какъ бы чувствуютъ всю святотатственность преступленія, что они возмущены безславнымъ дѣломъ, ихъ пронзительные голоса кажутся ему воплемъ, жалобой, предвозвѣщающей месть и угрожающей убійцамъ.

И въ полной увѣренности призываетъ ихъ поднять за него свой голосъ.

Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову;
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!

сказалъ онъ—и это было послѣдней волей умирающаго: въ глазахъ его помрачилось, и онъ скончался. Безъ сомнѣнія, убійцы слышали его послѣднія слова.

VII—XXIII. Пѣвецъ убитъ, — убитъ коварно, въ священномъ мѣстѣ, среди его свѣтлыхъ надеждъ,—убитъ безоружный, потому что не имѣлъ никакого другого оружія, кромѣ своихъ сладкихъ пѣсенъ; но это оружіе, безсильное для физической борьбы, сильно въ борьбѣ духовной—и оно то служитъ причиной мести за своего владѣтеля.

Ивикъ палъ физически — съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же встать духовно въ памяти своего народа; палъ обнаженный, обезображенный ранами — всталъ въ полномъ сіяніи своей прекрасной духовно-поэтической натуры.

Сила его духа тѣмъ ярче отразилась надъ его обезображеннымъ тѣломъ. За него воспрянулъ весь народъ, показавъ примѣръ, какъ онъ цѣнитъ и умѣетъ защищать своихъ поэтовъ.

VII—X. Слѣдуетъ вторая часть произведенія. Въ первой мы узнали объ личности поэта и его печальной судьбѣ; здѣсь слышимъ объ открытіи убійства—пока безъ открытія убійцъ, и о поражающемъ впечатлѣніи, которое производитъ на собравшійся народъ извѣстіе о смерти всѣми любимаго поэта. Переходъ отъ одной части къ другой сдѣланъ поэтомъ почти незамѣтно. Дѣйствіе передвигается къ мѣсту игръ. Объ этомъ поэтъ не говоритъ; характеръ событій, однако, не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія; вмѣсто молчаливой рощи мы видимъ шумный народъ.

VII. Трупъ найденъ, и въ самомъ позорномъ видѣ. Онъ обнаруженъ — снято все, даже платье; искаженъ ранами — слѣдъ борьбы и желанія убійцъ лучше скрыть свое преступленіе. Что могло теперь изобличить ихъ? И все же коринѳскій другъ Ивика скоро узнаетъ дорогія ему черты лица. Пораженный, онъ громко высказываетъ свое горе. Печаль его коренится не въ однихъ общихъ мотивахъ. Гостепріимство составляло религіозно-общественную обязанность грековъ, и не одно то смущало друга, что онъ лишенъ теперь возможности выполнить этотъ долгъ; нѣтъ, его горе ближе. Онъ надѣялся видѣть Ивика и принять его въ другомъ видѣ, цѣлымъ, невредимымъ, прославленнымъ, вмѣстѣ съ другими обвить его голову побѣднымъ сосновымъ вѣнкомъ и самому погрѣться въ лучахъ его славы. Если слава побѣдителя распространялась у Грековъ на цѣлый народъ и на весь отечественный городъ, то отблескъ ея еще ярче падалъ на близкихъ къ нему лицъ и на того, въ чьемъ домѣ гостилъ онъ.

VIII. Плачъ друга находитъ полный откликъ. Пѣсни Ивика, оказывается, были извѣстны и любимы въ цѣлой греческой землѣ, и всякій могъ надѣяться видѣть его побѣдителемъ. Погибъ поэтъ, поэтъ любимый, и возможный побѣдитель на играхъ — горе двойное, всеобщее. И сердце всѣхъ, кто только ни присутствовалъ на играхъ, чувствуетъ глубокую потерю. Не медля ни минуты, народъ приступаетъ къ мѣстному верховному властителю—притану и яростно требуетъ отъ него примирить оскорбленный духъ самымъ сильнымъ средствомъ—кровію убійцы.

IX—X. Но какъ было это сдѣлать? Требовать легче, чѣмъ исполнить. Недоставало признаковъ, по которымъ

можно было бы въ народной массѣ отличить чернаго злодѣя. Загадоченъ даже поводъ къ убійству: истинную причину знаетъ одинъ всепроникающій богъ—Геліосъ; людямъ же не извѣстно—былъ ли то грабежъ разбойниковъ, или месть дѣйствовавшаго по зависти тайнаго врага. Вообще скупой на мотивировку поступковъ дѣйствующихъ лицъ, Шиллеръ, по нашему мнѣнію, допустилъ здѣсь излишекъ. Прежде было сказано, что трупъ найденъ обнаженнымъ—можно догадываться, что онъ былъ ограбленъ, и, слѣдовательно, убійство совершено изъ-за грабежа и разбойниками. Впрочемъ, отъ того не легче судьямъ. Имъ не извѣстно, гдѣ искать убійцу. Быть можетъ, въ то время, какъ его разыскиваетъ месть, онъ, пользуясь плодами своего злодѣйства, спокойно ходитъ среди собравшихся грековъ, или, не боясь ни бога, ни людей, находится на порогѣ храма или же, вмѣстѣ съ толпой, дерзко тѣснится къ самому театру.

Десятая строфа вводитъ насъ въ греческій театръ и самымъ непринужденнымъ образомъ связываетъ послѣдующую часть произведенія съ предыдущимъ разсказомъ.

XI—XXIII. Начинается третья часть. Она представляетъ открытіе и наказаніе убійцъ, катастрофу, и есть главная, эффектная. Повѣствованіе обращается въ драму. Языкъ мгновенно становится возвышеннѣе, звучитъ торжественно, праздничнѣе. Поэтъ обнаруживаетъ все свое могущество. Блестящее изображеніе греческаго театра съ его глубокимъ религіозно-національнымъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ въ греческой жизни, затѣмъ образцовое изображеніе греческаго хора, по живописности, изящности и силѣ, это—лучшіе перлы не только въ этой балладѣ, но и вообще во всей нѣмецкой поэзіи; изъ извѣстныхъ уже намъ мѣстъ съ ними можетъ быть сопоставлено только изображеніе Харибды въ «Кубкѣ».

XI—XII. Вся сцена совершается въ театрѣ. Зданіе до того громадно, что верхнія его сидѣнья какъ бы теряются въ синевѣ небесъ. Садясь на скамьѣ за скамьей, зрители жмутся другъ къ другу и, въ ожиданіи представленія, глухо шумятъ, точно волны великаго моря. И откуда ихъ нѣтъ! Они сошлись и изъ Аѳинъ, Беотіи, Фокиды, Спарты, и изъ малоазійскихъ прибрежныхъ колоній, и изъ всѣхъ многочисленныхъ острововъ. Поэтъ не перечисляетъ всѣхъ зе-

мель. Дѣло поэта всегда указать главное, выдающееся, чтобы по указанному составить представленіе и о всемъ остальномъ. Онъ такъ и поступилъ. Видно, что здѣсь были представители самыхъ различныхъ греческихъ мѣстъ и племенъ, и въ распорядкѣ ихъ можно видѣть преднамѣренность. Между ними первое мѣсто отведено аѳинянамъ: устроитель ихъ города, Тезей, установилъ въ честь Посейдона и истмійскія игры; затѣмъ, по нисходящей степени въ ихъ значеніи, указаны жители другихъ центральныхъ мѣстностей, потомъ посѣтители съ малоазійскихъ колоній и, наконецъ, населеніе острововъ. Но выступаетъ ожидаемый хоръ, и, смолкнувъ, всѣ прислушиваются къ его страшной мелодіи.

XIII—XIV. Хоръ идетъ по древнему обычаю—строго и важно, медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ выступаетъ онъ изъ-за «сцены» и по оркестру обходитъ вкругъ «театра». На видъ это что-то особенное, не изъ рода обыкновенныхъ смертныхъ. Походка ихъ не простая—такъ не могутъ ходить земныя женщины; ростъ ихъ—гигантскій, несравненно выше человѣческаго; одежда — черная мантилья, она бьется о бедра; руки—сухія, тощія, махаютъ факелами съ темно-краснымъ свѣтомъ, въ щекахъ ни кровинки, и гдѣ обыкновенно пріятно для глазъ развѣваются волосы, тамъ, на головѣ, змѣи и ехидны раздуваютъ свои пучащіяся отъ яда чрева.

„Во всѣхъ греческихъ сагахъ,—говоритъ Шиллеръ,— нѣтъ болѣе страшнаго и вмѣстѣ безобразнаго образа, какъ эти фуріи, когда онѣ выходятъ изъ подземнаго царства, чтобы преслѣдовать преступника. Отвратительно искаженное лицо, худощавая фигура, голова, вмѣсто волосъ, покрытая змѣями, и т. д.» И свое представленіе о внѣшнемъ видѣ Эринній Шиллеръ всецѣло воплотилъ въ данномъ мѣстѣ баллады, употребивъ самыя яркія краски. При высокомъ ростѣ худощавость, при черной мантильи свѣтъ факеловъ, тощія руки, блѣдныя щеки и, въ заключеніе, прямое противоположеніе вьющимся прекраснымъ волосамъ ядовитыхъ змѣй—это такія черты, которыя какъ нельзя болѣе рѣзко обрисовываютъ этихъ страшныхъ богинь мщенія, и однако, какъ ни ужасенъ выходитъ образъ, онъ доставляетъ удовольствіе самому развитому эстетическому чувству. Почему такъ? Потому, что, при яркости и обиліи красокъ, соблюдена

поэтомъ должная мѣра, нѣтъ ни излишества, ни напыщенности. Онъ самъ утверждалъ: «Напыщенное смѣшеніе красокъ привлекаетъ и ослѣпляетъ въ особенности читателей, понимающихъ только чувственное и, подобно дѣтямъ, восхищающихся пестротой. Но какъ мало говорятъ образы подобнаго рода тонкому чувству изящнаго, которое удовлетворяетъ не богатство, а благоразумная бережливость, не матерія, а красота формъ, не смѣсь, а тонкое разнообразіе!» «Истинно прекрасное основывается на строжайшей опредѣленности, на полнѣйшемъ отвлеченіи, на совершеннѣйшей внутренней необходимости».

XV—XVII. Если страшенъ внѣшній видъ исчадій, то еще ужаснѣе ихъ внутренній обликъ. Вотъ онѣ, вертясь вокругъ, начинаютъ свою торжественную пѣснь. Ихъ пѣніе насквозь пронизываетъ сердце, раздирая его; помрачаетъ умъ, проникаетъ до мозга костей, злодѣя опутываетъ крѣпкими узами, смущаетъ его. Пѣснь такъ громка, нечеловѣчна, страшна, что, противъ обычая, не сопровождается игрой лиры — пріятные звуки послѣдней не согласовались бы съ этимъ, возбуждающимъ ужасъ, пѣніемъ Эринній. Онѣ поютъ:

Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.
Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами,
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ,
Вамъ покаянье—не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.

Пѣснь — грозная, роковая. Она возвѣщаетъ свободу отъ Эринній только тѣмъ, кто сохранилъ безпорочной свою дѣтски-чистую душу: его жизненный путь безпрепятственъ, Эринніи не смѣютъ приближаться къ нему, схватить его; но горе, невыносимое горе, кто втайнѣ совершилъ тяжкое

убійство: онѣ, это страшное отродье темной ночи, слѣдуютъ ему по пятамъ, и, куда бы ни бѣжалъ онъ,—точно крылатыя, онѣ уже въ томъ мѣстѣ и бросаютъ въ ноги ему путы, такъ что онъ долженъ, наконецъ, упасть на землю. Отъ нихъ ему спасенья нѣтъ—никакое раскаяніе его не можетъ примирить съ ними; не отставая ни на мгновеніе, онѣ преслѣдуютъ его безъ отдыха, безъ перерыва, до самаго подземнаго царства, гдѣ находятся тѣни мертвыхъ, но и тамъ не освобождаютъ его.

XVIII. Такъ пѣли онѣ, сопровождая свое пѣніе танцами, а все собраніе мертвая гнела тишина, какъ будто бы было вблизи божество. И торжественно, по старому обычаю, обходя окружность театра, медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ удаляются онѣ и опять исчезаютъ въ заднемъ планѣ строенья, тамъ, откуда пришли.

XIX. Хоръ выполнилъ свою роль до того искусно, что произвелъ полную иллюзію, зрители недоумѣвали, видѣли ли они дѣйствительныхъ Эринній, или только прекрасныхъ театральныхъ актеровъ, и каждый, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, чувствовалъ присутствіе страшной высшей силы, той, которая, подготовляя преступнику гибель—

Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Въ глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

Эта сила—неподкупная *Немезида*, вѣстницы которой Эринніи,—миѳическое олицетвореніе *мученій преступной совѣсти человѣка.* Какъ бы глубоко ни палъ человѣкъ, въ тайникахъ его сердца всегда живетъ сознаніе справедливаго воздаянія; совѣсть осуждаетъ и наказываетъ его, хотя бы преступленіе не было открыто, постоянно страшитъ и тревожитъ его, хотя для постороннихъ глазъ онъ можетъ казаться совершенно спокойнымъ.

Чувствуя наитіе высшей силы, всѣ въ оцѣпенѣніи и страхѣ трепещутъ ея, безпрекословно и безмолвно покоряются ей—таково дѣйствіе сценическаго представленія!

Театръ для грековъ не былъ простой забавой: онъ имѣлъ у нихъ смыслъ *серіозный, облагораживающій.* Уже однимъ хоромъ драма возносилась надъ обиходною жизнью въ идеальную сферу искусства; она была частью богослу-

женія, религіозно-общественнымъ дѣломъ. Потому видѣнное въ театрѣ и напоминаетъ зрителямъ о Немезидѣ, и поэзія производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и самая жизнь, дѣйствительность.

Девятнадцатая строфа чрезвычайно возвышаетъ достоинство хора, между тѣмъ она также прибавлена Шиллеромъ уже по совѣту Гёте, который писалъ ему: «Послѣ 14-й (теперь 18-й) строфы, гдѣ удаляются Эринніи, я помѣстилъ бы еще одну, чтобы представить произведенное хоромъ настроеніе народа и чтобы отъ серіозныхъ разсужденій честныхъ гражданъ перейти къ изображенію одновременной разсѣянности преступниковъ и затѣмъ заставить бы убійцу произнести свое необдуманное замѣчаніе глупо, грубо и внятно только для его круга сосѣдей; отсюда между нимъ и близко стоящими возникъ бы споръ, послѣдній привлекъ бы вниманіе народа, и т. д. Этимъ путемъ, а равно и полетомъ журавлей, все разыгралось бы совершенно естественно, и, на мой взглядъ, дѣйствіе возвысилось бы, между тѣмъ какъ теперь 15-я (т.-е. 20-я) строфа начинается слишкомъ громко и значительно, и почти ожидаешь чего-то другого». Оставивъ безъ удовлетворенія вторую часть предложенія, Шиллеръ воспользовался первой половиной и составилъ 19-ю строфу, чѣмъ, возвысивъ дѣйствіе хора, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ понятнымъ естественность послѣдовавшаго восклицанія убійцы и того, что оно привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе.

XX—XXIII. Немезида при посредствѣ поэзіи совершаетъ свой праведный судъ.

XX. Во время тишины и все еще длившагося тяжелаго, серіознаго настроенія вдругъ съ верхнихъ ступеней слышется чей-то голосъ: «Смотри, смотри, Тимоѳей, вонъ журавли Ивика!» Это—голосъ одного изъ убійцъ. Сидя на самыхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно помѣщался простой народъ, разбойникъ увидалъ журавлей прежде другихъ; журавли летѣли по направленію къ театру, и изъ-за сцены пока еще не были видны тѣмъ, кто сидѣлъ ниже. Что заставляетъ убійцу произнести восклицаніе?.. Самъ Шиллеръ въ письмѣ къ Гёте такъ объясняетъ душевное настроеніе убійцы: «Убійца между зрителями; пьеса, правда, не особенно тронула и подавила его, это не мое мнѣніе; но

она напомнила ему о его дѣлѣ, а слѣдовательно, и о томъ, что при этомъ случилось: его душа поражена, явленіе журавлей должно застигнуть его въ это время, такимъ образомъ, врасплохъ, онъ человѣкъ грубый и глупый, надъ которымъ моментальное впечатлѣніе имѣетъ полную власть— и громкое восклицаніе при этихъ обстоятельствахъ естественно». Если пьеса лишь «напомнила ему», то, значитъ, она подѣйствовала не столько на его сердце, сколько на его голову, память. Подлетающую стаю журавлей онъ счелъ за ту, къ которой обращался Ивикъ о мщеніи; ему показалось, что она какъ будто бы летитъ исполнить порученіе Ивика. Точно не сообразивши, онъ произноситъ слово, и, слѣдовательно, восклицаніе—не плодъ сокрушеннаго признанія, а скорѣе—невольное выраженіе боязливаго замѣшательства, смущенія, которое произошло отъ неожиданнаго совпаденія полета журавлей и появленія Эринній.

Вслѣдъ за восклицаніемъ помрачается небо: надъ театромъ черноватою толпою медленно проносится большая стая журавлей.

Вплетеніе въ канву событія жителей воздуха у поэта красиво и совершенно естественно. Этихъ вѣстниковъ боговъ народъ считалъ знающими открывателями преступленій, и ихъ появленіе надъ театромъ должно было произвести сильное впечатлѣніе не только на убійцу, но и на остальныхъ зрителей.

XXI—XXII. Моментъ для произнесенія имени Ивика выбранъ поэтомъ необыкновенно удачно. Въ другое время народъ могъ бы не разслышать или пропустить мимо ушей, но теперь, когда онъ находился подъ вліяніемъ пѣнія и загадочно-неожиданнаго полета журавлей, когда его молчаніе было похоже на затишье передъ бурей, въ это время онъ жадно схватываетъ случайное слово. Дорогое имя снова болѣзненно тронуло каждое сердце, и, какъ въ морѣ волна за волной, бѣжитъ изъ устъ въ уста вопросъ о томъ, что̀ значитъ это восклицаніе? Вопросъ произносится все громче, и у всѣхъ, точно подъ наитіемъ свыше, въ предчувствіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго, съ быстротою молніи мелькаетъ грандіозная мысль: догадываются, что здѣсь проявленіе божественнаго возмездія, и требуютъ схватить подозрѣваемыхъ.

Убійца тутъ!
То Эвменидъ ужасныхъ судъ!
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!

громко произносятъ всѣ присутствующіе.

Шиллеръ съ тактомъ не воспользовался здѣсь совѣтомъ Гёте относительно изображенія того способа, какъ народъ обращаетъ вниманіе на убійцъ и нападаетъ на слѣдъ преступленія. «Если я,—отвѣчалъ онъ Гёте,—восклицаніе убійцы заставлю услышать только ближайшихъ зрителей и между ними дамъ возникнуть движенію, которое, какъ поводъ, сообщается и всему цѣлому, то отягощу себя деталью, которая, при такомъ напряженномъ ожиданіи, слишкомъ затруднитъ меня, ослабитъ цѣлое и раздвоитъ вниманіе». Нѣсколько позже онъ прибавилъ: «Впечатлѣнію, произведенному восклицаніемъ, я посвятилъ еще одну (теперь 22-ю) строфу; но дѣйствительное открытіе преступленія, какъ слѣдствіе крика, изобразить пространнѣе я не пожелалъ». Такимъ образомъ, вопреки настояніямъ Гёте, отъ гнетущей тишины къ всеобщему волненію, Шиллеръ употребилъ быстрый переходъ, и изображеніе дѣйствія, какое произведено восклицаніемъ, кажется теперь гораздо эффектнѣе.

XXIII. Едва сорвалось съ языка слово, убійца, подмѣтивъ результатъ, сильно желалъ бы, чтобы оно не вылетало, мысль хранилась бы въ груди—но уже поздно! Поблѣднѣвшее отъ ужаса лицо выдаетъ виновныхъ; ихъ схватываютъ, влекутъ, представляютъ къ судьѣ,—и театръ превращается въ судъ; и сознаются виновные, застигнутые лучомъ мести.

На этомъ сравненіи, взятомъ отъ молніи, и обрывается разсказъ—кратко и сильно. На обвиненіе Гёте, что заключеніе употреблено «совсѣмъ поспѣшное», Шиллеръ возразилъ: «какъ скоро путь къ открытію убійцъ найденъ—баллада оканчивается, другого болѣе нѣтъ ничего для поэта». Послѣ блестяще выполненной катастрофы всякое промедленіе было бы излишне: оно ослабило бы только интересъ. И безъ того ясно, что поэтическое представленіе кары Эвменидъ становится дѣйствительностію, что судъ постигаетъ убійцъ

тутъ же, въ театрѣ; гдѣ чистая душа находитъ высшее наслажденіе, тамъ преступнику угрожаетъ опасность.

Отсюда понятна идея, какую хотѣлъ выразить Шиллеръ. Для грековъ, въ глазахъ которыхъ поэтъ былъ лицомъ священнымъ и театръ имѣлъ религіозное значеніе, главной рѣшающей силой въ событіи могла показаться *карающая Немезида, произносящая свой приговоръ при помощи поэзіи и устами суда.*

Внемлите,
То сила Эвменидъ!

восклицаютъ они, угадавъ убійцу.

Напрасно было бы въ современной намъ жизни искать чего-нибудь тождественнаго съ общественными играми, сопровождавшими религіозныя празднества грековъ. Возникши изъ мѣстныхъ, нѣкоторыя изъ нихъ—олимпійскія, истмійскія, пиѳійскія и немейскія — возвысились до торжествъ общенаціональныхъ. На нихъ собирались греки отовсюду—изъ метрополій и колоній, со всѣхъ береговъ и многочисленнѣйшихъ острововъ Средиземнаго моря, изъ Европы, Азіи и Африки. Разъединенные громаднымъ пространствомъ, мѣстными и племенными особенностями, соперничествомъ, иногда открытой войной, они сознавали себя здѣсь однимъ народомъ; привлеченные желаніемъ участвовать въ общемъ жертвоприношеніи, жаждой зрѣлищъ и удовольствій, явившись по побужденіямъ торговымъ, научнымъ, художественнымъ и политическимъ, всѣ присутствующіе жили интересами общими, высшими, и вкупѣ представляли изъ себя прекрасную картину, кромѣ религіозно-національнаго, питавшую и эстетическое чувство грековъ. «Кто,—пѣлъ о нихъ хіосскій поэтъ,—кто увидитъ ихъ собравшимися на такой праздникъ, тотъ сочтетъ ихъ, пожалуй, свободными отъ старости и смерти, и радостно встрепенется его сердце при видѣ этого сонма мужчинъ и прекрасно опоясанныхъ женщинъ, при видѣ ихъ богатствъ и кораблей».

Состязаніе на играхъ производилось въ спорѣ за первенство въ томъ, что для грека было всего дороже: въ силѣ, ловкости, красѣ. Продолжительный и быстрый бѣгъ, со щитомъ и безъ щита, борьба, прыганье, метаніе диска или копья, скачка верхомъ или на колесницахъ, на нѣко-

торыхъ играхъ, выполненіе музыкальныхъ пьесъ, пѣніе, декламація, составленіе поэтическихъ и историческихъ произведеній — все находило свое мѣсто, чередовалось и могло доставить побѣдителю почетный призъ: лавровый, масличный или сосновый вѣнокъ. Насколько ничтожна награда, настолько велика была почесть. Земляки побѣдителя, осчастливленные его побѣдой, вели его къ алтарю. Здѣсь въ присутствіи и при радостныхъ крикахъ всего собравшагося народа, налагался на него вѣнокъ, затѣмъ въ честь его давались пиры, составлялись гимны. Вся Греція славила его имя. При возвращеніи въ родной городъ жители встрѣчали его со всевозможнымъ тріумфомъ, жизнь его окружалась всеобщимъ почетомъ, приравнивалась къ божественной, самъ Платонъ видѣлъ въ ней образецъ земного благополучія. Хотя эти почести относились, главнымъ образомъ, къ побѣдителямъ въ Олимпіи, все же не мала была слава и остальныхъ. Не даромъ каждый грекъ, даже знатнѣйшій по рожденію или личнымъ заслугамъ, горѣлъ самымъ пламеннымъ желаніемъ участвовать въ играхъ и считалъ величайшимъ для себя счастіемъ получить на нихъ побѣдный вѣнокъ.

Понятны теперь чувства, съ какими шли сюда греки, и то состояніе, въ какомъ стремился въ Истму Ивикъ! Тѣмъ трепетнѣе было состояніе Ивика, что онъ, по Шиллеру, имѣлъ въ виду не просто только лично присутствовать на играхъ, но и вступить въ состязаніе о первенствѣ въ сложеніи пѣсенъ.

Истмійскія игры, куда стремился онъ, занимали первое мѣсто послѣ олимпійскихъ и отличались отъ нихъ тѣмъ, что, кромѣ тѣлесныхъ, на нихъ допускались и поэтическія состязанія. Учрежденіе ихъ теряется въ глубокой древности, приписывается основателю Коринѳа Сизиѳу, возобновленіе— аѳинскому герою Тезею; ко времени Ивика достигли высшей славы. Онѣ праздновались въ честь морского бога Посейдона, въ живописной мѣстности, на Истмійскомъ, лежавшемъ между двумя морями и соединившемъ Пелопонесъ и Элладу, перешейкѣ, у сосновой, посвященной Посейдону, рощи, близъ богатаго Коринѳа. Побѣдителю давался вѣнокъ изъ сельдерея (растеніе), въ римскія времена—изъ сосновыхъ вѣтвей.

Самъ Ивикъ—*лицо историческое.* Это былъ странствующій лирическій поэтъ, родомъ изъ Регіума, города Великой Греціи (нынѣ южная Италія); онъ много путешествовалъ, долго жилъ при дворѣ Поликрата, считался изобрѣтателемъ самбука, древней цитры, въ формѣ треугольника, но главную славу составляли его жгучія эротическія пѣсни, гдѣ, сообразно необычайному уваженію грековъ въ красотѣ, онъ прославлялъ красивыхъ мальчиковъ и юношей. Въ одной изъ такихъ, дошедшихъ до насъ пѣсенъ, онъ, рисуя образъ молодого человѣка, въ увлеченіи его красотой, называетъ его сыномъ нѣжныхъ грацій, вскормленныхъ Кипридой среди розъ. Эти волненія любви и обращеніе къ древнимъ миѳамъ—постоянныя свойства его поэзіи. Современники имѣли отъ него семь книгъ, но намъ остались отъ его произведеній одни небольшіе отрывки. Смерть его украшена различными преданіями. Ихъ, со значительными дополненіями и измѣненіями, превосходно и воспроизвелъ Шиллеръ въ своей, подлежащей нашему разбору, балладѣ.

Дмитрій Цвѣтаевъ.

„Поликратовъ перстень“.

Стихотвореніе состоитъ изъ 2 сценъ: одна изъ 13 строфъ, другая изъ остальныхъ 3.

I. Поэтъ прежде всего знакомитъ насъ съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ большая часть событія, и дѣйствующими лицами. Па дворцовой кровлѣ, самомъ удобномъ пунктѣ для осмотра окрестностей, откуда виденъ Самосъ, пристань и облегающее море, стояли два друга—Поликратъ, единодержавный повелитель Самоса, и пріѣхавшій къ нему въ гости Амазисъ, царь Египта. При взглядѣ на подчиненный и роскошно расцвѣтающій Самосъ, Поликратъ, вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества, невольно испытываетъ *сладкое чувство власти* и, не зная большаго счастія, какъ быть и сознавать себя повелителемъ, не безъ тщеславія указываетъ гостю на свои владѣнія и вынуждаетъ его, чтобы онъ призналъ его счастливымъ. Очень можетъ статься, что они оба только что разсуждали объ этомъ вопросѣ и теперь По-

ликратъ лишь пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы при видѣ владѣній, какъ фактическаго подтвержденія его словъ, лучше заставить своего упорствующаго собесѣдника согласиться съ нимъ.

II—X. Амазисъ, между тѣмъ, не соглашается, держится противоположнаго взгляда. Не отрицая того, что Поликратъ испыталъ благоволеніе боговъ, что въ жизни ему были однѣ удачи, онъ, однако, не находитъ возможнымъ признать такое счастіе совершеннымъ, постояннымъ, полнымъ и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводитъ, одно за другимъ, цѣлый рядъ различныхъ доказательствъ.

II. Пусть самосцы, прежде равные Поликрату, въ настоящее время подчинены его скипетру: но вѣдь *это домашнее торжество еще сомнительное*: одинъ изъ соперниковъ не умеръ—и въ немъ врагъ счастія и возможный мститель за себя и покоренныхъ. Таковъ первый, приведенный Амазисомъ, доводъ.

III. Въ это время, прежде, чѣмъ успѣлъ Амазисъ перейти къ другимъ своимъ доказательствамъ, представляется посланный изъ Милета полководцемъ Полидоромъ гонецъ, съ радостнымъ извѣстіемъ о погибели соперника; гонецъ, къ ужасу обоихъ властителей, изъ черной чаши вынимаетъ еще кровавую, хорошо имъ знакомую голову, очевидно, только что передъ тѣмъ убитаго врага.

Не вѣрить вѣстнику нѣтъ оснований. Поликратъ можетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ соперниковъ; его господство внутри владѣній обезпечено. Что же скажетъ Амазисъ, когда такъ быстро и наглядно опровергнутъ первый его доводъ? Не оставитъ ли въ сторонѣ свои сомнѣнія и не поспѣшитъ ли согласиться съ Поликратомъ?

V. Нѣтъ, въ страхѣ отступаетъ онъ назадъ, *въ страхѣ* не только *физическомъ,* при видѣ внезапно открытой знакомой головы, но *и религіозномъ,* какъ предъ знакомъ необыкновеннаго счастія, и затѣмъ, поспѣшно, не медля ни минуты, высказываетъ другое доказательство: указываетъ Поликрату *на опасности его торговому флоту*. Съ причудливаго моря флотъ еще не воротился, онъ можетъ погибнуть отъ волнъ, скалъ, бурь, и счастіе нарушится, довѣряться ему пока нельзя.

VI. И опять напрасны старанія Амазиса. Фактъ еще съ большею скоростію опровергаетъ его. Въ разговорѣ съ вѣстникомъ друзья, стоя въ противоположную сторону отъ моря, и не замѣтили, какъ влетѣлъ въ пристань, легкій на поминѣ, торговый самосскій флотъ; онъ былъ полонъ чужеземными сокровищами. Самосцы радостно привѣтствуютъ его благополучное возвращеніе, и эти крики торговаго народа долетаютъ до собосѣдниковъ еще раньше, чѣмъ Амазисъ вполнѣ высказалъ свое предположеніе, а Поликратъ понялъ, что говоритъ ему другъ.

Возможность опасности удалена. Владѣніямъ Поликрата ничто не мѣшаетъ процвѣтать чрезъ широкую внѣшнюю торговлю.

VII. Сильнѣе прежняго смущенный Амазисъ еще настойчивѣе убѣждаетъ Поликрата бояться непостоянства счастія и указываетъ ему на новую опасность—*отъ воинственныхъ критянъ*, которые—это было извѣстно въ Самосѣ—снарядили большую экспедицію противъ Поликрата, ихъ военный флотъ на пути, уже близокъ къ самосскимъ берегамъ...

VIII. Слово не успѣло сорваться, какъ уже готова его опровергающая вѣсть. Все пришло въ движеніе, точно волны. несется къ дворцу отъ кораблей... какихъ? въ интересахъ краткости, не упомянуто, но, очевидно, военныхъ, своихъ. которые прибыли вмѣсто ожидаемыхъ критскихъ. Тысячи голосовъ съ радостью кричатъ о новой побѣдѣ. Внѣшній врагъ разбитъ — и кѣмъ? — не полководцами Поликрата, а морскою бурей, погубившею непріятельскій флотъ. За властителя стоитъ сама природа.

Самосъ безопасенъ, никто не грозитъ ему со-внѣ. Боги покровительствуютъ Поликрату даже безъ всякихъ стараній и заслугъ съ его стороны.

IX—XII. Какія доказательства ни были взяты изъ жизни Поликрата и его отношеній къ окружающему, разбиты. Амазисъ побѣжденъ. Онъ больше не противорѣчитъ Поликрату, *торжественно называетъ его счастливымъ*; но тутъ же, въ своемъ религіозномъ ужасѣ, объясняетъ *всю ненормальность подобнаго явленія*. Египтянинъ по рожденію, но эллинъ по образованію, основаніе находитъ онъ въ греческихъ вѣрованіяхъ, точнѣе — во всеобщемъ опытѣ, облеченномъ греками въ религіозную форму:

Ты счастливъ; но судьбины (боговъ) лестью—
Такое счастье мнится мнѣ.
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

Какъ на препятствіе совершенному благополучію, онъ прямо указываетъ *на зависть боговъ*, которые смотрятъ на него, какъ на преступленіе противъ ихъ величія, и никогда не допустятъ его, поэтому никто изъ людей вполнѣ и не пользовался имъ въ своей жизни, да, конечно, и не будетъ.

Невозможность безграничнаго счастія Амазисъ обосновываетъ и ссылкой на свой собственный опытъ. Въ своей судьбѣ онъ находитъ много сходнаго съ судьбой Поликрата. И ему, какъ правителю, все удавалось; но боги покарали его въ семейной жизни: отняли у него дорогого наслѣдника—и съ тѣхъ поръ онъ не безпокоится за свое непрерывно продолжающееся счастіе: тяжелой потерей сына высшимъ силамъ долгъ уплаченъ. Отсюда онъ приходитъ къ такому заключенію: *Поликратъ долженъ позаботиться, чтобы умилостивить боговъ.* Онъ совѣтуетъ ему обратиться къ нимъ съ усердной молитвой объ уменьшеніи ему благополучія какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ и тѣмъ предотвратить печальный конецъ, который обыкновенно бываетъ съ тѣми, кому все удается въ жизни. Если же боги услышатъ его, пусть онъ самъ добровольно станетъ виновникомъ несчастія: изъ всѣхъ своихъ сокровищъ выберетъ самое драгоцѣнное и броситъ его въ море.

XIII. Замѣчательно, что теперь, когда узнана причина тревогъ Амазиса, своимъ непрерывнымъ счастіемъ поражается и самъ Поликратъ и спѣшитъ избавиться отъ него. Привыкшій къ рѣшительности и собственной инпціативѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ пользуется второй половиной совѣта: въ разсчетѣ, что боги простятъ ему его счастіе, съ сожалѣніемъ, но добровольно бросаетъ въ море свой шлифованный алмазный перстень, какъ лучшую для него, знатока искусствъ, драгоцѣнность.

XIV—XVI. Удовлетвореніе дано. За будущее, казалось, бояться нечего, и въ пріятной на него надеждѣ друзья сошли съ дворцовой кровли во внутренніе покои. Напрасно!

Съ перемѣной мѣста не измѣнился ходъ событій. Противъ воли счастье не покидало Поликрата.

XIV. На слѣдующее утро, едва лишь «лучъ денницы озолотилъ верхи столицы», самосскій рыбакъ приноситъ Поликрату въ даръ только-что пойманную имъ въ морѣ чудную рыбу, какой еще никому не приходилось изловить. Добровольная почесть пріятна Поликрату, и, однако, вскорѣ оказывается, какъ много далъ бы онъ, если бы не было ея!

XV. Поваръ, которому отдана была рыба, когда сталъ разрѣзать ее, замѣтилъ въ ней наканунѣ брошенный перстень и, пораженный неожиданностью, спѣшитъ возвратить его своему господину. «Перстень, который ты носилъ, я нашелъ въ этой рыбѣ: о, безъ границъ твое счастье!»— восклицаетъ слуга. Ничего не подозрѣвая о цѣли потери, онъ и не чувствовалъ, какое, на взглядъ царственныхъ собесѣдниковъ, глубокое несчастіе кроется въ этомъ счастіи.

XVI. Въ возвращеніи перстня египетскій гость усматриваетъ несомнѣнный признакъ, что *боги не удовлетворяются добровольною жертвой его друга и хотятъ его гибели*. Онъ уже какъ бы предчувствуетъ приближеніе ничѣмъ неотвратимой высшей кары и, чтобы не быть ею застигнутымъ и не погибнуть вмѣстѣ съ Поликратомъ, въ трепетѣ тотчасъ отказывается отъ дружбы и *немедленно отплываетъ на готовыхъ къ тому корабляхъ*, очевидно, съ намѣреніемъ, никогда больше не быть на Самосѣ.

Логическій строй стихотворенія теперь ясенъ.

I. *Первая сцена: на кровлѣ* (I—XIII):

1. Мнѣніе Поликрата о совершенствѣ своего счастія (строфы I—XIII).

2. Сомнѣніе въ томъ Амазиса и опроверженіе его самимъ счастіемъ (II—XIII).

А. а. *Утвержденіе*: напоминаніе о соперникѣ (II).

б. *Опроверженіе*: извѣстіе о смерти врага (III—IV).

Б. а. *Утвержденіе*: указаніе на опасности торговому флоту (V).

б. *Опроверженіе*: извѣстіе о благополучномъ возвращеніи флота (VI).

В. а. *Утвержденіе*: обращеніе вниманія на возможныя военныя невзгоды отъ приближающихся Критянъ (VII).

б. *Опроверженіе*: извѣстіе о побѣдѣ надъ Критянами (VIII).

3. Признаніе Амазисомъ Поликрата счастливымъ и стараніе избавить его отъ счастія (IX—XII):

А. а. Доказательство невозможности полнаго счастія, почерпнутое изъ всеобщей исторіи (IX).

б. Доказательство изъ собственной жизни (X).

Б. Выводъ: двоякій совѣтъ, какъ привлечь несчастіе (XI—XII)—

а. или молитвой къ богамъ (XI),

б. или добровольнымъ выборомъ (XII).

4. Выполненіе Поликратомъ второй половины совѣта (XIII).

II. *Вторая сцена: во дворцѣ* (XIV—XVI):

1. Подарокъ Поликрату (XIV).
2. Возвращеніе перстня (XV).
3. Разрывъ дружбы и отъѣздъ Амазиса (XVI).

При созданіи этого произведенія Шиллеръ воспользовался *Геродотомъ*; хотя его знанія древнихъ языковъ не шли далѣе обыкновенныхъ, но стараніемъ и геніальною прозорливостью художника былъ вполнѣ вознагражденъ этотъ недостатокъ. Частію въ подлинникахъ, частію въ переводахъ Шиллеръ внимательно изучалъ произведенія грекоримскихъ поэтовъ и историковъ, стараясь проникнуться ихъ духомъ, усвоить ихъ изящество, соразмѣрность, величіе и простоту. Геродотъ стоялъ у него рядомъ съ Гомеромъ.

Въ «Исторіи» Геродота, кн. III, гл. 39—43, передается:

„Когда Камбизъ отправился въ походъ на Египетъ, въ это время лакедемоняне воевали съ Самосомъ и Поликратомъ, сыномъ Эака, который овладѣлъ Самосомъ чрезъ возмущеніе. Сначала онъ раздѣлилъ государство на три части и подѣлилъ со своими братьями, Пантагнотомъ и Силозономъ; но потомъ, убивъ одного изъ нихъ и выгнавъ младшаго, Силозона, онъ овладѣлъ всѣмъ Самосомъ. Какъ его владѣтель, онъ заключилъ дружественный союзъ съ Амазисомъ, царемъ египетскимъ, обмѣнявшись съ нимъ подарками. Въ короткое время могущество Поликрата быстро возросло, и слава о немъ распространилась по Іоніи и остальной Элладѣ; ибо куда бы онъ ни обращалъ свое оружіе, все выходило по его желанію. У него было 100 пятидесятивесельныхъ кораблей и 1000 стрѣлковъ, онъ грабилъ и обиралъ всѣхъ безъ различія: потому что, говорилъ онъ, больше сдѣлаетъ удовольствія другу, если возвратитъ, что взялъ, чѣмъ если не возьметъ сначала. Онъ захватилъ много острововъ и много городовъ на материкѣ. Между прочимъ, онъ побѣдилъ въ морской битвѣ и взялъ въ плѣнъ лесбосцевъ, которые помогали милезійцамъ; они то во время своего плѣна выкопали весь ровъ вокругъ самосской городской стѣны.

„Амазисъ зналъ о необыкновенномъ счастіи Поликрата и былъ озабоченъ этимъ; и какъ его счастіе возрастало все больше и больше, Амазисъ написалъ слѣдующее письмо и прислалъ къ нему въ Самосъ: „Амазисъ такъ говоритъ Поликрату: пріятно узнать, что другъ

и союзникъ имѣетъ успѣхъ въ своихъ дѣлахъ; но мнѣ это необыкновенное счастіе не нравится, ибо я знаю, какъ завистливы боги. Я лучше желаю и для себя, и для тѣхъ, о комъ забочусь, чтобы одни дѣла имѣли успѣхъ, другія—неудачу, и чтобы, такимъ образомъ, въ продолженіе всей жизни встрѣчать попеременно то одно, то другое, чѣмъ быть счастливымъ во всемъ. Я не слыхалъ ни о комъ, кто, имѣя во всемъ успѣхъ, не потерпѣлъ бы подъ конецъ полнаго несчастія. Поэтому послушайся меня и сдѣлай противъ своего великаго счастія: подумай, что́ ты считаешь самымъ дорогимъ для себя и потеря чего наиболѣе огорчитъ тебя, забрось это туда, чтобы оно никогда не попадало къ людямъ. Если съ этихъ поръ къ твоему счастію не будутъ примѣшиваться неудачи, то помогай себѣ предлагаемымъ мною способомъ“.

„Прочитавъ это, Поликратъ понялъ, что Амазисъ даетъ ему хорошій совѣтъ, и сталъ обдумывать, какая изъ его драгоцѣнностей наиболѣе огорчитъ его своей потерей. Онъ пришелъ къ такому рѣшенію. Былъ у него перстень, который онъ носилъ, изъ смарагда, обдѣланный въ золото, работы самосца Ѳеодора, сына Телекла. Итакъ, онъ рѣшилъ бросить этотъ перстень и сдѣлалъ слѣдующее: велѣлъ снарядить пятидесятивесельный корабль, взошелъ на него самъ и приказалъ выплыть въ открытое море. Отдалившись отъ острова, онъ снялъ съ пальца перстень и на глазахъ своихъ спутниковъ бросилъ его въ море.

„На пятый или шестой день послѣ того случилось съ нимъ слѣдующее: одинъ рыбакъ поймалъ прекрасную большую рыбу и счелъ достойнымъ подарить ее Поликрату. Съ нею онъ отправился къ дверямъ дворца и сказалъ, что желаетъ быть допущеннымъ къ Поликрату. Получивъ позволеніе, онъ поднесъ Поликрату рыбу и сказалъ: „государь, поймавъ эту рыбу, я не разсудилъ нести ее на рынокъ, хотя живу своими трудами, но счелъ ее достойной тебя и твоей власти; итакъ, приношу ее тебѣ въ подарокъ“. На это Поликратъ, очень довольный, отвѣчалъ: „ты прекрасно сдѣлалъ, и вотъ тебѣ двойная благодарность за твои слова и за твой подарокъ: мы приглашаемъ тебя на пиръ“. Обрадованный рыбакъ пошелъ домой. Слуги разрѣзали рыбу и нашли въ ея кишкахъ перстень Поликрата; увидавъ его, они тотчасъ же взяли и съ большой радостью принесли къ Поликрату; отдавая ему перстень, они разсказали, какъ онъ нашелся. Поликратъ подумалъ, что это дѣло божеское; написалъ въ письмѣ обо всемъ, что дѣлалъ и что изъ этого вышло, и это письмо отослалъ въ Египетъ.

„Прочтя письмо Поликрата, Амазисъ понялъ, что человѣкъ не можетъ избавить другого человѣка отъ грозящаго ему несчастія и что не кончитъ добромъ Поликрату, ибо онъ успѣваетъ во всемъ и даже находитъ то, что̀ бросилъ. Поэтому Амазисъ прислалъ въ Самосъ вѣстника съ объявленіемъ, что уничтожаетъ союзъ; онъ сдѣлалъ это ради того, чтобы не огорчиться за своего друга, когда на Поликрата обрушится великое и ужасное несчастье“.

Далѣе, съ 44-й по 66-ю гл. Геродотъ ведетъ рѣчь объ удачной осадѣ Самоса лакедемонянами и выгнанными Поликратомъ самосцами, съ 67-й по 116-ю гл.—о персахъ, а въ 117—120 главахъ снова возвращается къ Поликрату и передаетъ объ его несчастной смерти. Его погубилъ Оритъ, персидскій правитель въ малоазіатскомъ городѣ Сардахъ. Подъ мнимымъ предлогомъ, что будто бы, вслѣдствіе замысловъ на него Камбиза, онъ проситъ Поликрата взять его къ себѣ вмѣстѣ со своими громадными сокровищами, Оритъ заманилъ его въ Сарды и, измучивъ, позорно распялъ его на крестѣ. До этого довело Поликрата его необыкновенное счастіе, какъ предсказывалъ ему египетскій царь Амазисъ, такъ заключаетъ свою повѣсть о немъ Геродотъ.

Геродотъ передаетъ, такимъ образомъ, вообще о насильственномъ захватѣ Поликратомъ единодержавной власти въ Самосѣ, массы острововъ и приморскихъ городовъ, о его дружескихъ сношеніяхъ съ Амазисомъ, о судьбѣ перстня, отказѣ Амазиса отъ союза, удачныхъ войнахъ и позорномъ концѣ.

Общность содержанія поэтическаго созданія Шиллера съ этимъ разсказомъ, кромѣ различныхъ частностей, прежде всего проглядываетъ въ одной и той же основной идеѣ. Поэтъ воплотилъ, найденное имъ у Геродота, своеобразное воззрѣніе грековъ на общую всѣмъ временамъ *мысль о непостоянствѣ земного счастія.*

Всегда сознавали или, по крайней мѣрѣ, чувствовали, что счастіе, какъ и все земное, имѣетъ свои предѣлы и что поэтому ни одному человѣку не свойственно полное благополучіе. Въ жизни человѣка радость мѣняется горемъ и уравновѣшивается имъ. Даже въ наши дни мы часто замѣчаемъ, какъ тревожатся за того, кто быстро идетъ въ гору.

Но теперь понимаютъ дѣйствительную причину опасеній. Въ счастіи человѣкъ легко способенъ забываться и не думать о зависимости; самомнѣніе, тщеславіе и гордость ослѣпляютъ его.

Подобно Поликрату онъ начинаетъ считать себя какимъ-то избранникомъ; становится глухъ къ совѣтамъ близкихъ, начинаетъ смотрѣть на окружающее презрительно, надменно; не хочетъ знать ни дѣйствительности, ни возможныхъ опасностей, въ своей жизни мечтаетъ руководствоваться одной своей силой и волей и, при такомъ ослѣпленіи, естественно, не можетъ удержаться на прежней высотѣ.

Несчастіе является необходимой и полезной школой для облагороженія сердца человѣка, отрезвленія его взгляда.

Человѣкъ самъ въ себѣ носитъ небо и адъ и своимъ несчастіемъ бываетъ обязанъ чаще всего самому себѣ.

Если же посылается оно свыше, то или въ наказаніе за преступленія, или для прощенія, или же, если не за вину, то для того, чтобы путемъ страданія довести человѣка до еще большаго нравственнаго совершенства и духовнаго просвѣтленія.

По современному воззрѣнію, Божество — существо совершеннѣйшее, которому въ отношеніяхъ къ людямъ свойственна одна благость, благоволеніе; страданія же посылаетъ въ случаяхъ, когда они лучше, нежели само счастіе, могутъ служить средствомъ для блага людей.

Греки поняли дѣло по-своему. Не умѣя объяснить изъ психологическихъ основаній или общественныхъ отношеній и приписывая богамъ всѣ хорошія и дурныя свойства людей, они, сообразно своему наивному характеру, всю вину свалили на боговъ.

Боги, по ихъ вѣрованію, не всесильны, не законодатели, но ограничены высшей Судьбой и во многомъ зависятъ отъ нея; они не избавлены отъ страстей и даже отъ страданій; полное блаженство имъ не принадлежитъ. Они или сами другъ другу наносятъ оскорбленіе, или же огорчаютъ ихъ люди.

Особенно непріятно имъ, когда видятъ постоянно возвышающееся счастіе какого-нибудь человѣка. Они опасаются за униженіе своего достоинства, за то, чтобы смертный не сравнялся съ ними или даже не превзошелъ ихъ, чтобы онъ не достигъ такого совершеннаго благополучія, какого лишены они въ своей божественной жизни.

Такой счастливецъ возбуждаетъ въ нихъ непримиримую зависть.

Поэтому, едва замѣчаютъ они его, тотчасъ стараются мѣшать ему, и чѣмъ выше взобрался было онъ, тѣмъ ниже опускаютъ они его, тѣмъ ужаснѣе бываетъ наказаніе: большое счастіе считали они преступленіемъ, достойнымъ наказанія.

Возраженіе, что боги вѣдь, однако, сами посылали то счастіе, которое потомъ возбуждало ихъ зависть, не безпокоило грековъ: положеніе, что безпрерывно возрастающаго счастія не существуетъ, что громадное счастіе разбивается о равносильную бѣду, и разбивается именно вслѣдствіе зависти боговъ, держалось у нихъ крѣпко.

И Геродотъ, историкъ національный, высказывая подобныя мысли, вполнѣ удовлетворялъ своей средѣ и эпохѣ, когда греки, подобно ему, еще были проникнуты неподдѣльною вѣрой въ реальность миѳической древности, когда вѣра еще была неразрывна съ патріотизмомъ и всею публичною жизнію эллинскаго міра.

Ту же идею о непостоянствѣ счастія выражаетъ здѣсь и Шиллеръ, какъ онъ высказывалъ ее и въ другихъ произведеніяхъ («Колоколъ», «Смерть Валленштейна»), такъ какъ это древнегреческое воззрѣніе вплоть до зависти боговъ, по замѣчанію Гофмейстера, было *его собственнымъ чувствомъ и ученіемъ.* «Глубокое, постоянное сознаніе зависимости отъ высочайшей силы, въ которой мы тогда бываемъ всего менѣе увѣрены, когда находимся на верху могущества,—вотъ тотъ религіозный духъ, который вѣетъ въ нравственно-поэтическомъ мірѣ Шиллера».

Идея — общее; отъ нея, точно отъ стебля, тянутся, выросшія по различнымъ направленіямъ, двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна росла сама собою, почти подъ однимъ вліяніемъ природы, а другая — подъ зоркимъ уходомъ искуснаго садовника.

Всегда и во всемъ объективный и спокойный, Геродотъ передавалъ событіе, какъ оно было, или, по крайней мѣрѣ, какъ ему было извѣстно. Его прямая задача — дѣйствительность, фактъ, передѣлывать который, ради идеи, ему не представлялось надобности. Идею онъ нашелъ въ самомъ фактѣ, отъ котораго она не отдѣлялась, и записалъ, какъ подходящее народное объясненіе событія.

Иныя требованія долженъ былъ выполнить Шиллеръ. Онъ—не бытописатель, а поэтъ; его дѣло не въ томъ, чтобы разсказывать событіе по порядку, а въ томъ, чтобы *художественно олицетворить идею въ формѣ греческаго міровоззрѣнія.* И сообразно съ этимъ, то же самое повѣствованіе Геродота, само по себѣ цѣльное и изящное, является для него уже *сырымъ, подлежащимъ серіозной обработкѣ, матеріаломъ.*

Съ истиннымъ пониманіемъ интересовъ поэзіи Шиллеръ, прежде всего, *отсѣкъ* изъ разсказа, что̀ не подходило къ идеѣ.

Онъ опустилъ все его начало—извѣстіе о насильственныхъ и преступныхъ средствахъ, употребленныхъ Поликратомъ для своего возвышенія: убійствѣ одного брата, изгнаніи другого и т. д. Сохраненіе этихъ подробностей оставило бы идею недоказанной. Если бы хотя одинъ темный фактъ былъ сообщенъ читателю, то гибель Поликрата ему могла бы показаться не слѣдствіемъ зависти боговъ, а заслужен-

ной божественною карой за преступленіе или справедливой местью со стороны оскорбленныхъ.

Обрывая стихотвореніе на возвращеніи перстня и отъѣздѣ Амазиса, Шиллеръ не воспроизводитъ и конца разсказа—извѣстія о печальной смерти Поликрата. Нѣкоторые изъ критиковъ сочли это недостаткомъ въ произведеніи. Напрасно. Картина бѣдствій въ значительной степени заслонила бы идею. Читатель былъ бы пораженъ фактомъ, но затѣмъ могъ бы и остановиться, нейти далѣе. Теперь же, и безъ картины бѣдствій, въ немъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ необходимости, и возбужденное его воображеніе рисуетъ ему всевозможныя бѣды, имѣвшія постигнуть Поликрата, заставляетъ его предчувствовать ихъ и серіознѣе вдуматься въ роковую силу основной мысли.

Таинственныя ожиданія всегда гнетутъ сильно и продолжительно; поневолѣ задумаешься о причинѣ бѣдъ. Вниманіе погружено теперь въ сферу идеи. Но не нанесено ли тѣмъ ущерба факту, образу? Нимало.

«*Тайна художника — посредствомъ воображенія возжечь воображеніе*», сказалъ Гумбольдтъ. И мы видѣли, какой широкій просторъ отведенъ воображенію читателя въ рисованіи бѣдствій; картина опредѣленнаго несчастія много стѣснила бы его дѣятельность.

Важно также и то, что авторъ имѣлъ своей задачей представить идею о непостоянствѣ счастія не въ фактахъ, а въ томъ чувствѣ ужаса, которое охватываетъ человѣка при видѣ возрастающаго благополучія своего ближняго.

Какой бы смыслъ изображать теперь бѣдствія? Не нарушилась ли бы тѣмъ цѣльность образа? Соотвѣтствовалъ ли бы онъ своей идеѣ? Нѣтъ, требовать отъ Шиллера, чтобы онъ сохранилъ вѣсть о несчастной смерти, значитъ—не понять поэта и его произведенія.

Уже второе измѣненіе разсказа въ значительной степени относится къ индивидуальнымъ особенностямъ Шиллера: изображеніе страданія онъ и самъ не считалъ конечной цѣлью искусства; все же это болѣе отрицательныя свойства: тотъ и другой пропускъ могъ учинить каждый истинный поэтъ. Не то приходится сказать о *прямой обработкѣ* взятаго имъ матеріала: это—исключительно продуктъ его своеобразнаго поэтическаго дара.

Поэтъ-философъ, онъ самъ называлъ исторію магазиномъ для своей фантазіи, говоря, что предметы должны довольствоваться у него той отдѣлкой, какую онъ вздумаетъ имъ дать. Сообразно съ этимъ онъ слишкомъ *мало позаботился здѣсь объ историческихъ деталяхъ и внѣшней обстановкѣ.*

Свое поклоненіе идеѣ простеръ для того, что, при изображеніи дѣйствующихъ лицъ онъ ограничился *одним ихъ нарицательнымъ именемъ*: тиранъ самосскій, властитель, царь Египта, или просто мѣстоименіемъ: онъ, этотъ и т. п. Для него безразлично, какъ бы ни назывались они. Они важны для него не сами по себѣ, а какъ подходящія орудія для выраженія взятой имъ идеи.

Еще оригинальнѣе онъ обошелся съ другими особенностями разсказа.

У Геродота всѣ сношенія между Поликратомъ и Амазисомъ ведутся *письменно* и чрезъ *вѣстниковъ*, на дальніе переходы тратится много времени; счастливыя обстоятельства жизни Поликрата раздѣлены другъ отъ друга цѣлыми годами.

Не такъ поступилъ Шиллеръ. Натура стремительная, поэтъ-драматургъ, онъ всѣ разъединенныя между собой обстоятельства чисто-сценически соединилъ *на небольшомъ мѣстѣ и времени.*

Художественный пріемъ его замѣчательно простъ.

Поэтъ пожелалъ иллюстрировать идею на невольномъ чувствѣ ужаса при видѣ возвышающагося счастія, и сообразно съ этимъ онъ сводитъ друзей въ одно мѣсто, причемъ Амазиса переноситъ на Самосъ, гдѣ онъ становится очевидцемъ быстро возрастающаго могущества и удивительнаго счастія своего друга; замедляющую ходъ событія переписку замѣняетъ непосредственной личной бесѣдой.

Отсюда произошло то, что все у него пріобрѣтаетъ *сконцентрированность, подвижность, скорость* и *наглядность;* время ограничивается *двумя днями*, вѣрнѣе, вечеромъ перваго и раннимъ утромъ второго; дѣйствіе, соотвѣтственно времени, совмѣщается лишь въ двухъ небольшихъ сценахъ.

Первая сцена—на кровлѣ королевской палаты (I—XIII).

Отсюда оба владѣтеля, а вмѣстѣ съ ними какъ бы и читатели, осматриваютъ живописный Самосъ, богатую при-

стань и необъятное море; сюда приноситъ вѣстникъ голову убитаго врага; отсюда виденъ прибывшій въ пристань флотъ — торговый, вслѣдъ за нимъ и военный; отсюда Поликратъ бросаетъ свой перстень.

Рядъ счастливыхъ случаевъ (III—VIII) какъ бы мелькаетъ передъ нашими глазами.

Счастіе Поликрата представляется не готовымъ уже и окончившимся, какъ у Геродота, но, какъ въ драмѣ, совершающимся и оканчивающимся, не прошедшимъ, но *настоящимъ.*

Еще живъ соперникъ, не приплылъ еще торговый флотъ, еще грозятъ войною критяне—сколько возможныхъ опасностей!—но все, одно за другимъ, быстро превращается въ счастіе, благословеніе и побѣду.

Нѣтъ больше соперника Поликрату; его владѣнія процвѣтаютъ внутри, безопасны со-внѣ. Чего же болѣе?

И вдругъ къ этой прелестной, полной движенія, поэтической картинѣ, какъ разъ въ срединѣ стихотворенія (VIII—XIII), вставляется рѣзкая, но и подготовленная, противоположность—выраженіе Амазисомъ основной идеи и дѣйствіе ея на Поликрата.

Оказывается, насколько выше поднималось счастіе Поликрата, настолько сильнѣе тревожился его другъ, настолько мрачнѣе становился его внутренній міръ, — Амазиса постигаетъ удивленіе, страхъ, затѣмъ ужасъ, и когда онъ высказываетъ причину тревогъ, пораженъ своимъ счастіемъ и самъ Поликратъ. *Съ возвышеніемъ внѣшняго благополучія въ одинаковой степени понижалось внутреннее,* чѣмъ выше счастіе, тѣмъ ниже человѣкъ падаетъ духомъ — *контрастъ неожиданный, поразительный, полный.* И только теперь, узнавъ въ чемъ дѣло, поймешь всю естественность опасеній Амазиса, всю подготовленность этой части стихотворенія, ея связь съ предыдущимъ; а ниже, при развязкѣ, открывается ея внутреннее значеніе и для послѣдующаго.

Во второй сценѣ — во внутреннихъ покояхъ дворца — дѣйствіе идетъ къ своему концу еще быстрѣе, чѣмъ въ предыдущей: подарокъ рыбы, возвращеніе перстня и разрывъ дружбы обнимаютъ всего три строфы (XIV—XVI).

Дружба — великое дѣло; основанная всегда на общности стремленій, пониманія, продолжительномъ обмѣнѣ мы-

слей и чувствъ, она, по преимуществу, предъ другими чувствами отличается твердостью и продолжительностью, разорвать ее нелегко, иногда тяжелѣе, чѣмъ раздѣлить съ другомъ приключившiяся ему бѣды.

И, однако, когда предчувствiе приближающейся грозной божественной силы получаетъ явное доказательство, когда, съ возвращенiемъ перстня, завись боговъ несомнѣнна,—чувство страха въ Амазисѣ доходитъ до зенита—и дружба съ человѣкомъ, не только несчастнымъ, но и противнымъ богамъ, невозможна.

Разорвать ее—полное основанiе, прямая необходимость.

И Амазисъ поспѣшно удаляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и самое произведенiе.

Амазисъ—главное лицо въ стихотворенiи. *Онъ наиболѣе полный носитель идеи*; на немъ, на его чувствѣ, главнымъ образомъ, Шиллеръ олицетворилъ ее.

Поликратъ же — герой пассивный.

Онъ, только что съ необыкновеннымъ удовольствiемъ хвалившiйся предъ другомъ своимъ счастiемъ въ Самосѣ, теперь, послѣ бесѣды съ нимъ, самъ испуганъ своимъ благополучiемъ и боязливо смотритъ въ свое будущее.

Конецъ, такимъ образомъ, *полонъ печали* и неожиданно представляетъ *рѣзкiй контрастъ отрадному началу*.

При этомъ насъ не смущаетъ то, что поэтъ чрезвычайно много отступилъ отъ исторiи, представилъ событiе въ иной формѣ. По Геродоту, Амазисъ никогда не бывалъ на Самосѣ, а здѣсь, между тѣмъ, друзья ведутъ личную бесѣду,—выдуманъ полководецъ Полидоръ, Милетъ изъ враждебнаго сталъ союзнымъ, вмѣсто спартанцевъ являются критяне, Амазисъ упоминаетъ о мнимой смерти сына, перстень брошенъ не съ корабля, а съ кровли, Амазисъ отъѣзжаетъ отъ Поликрата, а не просто только отказывается отъ союза съ нимъ, и т. д., и т. д.,—все это мы видимъ и, вмѣстѣ съ Амазисомъ, дивимся необыкновенному счастiю Поликрата, въ быстромъ слѣдованiи счастливыхъ случаевъ готовы подозрѣвать что-то таинственное...

Стихотворенiе оставляетъ сильное впечатлѣнiе; раздумья о неправдоподобiи или абстрактности почти нѣтъ и слѣда.

Въ противоположность спокойному разсказу Геродота, мы видимъ живую драму; вмѣсто повѣсти о тянувшихся

цѣлые годы событіяхъ — волшебную, быстро промелькнувшую и исчезнувшую картину...

И именно—*волшебную*. Чтобы показаться вполнѣ реальной, она требуетъ отъ читателя многихъ дополненій изъ его собственнаго запаса историко-географическихъ знаній. Она едва ли бы не выиграла, если бы Шиллеръ ближе держался къ мѣстной почвѣ, внесъ въ стихотвореніе нѣсколько лишнихъ чертъ и не допустилъ нѣкоторыхъ, вызывающихъ недоразумѣніе, выраженій. Мѣсто дѣйствія указано слишкомъ обще—Самосъ, кровля и т. п.; безъ знанія о мѣстности изъ другихъ источниковъ не легко составить себѣ цѣльное и близкое къ дѣйствительности представленіе.

Дѣйствующія лица здѣсь не названы — не всякій можетъ догадаться, о комъ идетъ рѣчь. Индивидуальныя особенности характеровъ почти не обрисованы.

Единственно, что рельефнѣе выступаетъ у Амазиса, это — возрастающее опасеніе близкой перемѣны, у Поликрата—сначала гордое самомнѣніе, потомъ, подъ вліяніемъ словъ друга, опасеніе и желаніе избѣгнуть бѣдствія посредствомъ добровольной жертвы.

Не всякому также покажется правдоподобнымъ, чтобы Поликратъ до такой степени забылся и чтобы Амазисъ пріѣхалъ на Самосъ, когда такъ много грозило опасностей.

Особенно ставятъ въ затрудненіе нѣкоторыя своеобразныя выраженія. 1. „Живетъ одинъ“ (Einer lebt, 11, 4) — какой врагъ: внутренній или внѣшній, братъ Поликрата или чужой ему? 2. „Твой флотъ“ (deiner Flotte, V, 6) — торговый или военный? 3. Es wallen (IX, 2)—люди или побѣдные флаги? Даже спеціалисты отвѣтили совершенно различно.

Глаголъ „возразилъ“ (versetzt, V, 4) указываетъ, что рѣчь Амазиса какъ будто относилась къ вѣстнику, между тѣмъ, она, очевидно направлялась къ Поликрату. Выраженіе: „богатый мачтами лѣсъ кораблей“ (Der Schiffe mastenreicher Wald, VI, 6)—ясно только благодаря указанію на мачты. Сказуемое: „сорвалось“ (entfallen), VIII, 1)—можетъ быть отнесено лишь къ необдуманной рѣчи, къ словамъ Амазиса приложить его трудно. Эпитеты къ повару: „смущенный“ (bestürzt, XV, 2) и къ его взгляду: „удивленный“ (mit hocherstauntem Blick)—неправдоподобны: „въ первомъ случаѣ было бы умѣстнѣе вмѣсто смущенія—*удивленіе*, во второмъ вмѣсто удивленія — *радость*, такъ какъ поваръ ничего не зналъ о потери дорогого перстня“ (Düntzer, VI—VII, 168).

Таковы положительныя и отрицательныя стороны произведенія. Какое же вообще мнѣніе произнести теперь о немъ?

Общая точка зрѣнія всегда обусловливалась тѣмъ, какой кто держался теоріи баллады и поэзіи. Другъ, совѣтникъ и постоянный критикъ Шиллера, Кернеръ, прочитавъ «Перстень Поликрата», отвѣтилъ, что въ немъ хороши одни стихи, но въ цѣломъ произведеніе сухо и не соотвѣтствуетъ задачѣ баллады. Единство здѣсь лежитъ въ абстрактной идеѣ, но въ балладѣ, какъ произведеніи повѣствовательномъ, господство сверхчувственнаго не должно быть допущено. Настоящая задача этого вида поэзіи — представленіе въ дѣйствіи высшей человѣческой натуры, которая должна или побѣдить послѣ труднаго сраженія, или пасть въ неравной борьбѣ съ превышающей ее внѣшнею силой. «Судьба никогда не можетъ стать героемъ стихотворенія, но только человѣкъ, который борется съ судьбой, какъ, напр., Прометей».

Совершенно противоположный взглядъ высказалъ *Гёте*: онъ остался вполнѣ доволенъ произведеніемъ, особенно концомъ его; нашелъ, что оно много выигрываетъ при перечитываніи и что его нельзя, подобно Кернеру, смѣшивать съ тѣми, которыя только символизируютъ абстрактную идею.

Поэтъ нимало не нарушилъ правъ поэзіи, не перешелъ ея границъ; напротивъ, съ даннымъ произведеніемъ получается новый, расширяющій права поэзіи, способъ выраженія идеи.

Самъ Шиллеръ нашелъ мнѣніе Кернера «не безосновательнымъ», но больше склонился къ сужденію Гёте.

Послѣднее мнѣніе восторжествовало. Отдать ему преимущество, дѣйствительно, слѣдуетъ, но нельзя не принять въ разсчетъ и положеній Кернера. Если было бы большой ошибкой назвать это произведеніе сухимъ и абстрактнымъ, символомъ или аллегоріей, то все же то, чѣмъ подкупаетъ оно,—не пластика, не рельефность образа—твердыхъ очертаній и достаточной ясности красокъ глазъ не находитъ: произведеніе поражаетъ широтой своей идеи, фантастичностью картины, цѣльностью образа, подвижностью и необычайно логически-стройной композиціей. Это не просто поэтическое произведеніе, но поэтически-философское. Его могъ создать только одинъ Шиллеръ.

Дмитрій Цвѣтаевъ.

Любовь въ поэзіи Жуковскаго.

Романтизмъ среднихъ вѣковъ, разумѣется, не годится для нашего времени: теперь онъ не истина, а ложь; но въ свое время онъ былъ истиной.

Былъ и въ исторіи русской литературы, и русскаго общества моментъ, когда для нихъ романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ сѣменемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи.

Великъ подвигъ того, кто удовлетворилъ этой потребности; но тѣмъ не менѣе мы не должны оставаться при одномъ безотчетномъ удивленіи къ этому подвигу,—должны сознать его въ настоящемъ его значеніи, увидѣть всѣ его стороны.

Мало того, чтобъ сказать, что Жуковскій ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію, надо показать этотъ романтизмъ въ его настоящемъ видѣ.

Любовь играетъ главную роль въ поэзіи Жуковскаго. *Какой же характеръ этой любви?* въ чемъ ея сущность?

Сколько мы понимаемъ, это не любовь, а *скорѣе потребность, жажда любви, стремленіе къ любви*, и потому *любовь въ поэзіи Жуковскаго—какое-то неопредѣленное чувство.*

Это —

Унылія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ—души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія радость, томленье разлуки.

Мы слышимъ въ поэзіи Жуковскаго стоны растерзаннаго сердца, видимъ слезы по несбывшимся сладостнымъ надеждамъ,—и сочувствуемъ этому горю безъ утѣшенія, этой скорби безъ выхода, этому страданію безъ исцѣленія; но не видимъ живого голоса, столь дорогого сердцу поэта: для насъ это—видѣніе, призракъ...

В. Г. Бѣлинскій.

Природа въ произведеніяхъ Жуковскаго.

Мы бы опустили одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ поэзіи Жуковскаго, если бъ не помянули о дивномъ искусствѣ этого поэта *живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь.*

Утро ли, полдень ли, вечеръ ли, ночь ли, ведро ли, буря ли, или пейзажъ—все это дышетъ въ яркихъ картинахъ Жуковскаго какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью...

Примѣры лучше всего объяснятъ нашу мысль касательно этого предмета:

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
 Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
 Повсюду видѣлъ взоръ.
Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
 Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
 Въ струяхъ его дрожалъ.
Тамъ пламенѣлъ бреговъ на тихомъ склонѣ
 Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ,
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
 Съ звѣздами сводъ небесъ.
Вдали, вблизи разсыпанныя села
 Дымились по утрамъ,
Отъ рѣзвыхъ стадъ долина вся шумѣла,
 И вторилъ лѣсъ рогамъ.
Спѣшилъ съ пути прохожій своратяся
 На Ирлингфоръ взглянуть,
И, красотой его плѣняся,
 Онъ забывалъ свой путь.

(„Варвикъ").

 Владыка Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ.
 Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ.
 Прибрежны дубравы
 Склонились къ водамъ,
 И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ оленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.
. . . .
На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна.
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.
. . . .
Прохладно дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтки колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ.
Творенія радость,
Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.
И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

(„Эолова Арфа").

И вотъ... насталъ послѣдній день
Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина,
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ,
Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокій на поляхъ;
   И близокъ часъ полночи...
   . . . .
И все въ ужасной тишинѣ;
   Окрестность, какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
   Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ:
   Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ,
   И мчится прахъ летучій...
Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
   Съ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
   Сквозь темны липъ вершины;
И ласточка зари восходъ
   Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И роща въ тѣнь свою зоветъ
   Листочковъ трепетаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
   Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
   Теряясь за холмами...

Увы! ужъ и послѣдній день
   Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
   Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло;
   Все нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
   Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
   Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылекъ
   И пьетъ его дыханье...

(„Громобой").

И воцарилась всюду тишина;
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой мглѣ промчится
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
      Иль сонный листъ зашевелится.
Я на брегу одинъ... окрестность вся молчитъ...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
      Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышетъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышетъ;
Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.
И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ:
И, мнится, на меня вперилъ онъ томны очи;
Безъ образа лицо, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.
Смотрю... и, мнится, все, что̀ было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что̀ жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ..

(„Славянка").

Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что изображаемая Жуковскимъ природа—*романтическая природа, дышащая таинственной жизнью души и сердца, исполненная высшаго смысла и значенія.*

В. Г. Бѣлинскій.

Жуковскій, какъ переводчикъ.

Для успѣховъ нашей поэзіи необходимо было знакомство съ литературами новыхъ народовъ, кромѣ французской. Частію это и было дѣлано, если литераторъ зналъ какой-либо иностранный языкъ: такъ Державинъ обращался къ нѣмецкимъ стихотворцамъ, а Княжнинъ къ италіанскимъ.

Но важнѣйшая заслуга по этому предмету принадлежитъ *Жуковскому* (1783—1852): *прекрасными переводами образцовыхъ твореній онъ расширилъ передъ нами поэтическій горизонтъ, который до того почти исключительно ограничивался французскими авторами ложноклассическаго періода.*

Жуковскій переводилъ преимущественно сочиненія *нѣмецкихъ и анлійскихъ поэтовъ*, которыя относятся къ романтическому направленію.

Поэтому онъ называлъ себя родоначальникомъ романтизма на Руси.

Романтическая поэзія получила свое названіе оттого, что *первыя ея произведенія явились на языкахъ «романскихъ»*, образовавшихся изъ смѣшенія латинскаго съ языками народовъ, сокрушившихъ римское могущество.

Это — поэзія новаго, христіанскаго міра, противоположная поэзіи древняго міра, греко-римской.

Она образовалась подъ вліяніемъ христіанства, и этимъ вліяніемъ опредѣляются ея существенныя свойства.

Христіанство подчинило тѣлесное духовному, земное—небесному; и для романтическаго поэта идеаломъ красоты сдѣлался *человѣческій духъ — его помыслы, чувствованія и желанія.*

Земная жизнь не удовлетворяла поэта, потому что онъ не находилъ въ ней идеала: отсюда *грусть, какъ главнѣйшій элементъ романтизма*, служитъ почти неизсякаемою темою для поэтовъ христіанскаго міра.

«Меланхолія», говоритъ Жуковскій, «есть одна изъ звучащихъ струнъ романтической лиры, т.-е. лиры, настроенной послѣ христіанства».

Этимъ объясняется сильное развитіе *элегической поэзіи*, выражающей бренность, преходимость всего земного.

За идеаломъ романтикъ устремляется къ другому міру—*таинственному, небесному*; но какъ человѣку невозможно достигнуть его, то эти стремленія отличаются мечтательностью и туманностью.

Романтическія произведенія Жуковскаго какъ переводныя, такъ и оригинальныя, относятся преимущественно *къ элегіямъ и балладамъ.*

Первый родъ былъ преобладающимъ въ его стихотворствѣ.

Переводомъ элегіи «Сельское кладбище» (англійскаго поэта Грея) началась его поэзія.

Большею частію переводилъ онъ изъ Шиллера, по особенному къ нему сочувствію, затѣмъ изъ Гёте, Уланда, Бюргера, Гебеля, Зейдлица и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ; а изъ англійскихъ — Грея, Саути, Гольдсмита, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Мура.

Для переводовъ выбиралъ онъ то, что своимъ содержаніемъ совпадало съ его душевнымъ настроеніемъ; «у меня, писалъ онъ Гоголю, почти все чужое или по поводу чу-

жаго—и все однако мое», т.-е. заимствуемое у другихъ было въ то же время и его собственностью, такъ какъ постигнутое и прочувствованное оригинальнымъ авторомъ постигалось и чувствовалось имъ въ той же мѣрѣ и находило въ немъ мастерскаго переводчика.

Изъ собственныхъ элегій Жуковскаго наилучшая— «Теонъ и Эсхинъ».

Содержаніемъ ея, равно какъ и всѣхъ другихъ пьесъ того же рода, служитъ «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ», по утраченномъ идеалѣ. Идеаломъ счастія была жизнь съ любимымъ человѣкомъ; поэтъ стремился къ нему, но судьба не увѣнчала его стремленій: разлука погубила счастіе. Въ несчастіи поэтъ находитъ двоякое утѣшеніе — воспоминаніе о потерянномъ благѣ и надежду на его возвращеніе:

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ, и позабылъ.

Въ настоящемъ поэтъ живетъ воспоминаніемъ прошлаго:

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Скорбь есть замѣна счастія, вѣрное свидѣтельство того, что идеалъ не окончательно утраченъ:

И скорьбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.
Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь:
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

Такимъ образомъ *скорбь объ утраченномъ благѣ въ элегіяхъ Жуковскаго не есть безотрадно-тяжелое чувство:* она

умѣряется воспоминаніемъ и надеждой, находитъ утѣшеніе и въ прошломъ и въ будущемъ. Жалобы не выражаютъ ни душевной горечи, ни презрѣнія къ жизни; напротивъ, онѣ оканчиваются внутреннимъ покоемъ, благодушнымъ примиреніемъ съ несчастной долей. О спутникахъ, которые своимъ присутствіемъ животворили для насъ міръ, Жуковскій говоритъ не съ печалью: ихъ нѣтъ, а съ благодарностію: были. Разсказъ о своей тяжкой судьбѣ Теонъ заключаетъ восклицаніемъ: «Хвала жизнедавцу-Зевесу!»

Элегіи Жуковскаго, равно какъ и другія его произведенія, обогатили нашу лирику новымъ, плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важную эпоху въ ея развитіи.

Онѣ *впервые искренно и поэтично выражали жизнь души*,—предмета, наиболѣе достойнаго поэзіи.

Въ какія бы формы ни облекались представленія и чувства Жуковскаго, внутренній міръ человѣка постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто.

Красота любви, дружбы, поэзіи, таинственныя соотношенія природы и человѣка, радость въ наслажденіи ими, печаль при ихъ утратѣ... выступаютъ даже въ стихотвореніяхъ, написанныхъ на случай.

Такъ, «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», возбуждая патріотизмъ, содержитъ въ себѣ не мало мѣстъ, выражающихъ тоску о погибшемъ счастьѣ, о прелестяхъ любви, дружбы и служенья музамъ.

Такъ, еще въ пьесѣ «На кончину королевы Виртембергской», кромѣ трогательнаго воспоминанія объ умершей, поэтъ вводитъ строфы о бѣдности нашей жизни вообще, о гибели всего прекраснаго на землѣ:

О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Жуковскому одолжены мы также введеніемъ въ нашу литературу новаго поэтическаго вида—*баллады*.

Первообразомъ баллады была народная пѣснь англичанъ и шотландцевъ. Это — *лироэпическое стихотвореніе*, въ которомъ кратко повѣствуется о какомъ-нибудь небольшомъ событіи и вмѣстѣ выражается внутреннее состояніе дѣйствующаго лица.

Перешедъ въ Германію, оно расширилось въ объемѣ и, кромѣ того, приняло въ себя фантастическій элементъ, который, однакожъ, не составляетъ существеннаго признака, а есть случайная примѣсь.

Въ этомъ послѣднемъ, національно-нѣмецкомъ характерѣ явилась баллада и въ нашей литературѣ. Первый опытъ ея: «Людмила» — передѣлка Бюргеровой «Леноры» — своею новостью и прелестью гармоническихъ стиховъ произвела сильное впечатлѣніе на публику, подобно тому, какое произвелъ Карамзинъ «Бѣдной Лизой».

Затѣмъ слѣдовали переводы другихъ нѣмецкихъ балладъ: Шиллера («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Графъ Габсбургскій», «Торжество побѣдителей», «Кубокъ», «Жалоба Цереры» и др.), Уланда («Мщеніе», Гаральдъ, «Три пѣсни»), Гёте («Лѣсной царь») и англійскихъ: Саути, Гольдсмита, Вальтеръ-Скотта («Замокъ Смальгольмъ»).

Оригинальныхъ балладъ Жуковскаго только двѣ: «Свѣтлана» и «Ахиллъ».

Первая описаніемъ гаданья на святкахъ и страшнаго сна гадавшей дѣвицы придавала русскій колоритъ стихотворенію, чѣмъ особенно и нравилась читателямъ и читательницамъ; вторая, по изяществу стиха и по искреннему выраженію печальнаго предчувствія, считалась образцовой.

Современники восхищались обѣими; многіе знали ихъ наизусть отъ начала до конца.

Главная заслуга Жуковскаго, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, что онъ познакомилъ насъ съ разнообразными произведеніями иностранныхъ литературъ и тѣмъ далъ возможность сравнивать ихъ однѣ съ другими, судить о ихъ достоинствѣ.

Дѣйствительно, переводы его захватываютъ большое число авторовъ, представляютъ образцы многихъ поэтическихъ родовъ и видовъ.

Собраніе его сочиненій заключаетъ въ этомъ отношеніи обильный матеріалъ.

Для знакомства съ греческимъ, индійскимъ и персидскимъ эпосомъ служатъ: вторая пѣсня «Энеиды», «Одиссея», «Наль и Дамаянти», «Рустемъ и Зорабъ», со средневѣковымъ — романсы «О Сидѣ», съ романической драмой— «Орлеанская Дѣва» (Шиллера), съ новороманическою повѣстью—«Ундина», съ поэзіей Байрона и Мура—«Шильонскій узникъ» и «Ангелъ и Пери», съ лирикой—всѣ ея виды и формы: оды, гимны, элегіи, пѣсни, съ другими видами эпической поэзіи: повѣсти, сказки, баллады и романсы.

Въ художественномъ исполненіи переводы Жуковскаго справедливо почитаются *образцовыми*, какъ по *внутреннему* значенію (духу и тону), такъ и по *внѣшнему* (выраженію).

Чтобъ убѣдиться въ томъ, достаточно сличить переводы такихъ пьесъ Шиллера, какъ «Орлеанская Дѣва», «Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры» съ ихъ подлинниками.

Жуковскій приступалъ къ дѣлу съ вѣрнымъ понятіемъ объ обязанностяхъ переводчика поэтическихъ произведеній.

Онъ поставлялъ главную заслугу перевода въ дѣйствіи, равносильномъ дѣйствію оригинала, а для этого переводчику необходимо исполниться духомъ переводимаго поэта.

Вотъ слова его: «*Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ-переводчикъ въ такой же степени воспламеняется образцомъ своимъ, который заступаетъ для него мѣсто идеала собственнаго:* слѣдовательно, *переводчикъ, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть одинаковое съ нимъ воображеніе, одинаковое искусство слога, одинаковую силу въ умѣ и чувствахъ*».

А. Галаховъ.

Жуковскій и реальная жизнь.

Бо́льшую связь со своей эпохой обнаруживала поэзія Жуковскаго—столь популярная въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ XIX вѣка.

Она сумѣла уловить господствующее *сентиментально-религіозное* настроеніе русскаго общества, равно какъ и *патріотическій подъемъ его духа*, но для выраженія этихъ народныхъ чертъ поэзія Жуковскаго почти всегда пользова-

лась заимствованной формой, образами и картинами, взятыми изъ какой угодно исторической жизни, но только не нашей.

Чутья дѣйствительности у Василія Андреевича совсѣмъ не было, да онъ, какъ извѣстно, *мало интересовался этой дѣйствительностью*, всегда предпочитая ей «былое» или туманное «тамъ».

Опредѣлить по его поэзіи, въ какой исторический моментъ она создалась, крайне трудно, хотя, если этотъ историческій моментъ опредѣленъ, то имъ объясняются легко всѣ основные мотивы этой однообразной, но задушевной пѣсни.

При своей нелюбви къ житейскому факту и при стремленіи отыскать въ немъ всегда общій нравственный или религіозный смыслъ, *Жуковскій избѣгалъ всякаго намека на реализмъ въ своемъ искусствѣ*, и искать въ его творчествѣ какихъ-нибудь бытовыхъ чертъ—напрасно.

Даже тогда, когда поэтъ съ умысломъ хотѣлъ быть русскимъ и брался за разработку русскихъ національныхъ преданій и старины—онъ никогда не могъ выдержать наивно-правдиваго тона, и пѣсня его сбивалась на иностранный мотивъ, хотя критика, обманутая ея искренностью и красотой, и признавала эту пѣсню нерѣдко за истинно-народную.

Случалось, впрочемъ, и Жуковскому иной разъ напасть на тему современную, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ ограничивались совсѣмъ незначущими эскизами и замѣтками, и онъ писалъ ихъ презрѣнной прозой.

Русская дѣйствительность была, такимъ образомъ, обойдена Жуковскимъ, и онъ за своей собственной личностью просмотрѣлъ ее или, вѣрнѣе, не хотѣлъ къ ней приглядѣться.

А Василій Андреевичъ имѣлъ случай изучить ее—и въ деревнѣ, и въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ, и въ походахъ, и въ гостиныхъ, и во дворцѣ.

Но онъ этимъ знаніемъ не воспользовался.

Всю жизнь остался онъ *юношей-мечтателемъ*, и какъ поэтъ неохотно присматривался къ повседневной тихой русской жизни, и еще менѣе прислушивался къ шуму жизни западной, среди которой ему проживать случалось.

Несторъ Котляревскій.

Стихъ Жуковскаго.

Стихъ и проза Жуковскаго обнаруживаютъ *свободное, мастерское умѣнье владѣть роднымъ языкомъ.*

Особенно важенъ *стихъ*, составляющій эпоху въ исторіи нашей версификаціи.

По двумъ періодамъ поэтической дѣятельности Жуковскаго онъ представляетъ два отличія: въ пьесахъ романтическихъ, соотвѣтственно ихъ содержанію, онъ по преимуществу *музыкаленъ*; въ пьесахъ того времени, когда Жуковскій, говоря его словами, изъ мечтателя - романтика сдѣлался классикомъ, онъ, также соотвѣтственно ихъ содержанію, по преимуществу *изобразителенъ.*

Эти два свойства: музыкальность или благозвучіе и изобразительность или живописность, и образуютъ истинно художественный стихъ.

До Жуковскаго ни одинъ изъ русскихъ писателей не употреблялъ *столь разнообразныхъ стихотворныхъ размѣровъ:* онъ первый ввелъ ихъ въ нашу версификацію и водворилъ въ ней навсегда; каждый опытъ его въ томъ или другомъ былъ въ то же время образцомъ.

Замѣтивъ *монотонность хореевъ съ дактилическими окончаніями*, которыми Карамзинъ, въ подражаніе народнымъ пѣснямъ, написалъ «Илью Муромца», онъ употреблялъ эти окончанія *черезъ стихъ* (наприм., въ монологѣ Іоанны д'Аркъ: «Ахъ, почто за мечъ воинственный»...)

«Орлеанская Дѣва» Шиллера переведена пятистопными ямбами, что тогда было новостью, потому что трагедіи обыкновенно писались александрійскими стихами.

Въ «Шильонскомъ узникѣ» (Байрона) однѣ мужскія риѳмы, которыя, однако, не утомляютъ монотонностью.

Въ балладѣ «Замокъ Смальгольмъ» (Вальтеръ-Скотта) чередуется трехстопный и четырехстопный анапестъ, на который рѣдко покушались наши стихотворцы, какъ на тяжелый метръ.

Въ послѣднее время простота формы сдѣлалась идеаломъ Жуковскаго: любимыми его метрами стали ямбы безъ риѳмъ и гексаметръ.

Переводъ «Одиссеи» въ литературномъ отношеніи удовлетворителенъ; но нельзя того же сказать о вѣрности подлиннику: въ этомъ отношеніи онъ, сдѣланный не съ подлинника, а съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, много уступаетъ «Иліадѣ» Гнѣдича.

А. Галаховъ.

Жуковскій, какъ учитель русскаго общества.

Главная изъ особенностей, рѣзко отличающихъ русскую литературу отъ литературы другихъ европейскихъ народовъ,—та, что наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось поучительное слово.

Всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были *художниками-проповѣдниками.*

Эта знаменательнѣйшая черта съ особенной яркостью обрисовалась въ послѣднія 60 лѣтъ, но начатки ея идутъ очень далеко.

Русская литература начинается съ *Кантемира,*—и чѣмъ же былъ этотъ первый лепетъ нашего художественнаго творчества, еще не нашедшаго себѣ даже соотвѣтственнаго литературнаго выраженія, еще пользовавшагося антихудожественною формою прежняго, монашескаго періода русскаго просвѣщенія—силлабическими виршами?

Воспитанника древнихъ классиковъ, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи всѣ роды и виды литературы, не прельстила ни безпритязательная любовная пѣснь, ни отрѣшенная отъ жизни идиллія, хотя въ переводѣ образцовъ этихъ родовъ поэзіи онъ и упражнялъ свой стихъ.

Онъ *прямо схватился за бичъ сатиры* и является въ ней одушевленнымъ поборникомъ и пропагандистомъ петровской реформы.

Такимъ же воинствующимъ публицистомъ и страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры былъ и *Ломоносовъ* въ своихъ одахъ, несмотря на всю низкопоклонность ихъ.

Оды *Державина* тоже вышли изъ невысокихъ побужденій, но настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтическою лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины.

Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣшенное по своей темѣ отъ условій мѣста и времени произведеніе, какъ ода «Богъ», непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму.

Творчество четвертаго крупнаго дѣятеля XVIII вѣка—*Фонвизина* уже всецѣло посвящено учительнымъ задачамъ глубокаго общественнаго значенія.

Тѣмъ же серьезнымъ общественнымъ задачамъ посвятила себя оригинальная, полу-художественная, полу-прямопублицистическая литература памфлета и картинъ нравовъ, которая приняла форму летучихъ листковъ такъ называемой «сатирической журналистики».

Народившійся въ концѣ вѣка сентиментализмъ ударился въ одно приторное воспѣваніе чувства или, вѣрнѣе, чувствительности, но онъ не привлекъ къ себѣ ни одного крупнаго художественнаго дарованія (значеніе Карамзина не художественное), а наиболѣе даровитый изъ пѣвцовъ сентиментализма — *Дмитріевъ* выказалъ лучшія стороны своего дарованія въ сатирѣ на злобу дня—наводненіе литературы скверными одами.

Въ началѣ нашего вѣка выдѣляется дѣятельность писателя, литературная карьера котораго особенно *ярко подчеркиваетъ учительное значеніе русской* литературы.

Мы говоримъ *о Жуковскомъ*, поэтѣ *очень симпатичнаго и изящнаго*, но безусловно второстепеннаго *дарованія* и тѣмъ не менѣе достигшаго первостепеннаго значенія.

Чѣмъ же? Тѣмъ, что *онъ взялъ на себя роль учителя въ буквальномъ смыслѣ слова* и знакомилъ русское общество съ литературою Запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ.

А изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго наибольшее впечатлѣніе произвелъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Сверстникъ и современникъ Жуковскаго — Батюшковъ былъ поэтъ болѣе сильнаго и оригинальнаго дарованія, чѣмъ Жуковскій, но онъ не достигъ и половины значенія и популярности послѣдняго, потому что его эпикурейская муза, воспѣвавшая наслажденіе, была чужда русскому читателю, привыкшему искать въ литературѣ не только забавы, но и правилъ жизни.

С. Венгеровъ.

Жуковскій — знаменитѣйшій дѣятель карамзинскаго періода.

Таланта Жуковскаго стало-бы, чтобъ явиться главой и представителемъ цѣлаго періода молодой, рождающейся литературы.

Жуковскій внесъ новый, живой, можетъ быть, еще болѣе важный элементъ въ русскую поэзію, чѣмъ элементъ, внесенный Крыловымъ; Жуковскій проложилъ себѣ *собственный путь*, въ которомъ не было ему предшественниковъ; муза Жуковскаго возросла, воспиталась на почвѣ, въ то время никому изъ русскихъ невѣдомой и недоступной,—и, несмотря на то, *было-бы дѣломъ чистаго произвола отмѣтить именемъ Жуковскаго какой-нибудь изъ періодовъ русской литературы и не видѣть въ немъ одного изъ знаменитѣйшихъ* или даже *и самаго знаменитѣйшаго дѣятеля* въ томъ періодѣ русской литературы, главой и представителемъ котораго былъ *Карамзинъ*.

Вѣнецъ поэзіи Жуковскаго составляютъ *его переводы и заимствованія изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ*; въ этомъ *онъ самобытенъ*, какъ единственный *глава и представитель своей собственной школы*; въ этомъ выразился моментъ самаго сильнаго и плодовитаго движенія впередъ русской литературы карамзинскаго періода.

Но у Жуковскаго есть *и оригинальныя произведенія*, особенно патріотическія пьесы и посланія; сверхъ того онъ былъ знаменитъ еще какъ отличный писатель и переводчикъ въ прозѣ.

И вотъ *съ этой-то стороны онъ является писателемъ, совершенно подчиненнымъ вліянію Карамзина, во многихъ отношеніяхъ даже ученикомъ его.*

Конечно, по языку, оригинальныя стихотворенія Жуковскаго (въ особенности патріотическія пьесы и посланія) гораздо выше стихотвореній Карамзина и Дмитріева; но *ихъ духъ, направленіе, характеръ, содержаніе — все это нисколько не отступаетъ отъ идеала поэзіи XVIII вѣка*; — идеала поэзіи, который такъ присущъ и родственъ былъ карамзинскому взгляду на поэзію вообще.

Что же касается до Жуковскаго,—онъ является въ ней совершенно ученикомъ Карамзина, и если въ отношеніи къ стилистикѣ ученикъ подвинулся дальше учителя, то *взглядъ на предметы, складъ ума, характеръ слога и языка— все это чисто карамзинское.*

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть критическіе разборы Жуковскаго сатиръ Кантемира и басенъ Крылова, статьи его: «Марьина роща», «Три сестры», «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ», «Писатель въ обществѣ», и проч.

Выборъ переводныхъ статей въ прозѣ у Жуковскаго тоже отличается совершенно *карамзинскимъ духомъ*, несмотря на то, что многія статьи переведены съ нѣмецкаго.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что «Рафаэлева Мадонна» есть тоже оригинальная статья въ прозѣ Жуковскаго, но что въ ней уже нѣтъ ничего карамзинскаго.

Правда, но просимъ не забывать, что эта статья написана Жуковскимъ въ 1820 г.,—въ то время, когда вліяніе Карамзина на русскую литературу уже ослабѣло съ одной стороны, усилившись съ другой: тогда Карамзинъ былъ уже историкомъ Россіи, а собственно литературныя его произведенія уже забывались.

Вообще, въ это время Жуковскій сталъ дѣйствовать какъ-то самостоятельнѣе, освободившись отъ вліянія Карамзина.

Надобно еще замѣтить, что въ это время вліяніе на литературу и слава Жуковскаго достигли своего высшаго развитія, тогда какъ до этого времени Жуковскій былъ какъ-будто въ тѣни.

Ему удивлялись, его хвалили; но онъ все-таки писалъ для „немногихъ“.

И какъ тогда понимали его! Его называли „балладистомъ“, въ немъ видѣли пѣвца могилъ и привидѣній...

Ему подражали, но въ чемъ?—въ формѣ, а не въ духѣ,—и рядъ безсмысленныхъ и нелѣпыхъ балладъ былъ плодомъ этого подражанія.

Ему удивлялись, какъ русскому Тиртею, какъ пѣвцу народной славы,—и „Пѣвцы во станѣ“ и „Въ Кремлѣ“ доказали, какъ не мудрено подражать подобной народности...

Но передъ двадцатыми годами и въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія Жуковскій получилъ именно то значеніе, какое онъ всегда имѣлъ. Тогдашняя молодежь, развивавшаяся подъ вліяніемъ великихъ событій 1814 г., съ жадностью бросилась на нѣмецкую литературу, съ которой Жуковскій давно уже породнилъ русскій умъ и русскую музу.

Всѣ заговорили о романтизмѣ, о новой теоріи поэзіи; всѣ возстали противъ владычества псевдо - классической французской поэзіи.

Въ поэзіи русской явились луна и туманы, уныніе и грусть, смерть и гробъ.

Но въ это время *уже кончился карамзинскій періодъ русской литературы.*

Лучезарная звѣзда поэтической славы Жуковскаго вспыхнула и загорѣлась ярко уже въ новомъ періодѣ русской литературы: тогда уже явился Пушкинъ, и для Жуковскаго, еще во всей порѣ его дѣятельности, уже наставало потомство...

Періода, означеннаго именемъ Жуковскаго, не было въ русской литературѣ...

В. Г. Бѣлинскій.

Державинъ и Жуковскій.

Поэзія Державина была *преждевременною*, а потому и неудавшеюся попыткою на народную поэзію.

Могучій геній Державина явился слишкомъ не вѣ-время и не могъ найти въ народной жизни своего отечества какіе-нибудь элементы, какое-нибудь *содержаніе* для поэзіи.

Общество его времени хорошо понимало поэзію патронатства, лести и угодничества; но о всякой другой поэзіи не имѣло рѣшительно никакого понятія и, слѣдовательно, не имѣло въ ней никакой потребности, никакой нужды.

Слава Державина была основана не на общественномъ мнѣніи, котораго тогда не была ни признака, ни тѣни, особенно въ дѣлѣ литературы; нѣтъ, слава Державина была основана на просвѣщенномъ вниманіи немногихъ къ его таланту.

И если во всей Россіи того времени было человѣкъ десять или двадцать, болѣе или менѣе умѣвшихъ цѣнить этотъ высокій талантъ, то остальные, человѣкъ сто или двѣсти, изъ которыхъ состояла тогдашняя читающая публика, кричали о немъ съ голоса первыхъ, сами хорошенько не понимая собственнаго крика.

Гдѣ жъ тутъ было явиться истинной поэзіи и великому поэту?

Правда, природа производитъ таланты, не спрашиваясь времени и не справляясь, нужны они, или нѣтъ; но, вѣдь, великіе поэты творятся не одною природою: они творятся обществомъ, т. е. историческимъ положеніемъ общества.

Думать, что поэта составляетъ одинъ талантъ—значитъ грубо ошибаться.

Разумѣется, прежде всего поэтомъ дѣлаетъ человѣка талантъ; но къ этому также необходимы еще *и характеръ, и образованіе, и направленіе*, которые зависятъ отъ общества, среди котораго является поэтъ.

Чтобы поэтически воспроизводить дѣйствительность, мало одного природнаго таланта,—нужно еще, чтобы подъ рукою поэта была поэтическая дѣйствительность.

Хорошо было грекамъ творить ихъ изящныя, исполненныя идеальной красоты статуи, когда греческіе художники и на площадяхъ, и на улицахъ, и на рынкахъ безпрестанно встрѣчали то мужчинъ съ головою Зевеса, со станомъ Аполлона, то женщинъ съ выраженіемъ величаво-строгой красоты Паллады, съ роскошными формами Афродиты или обаятельною прелестью харитъ.

Только итальянскимъ живописцамъ среднихъ вѣковъ былъ доступенъ идеалъ Мадонны, ибо типъ ея они видѣли безпрестанно въ прекрасныхъ женщинахъ своего богатаго красотою отечества.

Странное дѣло! Всѣ понимаютъ, что нельзя сдѣлаться великимъ живописцемъ, имѣя какой бы то ни было великій талантъ, если въ годы изученія искусства нѣтъ хорошихъ натурщиковъ; всѣ понимаютъ, что всякій живописецъ, творя идеальную красоту, все-таки нуждается, во время своей работы, въ образцѣ дѣйствительности; а никто не хочетъ понять, что точно такъ же и для великихъ поэтовъ

образцомъ ихъ идеальныхъ созданій служитъ тоже окружающая ихъ дѣйствительность.

Природа творитъ великихъ полководцевъ, когда ей угодно, а не только на случай войны, но безъ войны и великій полководецъ проживетъ весь свой вѣкъ, даже и не подозрѣвая, что онъ—великій полководецъ: только во времена сильныхъ движеній общественныхъ, люди, одаренные отъ природы большими военными способностями, дѣлаются великими полководцами.

Чопорный, натянутый Расинъ въ древней Греціи былъ бы страстнымъ и глубокомысленнымъ Эврипидомъ; а во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV, и самъ страстный, глубокомысленный Эврипидъ былъ бы чопорнымъ и натянутымъ Расиномъ.

Таково *вліяніе исторіи и общества* на талантъ! У насъ этого не хотятъ знать. Кричатъ о Державинѣ, что онъ геній; стиховъ его давно уже совсѣмъ не читаютъ, а считаютъ чуть не безбожниками тѣхъ, кто осмѣливается говорить, что теперь поэзія Державина—слишкомъ непитательная и невкусная пища для эстетическаго вкуса.

Повторяемъ не разъ уже сказанное и, смѣемъ надѣяться, доказанное нами, что при всей огромности таланта, который мы и не думаемъ отрицать и передъ которымъ мы умѣемъ благоговѣть больше, нежели всѣ крикуны и лицемѣры, вопіющіе противъ насъ,—Державинъ не принадлежитъ къ тѣмъ вѣчно юнымъ геніямъ, которыхъ созданія никогда не старѣются, всегда новы и интересны.

Поэзія Державина была блестящею и интересною попыткой, для успѣха которой не были готовы ни русское общество, ни русскій языкъ, ни образованіе самого поэта.

Это—*поэзія, носящая въ себѣ всѣ родовые признаки своего времени, а потому для насъ, русскихъ, имѣющая свой историческій интересъ;* но какъ время этой поэзіи, такъ сама эта поэзія чужды всякаго дѣйствительнаго и опредѣленнаго идеальнаго содержанія, которое дается только сильно развитою народною жизнью.

Лучшее, что есть въ поэзіи Державина,—это *намеки на поэзію*, часто не достигающіе цѣли по ихъ неопредѣленности и темнотѣ; проблески поэзіи, часто погасающіе въ

водяной массѣ риторики; словомъ, это *несвязный дѣтскій поэтическій лепетъ*, но еще не поэзія.

Въ поэзіи Державина есть и полётистая возвышенность, и могучая крѣпость, и яркость великолѣпныхъ картинъ, и, несмотря на ея подражательность, есть что-то, отзывающееся стихіями сѣверной природы; но все это является въ ней не въ стройныхъ созданіяхъ, вѣрныхъ и выдержанныхъ по концепціи и отличающихся художественною полнотой и оконченностью, но отрывочно, мѣстами, проблесками.

Словомъ, это еще не поэзія, а только стремленіе къ поэзіи.

Задумчивая и мечтательная поэзія Жуковскаго совершенно чужда главнаго недостатка поэзіи Державина: она *исполнена содержанія, но* вмѣстѣ съ тѣмъ *лишена разнообразія* и *многосторонности.*

Ни одному поэту такъ много не обязана русская поэзія, въ ея историческомъ развитіи, какъ Жуковскому, и между тѣмъ въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія является *не столько искусствомъ, сколько служительницею* и *провозвѣстницею тайнъ внутренней жизни.*

Жуковскій—*романтикъ въ духѣ времени среднихъ вѣковъ, а не художникъ.*

По своей натурѣ онъ чуждъ этой способности, совершенно поэтической и артистической, свободно переноситься во всѣ сферы жизни и воспроизводить ея явленія въ ихъ разнообразіи и свойственной каждому изъ нихъ особенности.

Ему чуждо это свойство Протея принимать всѣ виды и формы и оставаться въ то же время самимъ собою,—это свойство, въ которомъ заключается сущность поэзіи, какъ искусства.

Поэзія Жуковскаго была *отголоскомъ его жизни,* вздохомъ по утраченнымъ радостямъ, разрушеннымъ надеждамъ, поэтическою тризной надъ умершимъ для очарованія сердцемъ.

Поэзія души и сердца, она чужда всѣхъ другихъ интересовъ и рѣдко выходитъ изъ-за магическаго круга неопредѣленныхъ стремленій и туманныхъ мечтаній.

Это ея величайшій недостатокъ, но это же и ея величайшее достоинство.

Она была необходима не для самой себя, а какъ средство къ развитію русской поэзіи; она явилась не какъ готовая уже поэзія, подобно Палладѣ, родившейся во всеоружіи, а какъ *моментъ возникавшей русской поэзіи.*

Она обогатила русскую поэзію *содержаніемъ*, котораго ей недоставало; указала ей на богатые и неистощимые источники европейской поэзіи, которой явленія умѣла съ непостижимымъ искусствомъ усвоивать русскому языку.

Сверхъ того, Жуковскій далеко подвинулъ впередъ и русскій языкъ, придавъ ему много гибкости и поэтическаго выраженія.

Въ поэзіи Батюшкова преобладаетъ элементъ *чисто художественный.*

Это—видно и въ фактурѣ его стиха, и вообще въ пластическомъ характерѣ формъ его произведеній: это же видно и въ артистическомъ, полномъ страсти стремленіи его къ наслажденію, къ вѣчному пиру жизни; это же видно и въ разнообразіи предметовъ его поэтическихъ пѣсенъ.

Это—преимущества поэзіи Батюшкова передъ поэзіею Жуковскаго; но *поэзія Жуковскаго несравненно богаче поэзіи Батюшкова содержаніемъ.*

Поэзія Батюшкова скользитъ по жизни, едва зацѣпляясь за нее; содержаніе ея весьма скудно и бѣдно. Самая художественность стиха его не достигла полнаго своего развитія: Батюшковъ любилъ произвольныя усѣченія прилагательныхъ; между превосходнѣйшими стихами у него встрѣчаются негладкіе и даже не поэтическіе; сверхъ того, вѣрный преданіямъ русской поэзіи и примѣру отца ея—Ломоносова, Батюшковъ очень и очень не чуждъ риторики.

В. Г. Бѣлинскій.

Жуковскій и Пушкинъ.

Въ то время уже прославленный «пѣвецъ Свѣтланы» нашелъ въ своемъ любящемъ, мягкомъ сердцѣ мѣсто для страннаго генія-подростка и, несмотря на разницу лѣтъ и положеній, установилъ съ нимъ тѣ *равныя товарищескія отношенія*, которыя только и могли сблизить съ Пушкинымъ.

Онъ не навязывалъ юношѣ своего «прекраснодушія»; въ немъ Пушкинъ не чувствовалъ никогда ни тѣни того фарисейскаго самодовольства, которое стремится всѣхъ передѣлать на свой ладъ. Милымъ, доброжелательнымъ, спокойно-добродушнымъ, даже веселымъ, предсталъ передъ юношей Жуковскій; онъ увлекалъ его разсказами о русскихъ литераторахъ той поры и, добродушно осмѣивая старовѣровъ «русскаго Парнаса», мало-по-малу, втягивалъ поэта въ молодые свѣжіе интересы своихъ литературныхъ друзей...

Какое громадное значеніе придавалъ юноша дружбѣ Жуковскаго, видно, хотя бы изъ того, что въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ-запискахъ, куда онъ заносилъ все знаменательное въ своей жизни, онъ счелъ нужнымъ отмѣтить: «Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія».

Мы знаемъ, въ чемъ была обаятельная сила Жуковскаго—въ чистотѣ его сердца.

И, если въ ту пору, когда закипали въ душѣ и поэзіи Пушкина первыя страсти, онъ всей душой тянулся къ Жуковскому, благоговѣя передъ «кристальностью» его души,— то совершенно исключительная благотворность его вліянія на сердце и на творчество Пушкина является несомнѣнной: самъ Пушкинъ признавалъ, что нѣжный голосъ «пѣвца Свѣтланы» обладалъ способностью «утѣшать» его «безмолвную печаль», а иногда его слишкомъ «шумную, рѣзвую радость» смирялъ первой неясной «думой».

В. Сиповскій.

„Арзамасъ“.

Значеніе этого знаменитаго общества не только не разъяснено у насъ вполнѣ, но врядъ ли еще и понятно достаточно ясно и правильно, благодаря тому, что историки и судьи «Арзамаса» видѣли въ немъ одну только шутливую сторону и сочли его на этомъ основаніи за сборище веселыхъ и праздныхъ собесѣдниковъ.

Шутливость «Арзамаса» прикрывала однако-же очень серіозную мысль, что именно и даѐтъ ему право на вниманіе въ исторіи нашего просвѣщенія.

Извѣстно, что «Арзамасъ» основанъ былъ для противодѣйствія державинско-шишковской «Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» и для поддержанія не только переворота въ языкѣ и литературѣ, произведеннаго Карамзинымъ, который поэтому и считался какъ бы невидимой главой «Арзамаса», но и *для защиты правъ русскихъ писателей на свободную, независимую дѣятельность.*

Много разъ приводится въ литературѣ нашей доносъ куратора московскаго университета Голенищева-Кутузова, въ которомъ онъ указывалъ на Карамзина, какъ на заговорщика, помышляющаго о ниспроверженіи законной власти и присвоеніи ея себѣ, съ помощью многочисленныхъ своихъ поклонниковъ.

Поводы къ такого рода чудовищностямъ крылись столько же въ личныхъ вопросахъ, сколько и въ ихъ условіяхъ тогдашняго быта.

Неизбѣжная связь всякой литературы съ внутреннею политикою, т.-е. *съ состояніемъ умовъ и жизнію страны вообще,* какъ бы ни старались мѣшать образованію этой связи, давала поводъ ужасаться всякій разъ, какъ эта связь обнаруживалась сама собою.

Тогда поднимались вопли и жалобы съ двухъ сторонъ: со стороны слѣпыхъ, боязливыхъ умовъ, и со стороны смѣлыхъ пройдохъ, имѣвшихъ своекорыстныя цѣли.

И тѣ, и другіе разрѣшались одинаково нелѣпѣйшими подозрѣніями и обвиненіями.

Нѣчто подобное доносу Кутузова повторялось и позже, *въ эпоху появленія романтизма.*

«Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, человѣка вполнѣ честнаго и благороднаго, видѣлъ въ попыткѣ уничтоженія піитическихъ правилъ, проповѣдываемой новой школой романтиковъ, затаенное ея намѣреніе высвободиться изъ-подъ власти іерархическихъ и всякихъ другихъ авторитетовъ.

Это было только заблужденіе; но еще позже, извѣстный Булгаринъ уже пользовался страхомъ администраціи передъ тѣнью политической литературы, просто выдумывая сплетни и разоблачая небывалые политическіе замыслы, для погубленія своихъ критиковъ и недоброжелателей, и успѣвалъ въ томъ не разъ, какъ показываетъ исторія его

съ Дельвигомъ, бывшая одной изъ причинъ преждевременной смерти послѣдняго.

Карамзинъ уже переѣхалъ въ Петербургъ и пользовался высокимъ уваженіемъ государя; Жуковскій, пенсіонеръ двора съ 1816 года, уже приготовлялся къ занятію поста воспитателя въ царской семьѣ; друзья и ревнители ихъ славы—Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ и друг.—уже стояли на дорогѣ, которая повела ихъ на высокія ступени въ государствѣ.

Въ виду все болѣе усиливающагося ихъ вліянія и значенія, «Бесѣда» потеряла часть своей энергіи въ преслѣдованіи новаторовъ, ту энергію, которой обнаружила такъ много еще не очень давно, именно въ 1815 году, когда «Липецкія воды» кн. Шаховскаго, ея сторонника, со своимъ нѣсколько топорнымъ обличіемъ балладистовъ и сентименталовъ, дѣлили публику на два лагеря.

«Бесѣда», въ лицѣ Шишкова, обнаружила даже попытки итти навстрѣчу прежнимъ врагамъ, а съ другой стороны, «Арзамасъ» совсѣмъ замолкъ и не собирался болѣе съ 1817 года столько же потому, что прямыя цѣли его основанія были достигнуты, столько и по другому обстоятельству. Въ нѣдра его внесена была рознь съ прибытіемъ новыхъ членовъ яркой современной политической окраски (М. Ѳ. Орлова, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева), членовъ, которые не хотѣли ограничиться узкой, либерально-литературной задачей «Арзамаса», упрекали его въ безцвѣтности, пустотѣ и праздности и указывали политическія и соціальныя цѣли для дѣятельности.

Но «Арзамасъ» именно и занимался ими, стоя на почвѣ литературныхъ, ученыхъ и художническихъ вопросовъ, и не уступилъ намѣренію втянуть его въ колею тайныхъ обществъ.

Онъ предпочелъ лучше не собираться вовсе, чѣмъ собираться для скорыхъ приговоровъ и рѣшеній, которые неспособны были измѣнить строя нашей жизни ни на одну іоту къ лучшему, и Д. И. Блудовъ, отстранившій предложеніе М. Ѳ. Орлова—обратиться къ вопросамъ политическаго содержанія,—конечно, не измѣнялъ дѣлу прогресса и развитія въ отечествѣ, выразивъ въ долгой рѣчи по этому поводу желаніе остаться на почвѣ критики, изученія русскаго слова и литературы.

Какъ бы то ни было, но духъ этихъ двухъ знаменитыхъ литературныхъ центровъ не исчезъ вмѣстѣ съ ними.

Главнѣйшіе представители обоихъ направленій, выражаемыхъ этими центрами, не измѣнили своихъ убѣжденій, и борьба между ними продолжалась и тогда, когда знаменъ, подъ которыми они сражались прежде, не было уже видно на литературной аренѣ; только споръ былъ перенесенъ теперь изъ области теоретическихъ разсужденій и словесности вообще, гдѣ все смолкло, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ времени, на служебную и дѣловую арену.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что *«Арзамасъ» не имѣлъ собственно никакой, ни эстетической, ни политической, теоріи,* чѣмъ и отличался отъ своего соперника, «Бесѣды Любителей».

Послѣдняя, благодаря А. С. Шишкову, обладала полнымъ кодексомъ воззрѣній на лучшія формы языка, на предметы, которыми должно заниматься искусство, и на пути, которыми слѣдуетъ вести и русскую жизнь, и русскую словесность къ ихъ вящшему преуспѣянію въ духѣ благочестія, народности и нравственности.

Каковы были требованія и опредѣленія этого кодекса— теперь уже разобрано и оцѣнено по достоинству; но онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ нѣкоторую обольстительную сторону для своего времени, потому что мы встрѣчаемъ въ числѣ приверженцевъ «Бесѣды» и враговъ «Арзамаса» такихъ людей, какъ А. Н. Катенинъ и А. С. Грибоѣдовъ, не говоря уже объ А. Н. Оленинѣ и т. д.

Можетъ-быть, это зависѣло отъ полноты и цѣльности системы Шишкова, которая давала готовые отвѣты на самые трудные вопросы русскаго просвѣщенія и быта.

Какъ бы то ни было, но Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» своимъ литературнымъ евангеліемъ, а модно-архаическія, славянофильскія тенденціи Грибоѣдова достаточно обнаруживаются въ нѣкоторыхъ выходкахъ Чацкаго, что и объясняетъ холодность, съ которой встрѣтили нѣкоторые истые арзамасцы, какъ, напр., князь Вяземскій, его безсмертную комедію.

Чѣмъ же былъ собственно «Арзамасъ», не имѣвшій противопоставить «Бесѣдѣ» никакой равносильной эстетической и философской теоріи, а тайнымъ обществамъ ника-

кой не только выработанной, но и намѣченной политической темы?

«Арзамасъ» представлялъ собственно *партію молодыхъ людей, которые*, опираясь на примѣръ Карамзина, *отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги къ жизни и литературѣ.*

«Арзамасъ» ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и *ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ*—либеральномъ или консервативномъ.

Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапеляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея.

Вотъ почему «Арзамасъ» неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными признаками способности завоевать себѣ будущность.

Онъ очень любилъ *противопоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ*, да не отступалъ и передъ *разоблаченіемъ упроченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій*, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуповъ и самохваленія издержано было для составленія ихъ.

Въ лицѣ Жуковскаго «Арзамасъ» привѣтствовалъ и романтизмъ въ нашей литературѣ, а когда воздвигнуто было гоненіе на самую идею романтизма—«Арзамасъ», уже явно не существовавшій, выслалъ, однако-же, горячаго защитника новому виду творчества, князя Вяземскаго, и поддерживалъ его своимъ согласіемъ.

Вотъ въ чемъ заключались всѣ теоріи «Арзамаса».

Къ этому надо прибавить, что *орудіемъ борьбы* служили для него, когда онъ собирался еще въ свои засѣданія, *острота, насмѣшка, ироническое восхваленіе* въ стихахъ и въ прозѣ, при чемъ, заставляя хохотать до упаду и такихъ людей, какъ Карамзинъ, «Арзамасъ» самъ называлъ «галиматьей» свои произведенія.

Въ области *пониманія и представленія гражданскихъ обязанностей*, вліяніе «Арзамаса» на людей обнаружилось не менѣе сильно.

Тутъ опять мы не находимъ ничего похожаго на систему или ученіе, съ точностью опредѣляющее всѣ свои основы.

Подобно тому, какъ на литературной почвѣ *чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ* замѣняло «Арзамасу» эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми инстинктами свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую науку, какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недостатковъ, а главное—онъ отличался *непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія со свободой лицъ, сословій и учрежденій.*

Проводя эти убѣжденія, «Арзамасъ» выражалъ истинную мысль своей эпохи или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судебъ.

Конечно, несправедливо было бы смѣшивать характеръ и убѣжденія честнаго, прямодушнаго, хотя и упорнаго А. С. Шишкова съ характеромъ и проповѣдями такихъ честолюбцевъ и проходимцевъ, какъ Магницкій и Руничъ: но оба эти реформатора все-таки прикрывали свои мрачныя цѣли началами, сходными съ воззрѣніями шишковской «Бесѣды».

«Арзамасъ», можно сказать, цѣликомъ вступилъ въ борьбу со старымъ своимъ врагомъ, очутившимся уже на административной почвѣ.

Недавно опубликовано было письмо къ государю бывшаго попечителя с.-петербургскаго округа С. С. Уварова (отъ 17 ноября 1821 года), смѣло объяснявшее средства, употребляемыя Руничемъ для возведенія простыхъ ученыхъ и учебныхъ положеній въ преступныя заявленія и въ уголовные проступки, — письмо, не оставшееся безъ непріятныхъ послѣдствій для его автора.

Позже, когда съ назначеніемъ министромъ самого А. С. Шишкова (1824 года), пресловутая «Бесѣда» очути-

лась, такъ сказать, во главѣ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія — она нашла всѣхъ старыхъ своихъ противниковъ на своихъ мѣстахъ.

Новый министръ, какъ видно изъ его записокъ, до конца своей жизни сохранилъ убѣжденіе, что шаткость общественнаго порядка въ Россіи находится въ зависимости отъ ослабленія основъ старой русской жизни, стараго русскаго воспитанія и образованія, потрясенныхъ литературной реформой послѣдняго времени, которая открыла будто бы двери всяческому легкомыслію и вольнодумству.

Слѣдствіемъ этихъ убѣжденій было появленіе цензурнаго устава 1826 года, съ его извѣстнымъ, крайне притѣснительнымъ характеромъ.

Въ особенной смѣшанной комиссіи, которая была поставлена для просмотра иностраннаго цензурнаго устава, тогда же выработаннаго министромъ, засѣдали два арзамасца, Уваровъ и Дашковъ.

Подъ ихъ вліяніемъ комиссія занялась не только иностраннымъ цензурнымъ уставомъ, но подняла вопросъ и о русскомъ недавно вышедшемъ, и строго разобрала его положенія и основанія. Комиссія подготовила, такимъ образомъ, возможность новаго проекта съ болѣе благопріятными условіями для русской ученой и художественной дѣятельности, который, дѣйствительно, вскорѣ и появился.

Это былъ тотъ знаменитый цензурный уставъ 1828 г., который стоялъ такъ выше людей своего времени и укоренившейся цензурной практики, что никогда не былъ вполнѣ примѣненъ къ дѣлу и, большею частью, оставался мертвой буквой вплоть до своего уничтоженія въ 1865 году.

Вообще, «Арзамасъ» представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ *собранія съ однѣми нравственными и образовательными цѣлями*, формально просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по свѣту.

Долго сохранили они свою либеральную окраску, одинаковое пониманіе европейскихъ идей и неотлагательныхъ нуждъ русскаго общества.

Только гораздо позже, въ половинѣ слѣдующаго царствованія, начинаетъ тускнѣть и загрубѣвать между ними единившая ихъ мысль; люди «Арзамаса» наживаютъ себѣ противоположныя цѣли, расходятся въ разныя стороны и даже становятся отъявленными врагами другъ друга.

П. Анненкова.

Хронологія.

Главные факты *біографіи Жуковскаго*:

Василій Андр. Ж. *родился* въ 1783 г., 29 января, отъ плѣнной турчанки, и воспитывался, какъ родной сынъ, въ домѣ помѣщика Аѳанасія Ив. Бунина.

Онъ былъ *усыновленъ* другомъ семейства, кіевскимъ дворяниномъ Андреемъ Гр. Жуковскимъ, отъ котораго и получилъ свою фамилію и отчество.

Онъ *учился* въ пансіонѣ Роде въ Тулѣ, потомъ съ января 1797 въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, гдѣ товарищами его были Александръ и Андрей Тургеневы, Блудовъ, Д. В. Дашковъ, С. С. Уваровъ.

Въ слѣдующемъ году, въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (ч. XVI) была напечатана первая статья Ж.: „Мысли у могилы“. Онъ переводилъ Коцебу, повѣсти Шписа.

Въ 1802 онъ перевелъ элегію Грея: „*Сельское кладбище*“, которая напечатана была въ „Вѣстникѣ Европы“, Карамзина. Это было начало его поэтической славы.

По выходѣ изъ пансіона онъ жилъ то въ Москвѣ, то среди родныхъ, въ Бѣляевѣ и въ деревнѣ. Съ 1808 онъ взялъ на себя редакцію „Вѣстника Европы“, и оставилъ ее въ 1810-мъ. Переводы изъ Лафонтена, Флоріана, Мильвуа, Бюргера, Шиллера, Драйдена.

Въ 1812, неудача въ брачномъ исканіи (вслѣдствіе близкаго родства) и поступленіе въ ополченіе. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ былъ писанъ „*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*“. Великій успѣхъ стихотворенія и приглашеніе въ Петербургъ отъ импер. Маріи Ѳеодоровны,—которой стихотвореніе поднесено было И. И. Дмитріевымъ.

1814, „Посланіе императору Александру“, которое произвело сильное впечатлѣніе при дворѣ.

1814—16 „Пѣвецъ въ Кремлѣ“.

Съ 1815, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Дерптѣ съ родными, и еще въ томъ же году былъ представленъ ко двору.

Въ 1816, кн. Голицынъ, министръ просвѣщенія, поднесъ стихотворенія Ж. имп. Александру, который назначилъ ему пожизненную пенсію въ 4000 р. асс. Переводы и подражанія изъ Гольдсмита, Монкрифа, Саути, Клопштока.

Въ концѣ 1817, онъ назначенъ былъ учителемъ русскаго языка при вел. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ, и съ тѣхъ поръ началась его придворная жизнь. Извѣстно его посланіе вел. княгинѣ на рожденіе в. кн. Александра Николаевича (потомъ имп. Александра II), 1818.

1821—22, путешествіе за границу. Переводы и подражанія изъ Уланда, Гёте, Гебеля, Шиллера (1821, Орлеанская Дѣва), Вальтеръ-Скотта (1822, Замокъ Смальгольмъ).

1823, смерть М. А. Мойеръ, его давней привязанности.

1826—до октября 1827, поѣздка за границу для леченія; тогда же онъ готовился къ исполненію назначенія—быть воспитателемъ наслѣдника престола.

1832, еще путешествіе на воды.

1831, сказки: Спящая царевна, Война мышей и лягушекъ: о царѣ Берендеѣ. Подражанія и переводы изъ Шиллера, Уланда, Гебеля, Ламоттъ-Фуке.

1836, Ундина.

1837, путешествіе съ наслѣдникомъ по Россіи.

1838 и начало 1839, путешествіе съ наслѣдникомъ по Европѣ. Въ Римѣ встрѣча съ Гоголемъ. „Камоэнсъ“, драмат. поэма, подражаніе Гальму.

1840, обрученіе; 1841, женитьба Ж. на молодой дѣвицѣ Рейтернъ.—Сказки объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ; Котъ въ сапогахъ; Тюльпанное дерево.

1843, Наль и Дамаянти.

Встрѣчи и совмѣстная жизнь съ Гоголемъ;—вліянія піэтизма.

Въ 1849, законченъ переводъ Одиссеи (начатый въ январѣ 1842).

1844—47, Рустемъ и Зорабъ.

1851, „Вѣчный Жидъ“.

Кончина 12 апрѣля 1852 г.

А. Н. Пыпинъ.
